

83,3P

C39

83,3P

редкие

Р 8P

С 39

Синовиный

История хрестоматия

Т. 2 Вып. 3

10629

60т.

ЦГПБ ИМ
ЛИСТОК ЧИТАТЕ
НА

Якова

10629

редкие

м/ф

К
12

83,3P
С39
8P
С39

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. II, вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА начала XIX в.

КЛАССИЧЕСКОЕ, РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ И НАРОДНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЯ XIX в.

ПРИМЪНАТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“
ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. II.

ПРОВЕРКА
1933 г.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

1-е изд. было допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособия въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи Феодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

1950

Московская Центральная
Публичная библиотека

ЧИТАЛЬНЯ
Московской Городской
Центральной
БИБЛИОТЕКИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.

1910.

л. 19...

1942

1936 г.
№

ПРОФТА

6
1/2 ~~1500~~

7

Оглавление.

	СТРАН.
Классическое направление	1—25
ОЗЕРОВЪ	1—12
(„Эдипъ въ Афинахъ“—1—6; „Димитрій Донской“—6—12).	
ВАТЮШКОВЪ	12—25
„Къ Н. И. Гнѣдичу“—12; „Отрывокъ изъ элегіи“—13; „Мои пены“—13; „Тѣнь друга“—15; „На развалинахъ замка въ Швеціи“—16; „Надежда“—18; „Къ другу“—18; „Переходъ черезъ Рейнь“—19; „Умирающій Тассъ“—22; „Изреченіе Мельхиседека“—24.	
Реалистическое направление	25—101
И. ДМИТРИЕВЪ	25—34
Сатира „Чужой толкъ“—25; сказка „Причудница“—27; „Лиса-проповѣдница“—33.	
КРЫЛОВЪ	34—57
„Ворона и лисица“—34; „Дубъ и трость“—35; „Ларчикъ“—36; „Оракуль“—36; „Мартышка и очки“—37; „Два Голубя“—37; „Червонецъ“—39; „Безбожники“—39; „Морь звѣрей“—40; „Волкъ на псарнѣ“—41; „Ручей“—42; „Щука и котъ“—43; „Волкъ и кукушка“—43; „Пѣтухъ и жемчужное зерно“—44; „Обозъ“—44; „Вороненокъ“—45; „Слонъ на воеводствѣ“—45; „Осель и соловей“—46; „Крестьянинъ въ бѣдѣ“—46; „Котъ и поваръ“—47; „Огородникъ и философъ“—47; „Муха и дорожные“—49; „Листы и корни“—49; „Тришкинъ кафтанъ“—50; „Конь и всадникъ“—50; „Демьянова уха“—51; „Водолазы“—51; „Сочинитель и разбойникъ“—53; „Крестьянинъ и эмбѣ“—54; „Два мужика“—55; „Прихожанинъ“—55; „Три мужика“—56; „Пестрыя овцы“—56.	
А. ИЗМАЙЛОВЪ	57—62
„Котъ и крыса“—57; „Два рака“—58; „Два крестьянина и облако“—58; „Священникъ и крестьянинъ“—59; „Дуракъ-Филатка“—60; „Встрѣча двухъ подругъ“—60; „Стрѣлки“—61.	
ГРИБОВЪДОВЪ	62—97
„Горе отъ ума“—62.	

	СТРАН.
НАРЪЖНЫЙ	97—118
„Бурсакъ“—97; „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“—115.	
Народническое направленіе	118—129
МЕРЗЛЯКОВЪ	118—120
„Среди долины ровныя“—118; „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“—119; „Чернобровый, черноглазый“—119.	
ЕРШОВЪ	120—124
„Конекъ-Горбунокъ“—120.	
РАСТОПЧИНЪ	124—129
„Мысли велухъ на Красномъ крыльцѣ“—124; „Изъ Афишъ 1812 года“—128.	

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ II-ой томъ моей хрестоматіи, я надѣюсь, что онъ будетъ встрѣченъ такъ же благосклонно, какъ I-ый и III-ій. Обиліе литературнаго матеріала, включеннаго въ содержаніе этого II-го тома, заставило меня разбить его на **пять** выпусковъ.

Въ третій выпускъ включилъ я произведенія начала XIX-го вѣка, принадлежащія **классическому, реалистическому и народническому направленіямъ**. Многіе изъ нихъ впервые появляются въ учебныхъ хрестоматіяхъ, между тѣмъ, ихъ интересъ настолько великъ, что ознакомленіе съ ними учениковъ является, на мой взглядъ, дѣломъ необходимымъ. Только при условіи широкаго и всесторонняго освѣщенія литературной жизни XVIII-го вѣка и начала XIX-го понятной сдѣлается дѣятельность Пушкина и Гоголя. Преслѣдуя своимъ учебникомъ („Исторія русской словесности“ въ 3-хъ т.) и хрестоматіей вполне опредѣленную цѣль—помочь строго-исторической постановкѣ школьнаго изученія русской литературы, глубже и шире освѣтить русское творчество прошлаго, я считаю необходимымъ и цѣлесообразнымъ то расширеніе изученія литературнаго матеріала, первымъ опытомъ котораго въ нашей педагогической литературѣ является моя „Историческая хрестоматія“.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Терминъ—*„Классическое направление“* употребляется здѣсь совершенно условно,—Озерова и особенно Батюшкова,—можно съ полнымъ правомъ причислить и къ *романтикамъ*. Озеровъ стоитъ на самомъ переломѣ отъ классицизма къ романтизму,—въ своемъ „Фингалъ“ онъ даже заимствуется сюжетомъ, взятымъ у романтиковъ; у него встрѣчаемъ мы, въ его „Эдипъ“, желаніе уловить *couleur locale*—понять духъ жизни древнихъ грековъ,—все это черты, сближающія его съ романтиками.

Батюшкову, первому изъ русскихъ лириковъ, удалось почувствовать поэзію эпикуреизма,—и нѣкоторые образы, имъ выведенные (напр., „Вакханка“) полны античной красоты. Мы видѣли уже, что романтики, заинтересовавшись поэзіею чуждыхъ народовъ и времянь, захотѣли уловить „духъ“ націй, эпохъ—*„couleur locale“*, *„historique“*, *„éthnografique“*; они не пренебрегли поэзіей Рима и Эллады, и реставрировали ее такъ, какъ это не удавалось псевдоклассикамъ. Какъ результатъ этихъ интересовъ романтизма къ античному міру, сложилась особая группа романтиковъ, носящая иногда названіе „неоклассиковъ“, или просто „классиковъ“, (но уже *не псевдоклассиковъ*); въ этомъ смыслѣ употребилъ я терминъ *„Классическое направление“*.

Озеровъ.

Эдипъ въ Афинахъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣдца!

Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили...

Антигона. Здѣсь камень вижу я;
надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ (*спѣвши на камень*). Я мой
вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

Антигона. Ужасною тоской твои
всѣ мысли полны.

Эдипъ. Увы, какъ въ бурный день
свирѣпы гонятъ волны

И отвергаетъ брегъ обломки ко-
рабля,

Такъ небомъ и землей гонима жизнь
моя!

Антигона. Какимъ мечтаніемъ
смущаешь духъ унылой!

Эдипъ. Ахъ, я Эдипъ!

Антигона. Увы, ты съ бѣльшей
прежде силой

Несправедливый гнѣвъ судьбы своей
сносилъ!

Эдипъ. Печальну жизнь влачить
недостаетъ мнѣ силъ.

Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, оста-
лися мнѣ очи;

Дни ясны для меня подобны мрач-
ной ночи.

Нѣтъ, никогда уже мой не увидить
взоръ

Ни красоты долинъ, ни возвышен-
ныхъ горъ,

Ни въ вешній день лѣсовъ зеленя
одежды,

Ни съ жатвою полей, оратаевъ на-
дежды,

Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:

Сокрылись отъ меня всѣ прелести
природы.

При имени моемъ всѣ встаютъ
народы:

Какъ язва лютая, отвсюду яго-
нимъ!

Антигона. Мы здѣсь убѣжище
найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ. Съ какой жестокостью
сыны меня изгнали!

Антигона. Почто возобновлять
прошедшія печали?

Эдипъ. Я ихъ любилъ...

Антигона. Увы, забудь, забудь
о нихъ

И вспоминаемъ ранъ не растра-
вляй своихъ!

Эдипъ. Предвижу ихъ бѣды: тще-
славія развратомъ

Влекомый, Полиникъ не будетъ въ
мирѣ съ братомъ...

На злость, на пагубу дѣтей извель
я въ свѣтъ!

Антигона. Ужели предъ тобой и
я виновна?

Эдипъ. Нѣтъ!

Ты—утѣшенье мнѣ, любезна Анти-
гона,

Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моея ты нищеты!

Для странника-отца забыла счастье
ты,

Санъ свѣтлый, царскій дворъ и
юности забавы.

Одно намъ рубище отъ всей оста-
лось славы!

Антигона. Ахъ, не жалѣю я о
пышной славѣ той;

Горжусь симъ рубищемъ, моею ни-
щетою;

Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоею—вотъ счастье

Антигоны,
Вотъ титло славное превыше тит-
ловъ всѣхъ!

Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.

Увы, родитель мой, гонимъ людьми,
судьбою,

Безъ помощи моея, чтѣ-бъ сдѣлалось
съ тобою?

Ты древнюю главу въ кому бы при-
клонилъ?

На чью, на чью бы грудь ты слезы
уронилъ?

Прохлады въ жаркій день въ моея
ты ищешь тѣни;

Я сяду, ты главу мнѣ склонилъ на
колѣни;

Среди густыхъ лѣсовъ, въ жесто-
кость бурныхъ зимъ,

Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ
моимъ.

Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно
мы забудемъ

И утѣшеніемъ одинъ другому бу-
демъ!

Ко мнѣ ты проливай свою сердечну
боль,

Но мнѣ защитою твоею быть доз-
воль.

Не позавидую въ моея тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на

престолѣ.

Эдипъ. Награда сладостна толи-
кихъ скорбныхъ лѣтъ...

О, радость полная, моихъ превыше
бѣдъ!
Приди, о, дочь моя, приди, мое рож-
денъе,
Да будетъ надъ тобой боговъ бла-
гословенъе!
Живой отрадою наполнила мнѣ
грудь,
Любви къ родителю въ примѣръ по-
томству будь!
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы
И похвала твоя пройдетъ изъ рода
въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!.. прибли-
зился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ сулилъ же-
стокій рокъ!
Антигона. Еще ты жизнь вести
возможешь многи годы.
Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не лстись!
пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколко
поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смер-
ти дань отнестъ.
Одинъ, шедъ малый путь, другой,
прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ
въ равной долѣ.
Но ты, о, дочь моя, печаль свою
умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ
отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?
Антигона. Въ долину мы:
окрестъ пустыни виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ ви-
дѣнъ Эвмениды.
Эдипъ. Храмъ Эвмениды? Увы, я
вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ
ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣй шиняты, ихъ очи
распалены,
И за собой ведутъ всѣ ужасы ге-
енны.
Антигона. Въ забвенъе страш-
ное ума впадаетъ онъ!
Эдипъ. Гора несчастная, ужасный
Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустын-
нал обитель,
Куда на страшну смерть извѣргъ
меня родитель,

Скажи, пещеръ своихъ во мрачной
глубинѣ
Скрывала-ль ты когда чудовищъ, рав-
ныхъ мнѣ?
Антигона (*упадая на колѣни*).
Спокойте мысль его, о, вы, могущи
боги!
Эдипъ. О, сколько, фурии, терзать
меня вы строги!
Не вы-ль на семь пути мой обна-
жили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукою
пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня
вы сочетали,
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брач-
ные сплетали;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера
тамъ была
И смрадный пламенныйкъ съ усмѣн-
кою зажгла.
Вы лютоги свои, о, фурии, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекра-
тите! (*Упадаетъ на камень*).
Антигона. Отъ мыслей удали
толь страшныя мечты!
Эдипъ (*не вставая и отталкивая*
ее). Оставь, о, Полиникъ!
Меня отрекся ты!
Бѣги и не смущай моей минуты
слезной!
Антигона. Ужель не узнаешь
и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой
гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ
оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница
стону:
Молю, не отвергай усердну Анти-
гону!
Эдипъ (*пришедъ въ себя*). Гласъ
сладостный! О, дочь, такъ ты
одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ
ужасномъ снѣ:
Представились мнѣ мать, родитель,
Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные
мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ
моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ
воздвигнуть сихъ;

Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ
немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари—прибѣжище несчаст-
нымъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе IV.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ. И такъ я осужденъ
на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться
прощенья?
Нѣтъ, не достоинъ я, чтобъ ты ког-
да простишь:
Я добродѣтели, природу оскор-
билъ!
Неблагодаренъ былъ, я былъ без-
человѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть дол-
женъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, на-
пасть, —
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано
на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье
живое
Къ намъ небо мстительно перемѣ-
нить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями ми-
рять,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ
ужель не укротить?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ
твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ неми-
лосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ
будь богамъ! (*бросается къ но-
гамъ Эдипа*).
Твой кающійся сынъ падетъ къ
твоимъ ногамъ.
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ
я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, ко-
торы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа—ис-
точникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ мо-
имъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*).
Но ты молчишь?.. но ты чело свое
скрываешь...

Прощенья, жалобы и слезы отвер-
гаешь...
Антигона (*упадаетъ къ ногамъ
Эдипа*). Родитель мой! и я
соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ но-
гамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою
огорченны,
Которы-бъ не были въ печали об-
легченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не
дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не при-
мирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь
стона?
Эдипъ (*поднимая Антигону*). Ты
просишь за кого, любезна Ан-
тигона?
Пусть нечестивецъ сей тебя благо-
годарить,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ
зрить,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуса
небесами,
Что безъ тебя его не тронулся-бъ
слезами,
Хотя-бъ у ногъ моихъ въ сей часъ
онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожи-
далъ;
Никакъ бы жалости душа моя не
изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хлад-
ная могила. (*Къ Полинику*):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ
меня?
Полиникъ. Чтобъ, чувствія свои
ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье
увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не не-
навидѣлъ.
Нѣтъ, я не варваромъ, не извер-
гомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно
побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительную
имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано!
Увы, днесь страждуще, растерзано
оно,

Покрыто язвами, тоскою изну-
 ренно
 И страшной клятвою твоей обре-
 мененно!
 Ты даровалъ мнѣ жизнь: даруй ее
 мнѣ вновь,
 Дай сердцу тишину и возврати лю-
 бовь!
 Любовь твоя, какъ лучъ божествен-
 ный, небесный,
 Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ
 престанетъ слезный,
 И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся
 ей.
 Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
 И, милосердія являя совершенство,
 Дай сыну своему хоть разъ вкусить
 блаженство!
 Ты согласишься идти въ отеческу
 страну;
 Мою передъ тобой исправлю тамъ
 вину.
 Седмъ вождей за меня всѣ силы
 вооружаютъ,
 Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа
 ожидаютъ;
 Надъ войскомъ, надо мной тебѣ
 вручаю власть.
 Оивъ стѣны гордыя должны предъ
 нами пасть;
 И не изгнанника въ тебѣ увидятъ
 болѣ,
 Но мощнаго царя на отческомъ пре-
 столѣ,
 Страдальчествомъ своимъ достой-
 наго вѣнца,
 И посреди дѣтей счастливаго отца.
 Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ,
 вѣрнѣйшимъ,
 И ревностнымъ рабомъ, и изъ сы-
 новъ нѣжнѣйшимъ.
 Въ супругѣ же моей найдешь ты
 нѣжну дочь:
 Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ
 покоить въ ночь
 И такъ любить тебя, какъ любить
 Антигона.
 Повѣрь, иного мы не будемъ чтить
 закона,
 Какъ волю лишь твою и, твой храни
 покой
 Семейства цѣлаго союзною рукой,
 Въ забвеніе у тебя привести мое
 злодѣйство.

Эдипъ. Какой несчастный царь
 тебя пріялъ въ семейство?
 Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ
 толико быть,
 Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вру-
 чить,
 Чтобы предать ее на горестъ и на-
 пасти?
 Или онъ о моей не вѣдалъ скорб-
 ной части?
 Жестокосердый сынъ и подданныхъ
 тиранъ,
 Чувствительности даръ тебѣ-ль ког-
 да былъ данъ?
 Тебѣ ли можно быть отцомъ, су-
 пругомъ нѣжнымъ,
 Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ
 надежнымъ?
 Для сердца твоего какой союзъ свя-
 щенъ?
 Одною гордостью упитанъ, пресы-
 щенъ,
 Священнѣйшій союзъ ты испровергъ
 природы,
 Который первымъ чтутъ по всей
 землѣ народы.
 Нѣтъ, не раскаянье тебя комнѣ вело:
 Тщеславіе твое унизило чело;
 Оно причиною и слезъ твоихъ, и
 стона:
 Симъ чувствомъ приведенъ и алч-
 ностію трона.
 Ты мыслишь оправдать предъ не-
 бомъ и землей
 Войну, подъятую противъ страны
 своей,
 Когда предложомъ дашь Эдипа за-
 щиченье,
 Мое въ отечество и къ трону воз-
 вращенье.
 Полиникъ. Клянуся всѣмъ тебѣ,
 что свято въ мірѣ есть,
 Что для тебя хочу скиптръ оивскій
 приобрѣсть.
 Эдипъ. Меня склонить къ себѣ
 ты тщетно уповаешь.
 Сей скиптръ, который мнѣ толь
 щедро предлагаешь,
 Не я-ль оставилъ самъ, не я ли
 вамъ вручилъ,
 Не я ли дней моихъ покой вамъ
 поручилъ,
 Быть съ вами навсегда одной счита-
 тавъ отрадой?

Неблагодарные! что было мнѣ на-
 градой?
 Презрѣнье, ненависть, изгнанье и
 позоръ.
 Коль смѣешь, ты на мнѣ останови
 свой взоръ!
 зри ноги ты мои, скитавшись, изъ-
 явленны;
 зри руки, милостынь прошеньемъ
 утомленны;
 Ты зри главу мою, лишенную во-
 лось:
 Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ
 разнесъ!
 Тѣмъ временемъ, тебя какъ ула-
 ждала нѣга,
 Твой изгнанный отецъ, безъ пищи,
 безъ ночлега,
 Не зналъ, куда главу несчастну
 приклонить;
 Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ
 съ собой влечить;
 И дебри темныя, и глубины пе-
 щерны,
 Природа зрѣла всѣ злодѣйства безъ
 примѣры.
 Иди, жестокой сынъ! усугубляй
 вины,
 Будь истребителемъ отеческой
 страны,
 Союзниковъ своихъ веди противу
 брата,
 Яви еще примѣръ неслыханна раз-
 врата!
 Но тамъ, у еивскихъ стѣнъ, не
 тронъ тебѣ готовъ,—
 Десница мстящая тамъ ждетъ тебя
 боговъ.
 Отъ еивскихъ областей удѣлъ тебѣ
 сужденный
 То мѣсто лишь одно, гдѣ ты па-
 дешь, сраженный.
 Какъ безъ пристанища скитался въ
 жизни я,
 По смерти будетъ такъ скитаться
 тѣнь твоя;
 Безъ гроба будешь ты; тебя земля
 не приметъ,
 Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и
 смрадъ его обметъ,
 И призоветъ звѣрей, птиць хищ-
 ныхъ изъ лѣсовъ
 И дома подданныхъ твоихъ стре-
 гущихъ псовъ.

Иди, бѣги, спѣши на ново пре-
 ступленье!
 Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь—
 семья и утѣшенье!

Димитрій Донской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

Димитрій и прочіе россійскіе князья,
 бояре, военачальники (сидящіе и со-
 ставляющіе совѣтъ).

Димитрій. Россійскіе князья,
 бояре, воеводы,
 Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать
 свободы
 И свергнуть, наконецъ, насильствіи
 яремъ!
 Доколѣ было намъ въ отечествѣ
 своемъ
 Терпѣть татаровъ власть и въ уни-
 женной долѣ
 Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ
 престолѣ?
 Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ
 ярости своей
 Послали небеса жестокихъ сихъ
 бичей;
 Близъ двухъ вѣковъ, враги то яв-
 ны, то скрытны,
 Какъ враны алчныя, какъ волки
 ненасытны,
 Татары губятъ, жгутъ и расхища-
 ютъ насъ.
 Къ отмщенью нашему я созвалъ
 нынѣ васъ:
 Бѣды платить врагамъ настало нынѣ
 время.
 Кипчакская орда, какъ исполнско
 бремя,
 Лежала въ цѣлости на русскихъ ра-
 менахъ
 И разсѣвала вокругъ уныніе и
 страхъ;
 Теперь отъ тяжести распалася на
 части.
 Междоусобна брань, раздоръ и всѣ
 напасти,
 Которыми предъ симъ россійская
 страна
 До разслабленія была доведена,

Пришли въ сію орду. Возникши,
 новы ханы
 Отторглись отъ нея; но алчные ти-
 раны,
 Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ
 край.
 Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе
 всѣхъ Мамай,
 Задонскія орды властитель злоче-
 стивой,
 Возсталъ противу насъ войной не-
 справедливой.
 Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, мо-
 жетъ быть, сей ханъ
 Съ зарею завтрашней предъ нашъ
 явится станъ.
 Но, вида русскихъ силъ внезапно
 соединенъе,
 Смутился сердцемъ онъ и мыслью
 впалъ въ сомнѣнъе;
 Посольство предъ собой рѣшилъ
 къ намъ прислать.
 Друзья Дмитрія, разсудите-ль при-
 нять?
 Иль, твердыми пребывъ въ намѣ-
 ренъѣ геройскомъ,
 Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ
 войскомъ,
 Чтобъ первый россіянь и смѣлый
 ихъ ударъ
 Раздался по землѣ и ужаснулъ та-
 таръ?
 Тверскій. Такъ будемъ отвѣчать—
 предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
 Никто изъ васъ, князья, меня не
 можетъ болѣ
 Желать отмщенія врагамъ свирѣ-
 пымъ симъ.
 Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется
 съ Тверскимъ?
 Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ му-
 ченіяхъ безмѣрныхъ,
 Главы сложили въ гробъ измѣною
 невѣрныхъ,
 И прахъ стонаетъ ихъ подъ вла-
 стію орды.
 Великій россовъ князь! ты созвалъ
 насъ сюды
 Не съ тѣмъ, чтобы вступить съ
 Мамаемъ въ договоры,
 Но битвою рѣшить и кончить съ
 нимъ раздоры.
 Тверское воинство родитель ввѣ-
 рилъ мнѣ;

Нижегородскій князь, участвуя въ
 войнѣ,
 Но древностію лѣтъ не въ силахъ
 выдти въ поле,
 Свою отважну рать моей повѣрилъ
 волѣ.
 Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ бе-
 реговъ,
 Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать,
 сражать враговъ
 Или за вѣру пасть и лечь за рус-
 ску землю.
 Когда наградою я Ксенію приемлю,
 Коль града Нижняго прелестная
 княжна
 Отцомъ ея мнѣ быть супругой су-
 ждена:
 На всѣ опасности отважиться я
 смѣю.
 Я ждалъ ее во станъ; но соеди-
 нюся съ нею,
 Когда велитъ мнѣ Богъ съ сра-
 женія сойти
 И въ даръ ея отцу dospѣхъ врага
 нести.
 Всѣ русскіе князья съ отважностію
 равной
 Горять принять мечи и въ бой стре-
 миться славной:
 Почтò же видѣтъ намъ Мамаева
 посла?
 Когда пріязнь татаръ быть искрен-
 ней могла?
 Пойдемъ противу нихъ, сотремъ
 ихъ горды силы,
 Или найдемъ себѣ здѣсь славныя
 могилы!
 Вязовскій. О, сколько сча-
 стливъ я, до сихъ доживши
 дней,
 Согласье видя здѣсь, любовь между
 князей
 И на враговъ въ сердцахъ едино-
 душну ревность!
 Итакъ, въ отверстыи гробъ мою
 склоняя древность,
 Почіющимъ отцамъ могу надежду
 несть,
 Что возстановится страны россій-
 ской честь,
 Что возвратится ей могущество и
 слава.
 О, тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь
 Ярослава,

Родоначальныя домовъ княжихъ
 главы!
 На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
 Когда предвидите благополучно
 время,
 Какъ раздѣленное народовъ рус-
 скихъ племя,
 Соединясь душой одной въ составъ
 одинъ,
 Явится въ торжествѣ, какъ гроз-
 ный исполинъ,
 И міру дастъ законъ Россія съеди-
 ненна. (*Къ Дмитрію*):
 Дмитрій, для тебя побѣда несом-
 нѣнна!
 Нѣтъ, никогда еще въ такой об-
 ширный станъ
 Не собирали войскъ ни дѣды твой
 Іоаннь,
 Ни Гордый Симеонъ, ни кроткій
 твой родитель;
 И бѣлозерскихъ силъ я давній пред-
 водитель
 Не видѣлъ, чтобъ когда Россія
 извела
 Отважныхъ ратниковъ толикаго
 числа.
 Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ
 Олегъ въ Рязани
 Остался въ праздности и безъ уча-
 стья въ брани;
 Одинъ на общій стонъ его безчув-
 ственъ слухъ.
 Погибни память тѣхъ, которыхъ
 можетъ духъ
 Бѣды отечества спокойнымъ видѣть
 взоромъ,
 Иль, лучше, имя ихъ пускай преи-
 деть съ позоромъ
 Въ потомство позднее и въ беско-
 нечный стыдъ!
 Но сколь, о, государь, услыхъ тебѣ
 ни льстить,
 Совѣтъ однако-жъ мой: принять та-
 таръ посольство,
 И если можемъ мы возстановить
 спокойство,
 Платя Мамаю дань... (*Всѣ князья
 изъявляютъ негодование*).
 Д и м и т р і й. О, Бѣлозерскій князь!
 Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани
 убоясь,
 Постыдной податью мы власть при-
 знали ханску?

Бѣлозерскій. Чтобы падали
 кровь безцѣнну христіанску.
 Мамаю побѣдивъ, брегися, чтобъ
 орды
 Не съединились вновь для нашея
 бѣды;
 Брегися, чтобъ подвигъ сей, намъ
 временно счастливый,
 Не возбудилъ опять ихъ духъ вла-
 столюбивый;
 И чтобы, наконецъ, не усмотрѣлъ
 ихъ взоръ,
 Сколь вреденъ власти ихъ тщесла-
 вія раздоръ,
 Который межъ собой ихъ хановъ
 раздѣляетъ.
 Скорѣй обиженный обиды забы-
 ваетъ,
 Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ сви-
 рѣпости своей.
 И грабежи, пожаръ, убійство женъ,
 дѣтей,
 Которые на насъ татары изли-
 вали,
 По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами
 право дали;
 Своею отчиной они Россію чтутъ;
 Зря наше мужество, нестройчива
 прервутъ;
 На бѣдства россиянъ согласны бу-
 дутъ скорѣ.
 Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ па-
 губномъ раздорѣ;
 Дай намъ усилиться средь мирной
 тишины
 И, отклонивъ отъ насъ случайности
 войны,
 Ты миръ предпочитай побѣдѣ без-
 полезной.
 Д и м и т р і й. Ахъ, лучше смерть
 Въ бою, чѣмъ миръ принять без-
 честной!
 Такъ предки мыслили, такъ мыслить
 будемъ мы.
 Прошли тѣ времена, какъ робкіе
 умы
 Въ татарахъ видѣли орудіе не-
 бесно,
 Чему противиться безумно и не-
 вмѣстно.
 Но въ наши дни и честь, и самой
 вѣры гласъ
 Противъ мучителей вооружаютъ
 насъ.

Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры
 гласъ завѣтный,
 Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ
 безсмертный,
 Что въ радость райскую чрезъ гробъ
 вступаетъ онъ.
 О Сергій, пастырь душъ, кого со-
 гражданъ стонъ
 Толико разъ смущалъ среди молитвъ
 пустынныхъ,
 Толико слезъ извлекъ на участь не-
 повинныхъ!
 О ты, который намъ, священною
 рукой
 Явивъ, благословилъ сей предлежа-
 щій бой!
 Изъ той обители, гдѣ дни ведешь
 смиренны,
 Внуши мои слова, тобою вдохно-
 венны,
 Они воспламенятъ російскія сердца
 Искать свободы здѣсь, иль райскаго
 вѣнца!
 Такъ лучше жить престать, иль во-
 все не родиться,
 Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго
 поклониться,
 Чѣмъ званьемъ данниковъ коры-
 столубью лстить.
 Симъ рабствомъ ли бѣды мы мо-
 жемъ отвратить?
 Кто платитъ дань, — тотъ слабъ; кто
 слабый духъ являетъ,
 Тотъ алчность наглую къ обидѣ
 призываетъ.
 Но ханскаго посла согласенъ я
 принять
 И вѣсть предъ сонмъ князей, не
 съ тѣмъ, чтобы внимать
 Татарской наглости постыднымъ
 предложеньямъ.
 Но чтобъ явить ему готовый духъ
 къ сраженьямъ;
 Чтобъ мужество читалъ на вашихъ
 онъ челахъ,
 Содрога бѣ и принесъ во станъ
 къ Мамаю страхъ.
 Смоленскій. Весь сонмъ на
 твой совѣтъ согласье изъясляетъ.
 Димитрій. Посланникъ близъ
 шатра рѣшенья ожидаетъ;
 Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ
 къ намъ татаръ!

Явленіе III.

Русскіе князья (сидящіе). Посоль Ма-
 маевъ (сопровождаемый нѣсколькими
 татарами).

Посоль. Російскіе князья, непо-
 бѣдимый ханъ
 Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ
 странъ
 И русскія земли верховный обла-
 датель,
 Вашъ грозный судія, крамольни-
 ковъ каратель,
 Ту руку, кою нанести вамъ дол-
 женъ смерть,
 Благоволилъ еще ко благодати про-
 стерть;
 Остановляетъ онъ грозящи вамъ
 удары,
 И за Непрядвою удержаны та-
 тары:
 Съ Мамаевъ девять ордъ и семь-
 десять князей,
 Съ нимъ страшный исполинъ, на-
 ѣздникъ Челубей,
 Чья грудь широкая какъ бы стѣна
 среди боевъ,
 Чей мечъ ужаснѣе великой рати
 воевъ.
 Противу нашихъ силъ вамъ можно
 ль устоять?
 Смиритесь лучше вы, разсѣйте
 вашу рать,
 Отправьте должну дань, покорствуя
 Мамаю.
 Я именемъ его вамъ милость обѣ-
 щаю.
 Раскаяніе зря, рѣшится онъ про-
 стить
 И вашу жизнь еще позволить вамъ
 продлить.
 Димитрій. О, дерзостный посоль
 надменнѣйшаго хана!
 Обширность видѣлъ ты російскихъ
 воевъ стана,
 Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и
 жизнь, какъ нѣкій даръ,
 Намъ смѣешь предлагать отъ бла-
 гости татаръ,
 Но жить еще кому — иль намъ,
 или Мамаю —
 Оружіе рѣшить; и твердо уповаю,
 Что чудный крѣпостью и справед-
 ливый Богъ

Поможетъ намъ сотреть гордины
вашей роугъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства,
расхищенья,
Пожары, грабежи, всё роды истреб-
ленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ—ваши подвиги, вотъ—славныя
дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добы-
тымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ
добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ,
не серебромъ;
Нѣтъ,—дани для него мы собрали
иныя:
Мечи булатныя и стрѣлы каленныя.
Пусть оныя принять Непрядву пе-
рейдеть!

Посолъ. Какая слѣпота васъ къ
гибели ведетъ!
Димитрій. Какою алчностью вы
къ гибели ведомы!

Посолъ. По праву сильнаго, всё
наши земли, дома
И все имущество—стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ ха-
новъ нашихъ даръ.

Димитрій. Но право храбраго
мечомъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать на-
сильство.

Посолъ. Или не помните Баты-
евыхъ побѣдъ?

Димитрій. Для мести намъ Ба-
тый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ. Страхитесь раздражить
Мамаю непокорствомъ!

Димитрій (*встаетъ; за нимъ
всѣ князья*). Татаринъ, я твоимъ
скачу ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя
права,
Презрѣнье—мой отвѣтъ на дерзкія
слова,
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость
нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты
ожидаетъ?

Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ
одному.

Посолъ. Иду отсель. Но знай,
о князь высокоумный,
Что будетъ надъ тобой Мамаю
гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты
иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не
даетъ:
Для русскихъ всёхъ князей на ми-
лость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не
примирится,
И будетъ тотъ владѣть престоломъ
и Московой,
Кто явится къ нему съ твоей въ
рукахъ главой.
Брянскій (*берется за мечъ*).
Ордынецъ дерзостный!..
Димитрій (*останавливая Брян-
скаго*). Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично
буйство.
(*Къ послу*). Скажи, что я горжусь
Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ
врагъ, конечно, мой!
(*Подаетъ знакъ, чтобъ татаръ вы-
вели*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе II.

Димитрій и московскіе бояре.

Димитрій. Опоры твердыя пре-
стола и державы,
Совѣтныя духъ князей, лучи ихъ
прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа
гласъ!
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой
своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто спра-
ведливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати зло-
честивой,
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ
черезъ Донъ?
Иль, мужества принять единствен-
ный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ
ней не отступая,

Съ отважностью идти во срътеше
 Мамай?
 Бояринъ. Хоть прежде, государь,
 совѣтъ твоихъ бояръ
 И предлагалъ тебѣ отъ ярости та-
 тарь
 Нашъ станъ перенести чрезъ бы-
 стры Дона воды,
 Гдѣ переправа имъ, препона отъ
 природы,
 Остановила бы стремленіе ихъ
 силъ:
 Но плѣнникъ нашу мысль при-
 знанемъ просвѣтилъ:
 Постыдно будетъ намъ отъ боя
 уклоняться,
 Когда священный долгъ и честь
 велеть сражаться.
 Димитрій. Какую жъ тайну вамъ
 ордынецъ сей открылъ?
 Бояринъ. Что ханъ посольскія
 угрозы подтвердилъ;
 Что, русской смѣлости признавъ
 тебя душою,
 Онъ обѣщался брань не прекра-
 щать съ Москвою,
 Долокъ не сорветъ съ главы твоей
 вѣнецъ,
 Долокъ сей главы не сокрушитъ въ
 конецъ,
 И оной въ ярости, для трепета все-
 ленной,
 Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окро-
 вавленной.
 Татаръ воспламенилъ свирѣпостью
 своей;
 И, гордый силою, огромный Че-
 лубей
 Мамаю повлялся словами алко-
 рана
 Димитрія главу повергнуть передъ
 хана.
 Живымъ ли, государь, ту наглость
 намъ терпѣть?
 Нѣтъ, лучше средь враговъ съ
 оружемъ умереть!
 Димитрій. Не столь легко,
 друзья, надменну Челубею
 Сорвать мою главу и похвалиться
 ею!
 И, Бога браней я на помощь намъ
 призвавъ,
 Сражусь, и ницъ падеть сей новый
 Голаеъ!

Исчезнетъ дерзвихъ путь, сотрется
 мощь строптива,
 И съ шумомъ память ихъ погиб-
 нетъ нечестива!
 Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ
 правдѣ явенъ Богъ,
 И вашъ Ордынцамъ мечъ то дока-
 зать возмогъ,
 Когда съ Бигичемъ ихъ онъ пора-
 жалъ на Вожѣ.
 Тотъ самый съ нами Богъ и му-
 жество въ васъ то же:
 Такъ смертью ли смущать и мысль
 и тверду грудь?
 Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ
 кровавый путь.
 Бояринъ. Побѣды, государь, для
 насъ надежда тщетна.
 Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ
 рать враговъ несмѣтна,
 И сборно воинство російскихъ
 всѣхъ князей
 Едва противостать могло бы нынѣ
 ей.
 Но мы, оставлены большою войскою
 частью,
 Не утрашаемся грозящей намъ на-
 пастью;
 На вѣрну смерть течемъ, какъ къ
 морю сонмы водъ.
 Гдѣ, благостью князей блаженствуя,
 народъ
 Въ владыкахъ зрять любовь оте-
 чественной славы,
 Тамъ въ нихъ онъ признаетъ от-
 цовъ священны нравы,
 И подданные тамъ не такъ, какъ
 ихъ рабы,
 Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія
 судьбы,
 Въ день брани преклоня и выи, и
 колѣна,
 О жизни молятъ лишь и не сты-
 дятся плѣна;
 Но такъ, какъ дѣти ихъ, Ордын-
 цевъ презря мечъ,
 За честь своихъ князей костыми го-
 товы лечь:
 На смерть рѣшительно такъ мы
 идемъ съ тобою.
 Димитрій. Умремъ, коль смерть
 въ бою назначена судьбою;
 Не проживемъ, друзья, надежды
 лестной той,

Чтобъ свергнуть съ насъ яремь от-
 важною рукою!
 Пусть цѣпи тотъ влачить, кто ихъ
 сорвать не смѣетъ!
 Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ
 цѣпей нѣмѣетъ.
 Умремъ, какъ храбре; и, въ па-
 мять нашихъ дѣлъ,
 Чтобы надгробный дернъ надъ нами
 зеленѣлъ;
 Чтобъ робкаго стопы къ нему не
 прикасались,
 И праху мыслию потомки поклоня-
 лись.
 Грядущи времена, сокрытыя отъ
 насъ!

Судьями нашихъ дѣлъ я призываю
 васъ:
 Вы будете цѣнить нашъ подвигъ
 знаменитой,
 И коль свободы днесъ мы слабою
 защитой,
 Когда отечества не можемъ мы спасти,
 Хотимъ себя въ его паденьи по-
 гребсти;
 Но память пусть живетъ: въ при-
 мѣръ ее почитите!
 Бояре мудре! вы къ воинамъ идите,
 Устройте ихъ ряды, и, какъ на-
 ступитъ часъ,
 Пусть битву возвѣститъ воинскій
 трубный гласъ!

Б а т ю ш к о в ъ .

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба общаетъ
 Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
 Онъ примѣтно увядаетъ,
 Какъ отъ зноя василекъ.
 Мнѣ оставить ли для славы
 Скромную стезю забавы?
 Путь къ забавамъ проложень,
 Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
 Мнѣ-ль за призракомъ гоняться,
 Лавры съ скукой собирать?
 Я умѣю наслаждаться,
 Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
 И — счастливъ!.. Досель цвѣтами
 Путь ко счастью устилалъ,
 Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
 Горестъ сердца услаждалъ,
 Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
 Муза мнѣ была подруга:
 Не былъ ей порабочень.
 А теперь весна, какъ сонъ
 Легкокрылый, исчезаетъ
 И собою увлекаетъ
 Прелесть пѣсней и мечты.
 Нѣжны мирты и цвѣты,
 Чѣмъ прелестницы вѣнчали
 Юнаго пѣвца, завяли.
 Ахъ, ужели наградить
 Слава счастья утрату
 И ко дней моихъ закату
 Какъ нарочно прилетитъ?

Къ И. А. Петину.

О, любимецъ бога брани,
 Мой товарищъ на войнѣ!
 Я платилъ съ тобою дани
 Богу славы не однѣ:
 Ты на киверѣ почтенномъ
 Лавры съ миргомъ сочеталъ,
 Я въ углу уединенномъ
 Незабудки собиралъ.
 Помнишь ли, питомецъ славы,
 Иденсалми страшну ночь?
 Не люблю такой забавы,
 Молвилъ я, — и съ музой прочь!
 Между тѣмъ, какъ ты штыками
 Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
 Я геройскими руками...
 Ужинъ вамъ приготовлялъ.
 Счастливъ ты, шалунъ любезный,
 И въ Цитерской сторонѣ;
 Я же, всюду бесполезный —
 И въ любви, и на войнѣ,
 Время жизни въ скукѣ трачу
 За крылатый счастья мигъ,
 Ночь зѣваю, утромъ плачу
 Объ утратѣ сновъ моихъ.
 Тщетны слезы! Мнѣ готова
 Цѣпь, согканна изъ суеты;
 Отъ родительскаго крова
 Я опять на морѣ бѣдъ.
 Мой челнокъ любовь слѣпая
 Правитъ дѣтскою рукою,

Между тѣмъ, какъ лѣнь, зѣвая,
 На кормѣ сидитъ со мной.
 Можетъ быть, какъ быстра младость
 Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
 Я возьмусь за умъ, да радость
 Уживется ли съ умомъ?
 Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,
 Другъ любезный, унывать?
 Вся судьба моя въ стаканѣ!
 Станемъ пить и воспѣвать:
 Счастливъ, счастливъ, кто цвѣтами
 Дни любви украшалъ,
 Пѣлъ съ безпечными друзьями,
 И о счастья мечталъ!
 Счастливъ онъ, и втрое болѣ
 Всѣхъ вельможей и царей!
 Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
 Чужды рабства и цѣпей,
 Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
 Часто съ горемъ пополамъ,
 Наливать полнѣе чашу
 И смѣяться дуракамъ!

Отрывокъ изъ элегii.

О, пока безцѣнна младость
 Не умчалася стрѣлой,
 Цей изъ чаши полной радость
 И, сливая голосъ свой
 Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
 Славь безпечность и любовь!
 А когда въ сѣни пріютней
 Мы услышимъ смерти зовъ,
 То, какъ лозы винограда
 Обвиваютъ тонкій вязъ,
 Такъ меня, моя отрада,
 Обними въ послѣдній часъ!
 Такъ лилейными руками
 Цѣлью нѣжною обвей,
 Съедини уста съ устами,
 Душу въ пламени излей!
 И тогда тропой безвѣстной,
 Долу къ тихимъ берегамъ,
 Самъ онъ, богъ любви прелестной,
 Проведетъ насъ по цвѣтамъ
 Въ тотъ Элизій, гдѣ все таеъ
 Чувствомъ нѣги и любви,
 Гдѣ любовникъ воскресаетъ
 Съ новымъ пламенемъ въ крови,
 Гдѣ, любуясь пляской грацій,
 Пимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,

Съ Деліей своей Горацій
 Гимны радости поетъ.
 Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
 Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
 И привѣтливой улыбой
 Встрѣтитъ нѣжные пѣнцы.

Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отечески пенаты,
 О, пѣстуны мои!
 Вы златомъ небогаты,
 Но любите свои
 Норы и темны кельи,
 Гдѣ васъ на новосели
 Смирено, здѣсь и тамъ
 Разставилъ по угламъ,
 Гдѣ, странникъ я бездомный,
 Всегда въ желаньяхъ скромный,
 Сыскалъ себѣ пріютъ.
 О, боги, будьте тутъ
 Доступны, благосклонны!
 Не вина благовонны,
 Не тучный ѳиміамъ
 Поэтъ приносить вамъ,
 Но слезы умиленья,
 Но сердца тихій жаръ
 И сладки пѣсногбня,
 Богинь Пермесскихъ даръ!
 О, лары, оживитесь
 Въ обители моей,
 Поэту улыбнитесь—
 И будетъ счастливъ въ ней!..
 Въ сей хижинѣ убогой
 Стоитъ передъ окномъ
 Столъ ветхой и треногой
 Съ изорваннымъ сукномъ.
 Въ углу, свидѣтель славы
 И суеты мірской,
 Виситъ полузаржавый
 Мечъ пращѣдовъ тупой;
 Здѣсь книги выписныя,
 Тамъ жесткая постель,
 Все утвари простыя,
 Все рухляя скудель.
 Скудель!.. Но мнѣ дороже,
 Чѣмъ бархатное ложе
 И вазы богачей!

Безъ злата и честей
 Доступенъ добрый геній

Поэзиі святой
 И часто въ мирной сѣни
 Бесѣдуетъ со мной.
 Небесно вдохновенье,
 Порывъ крылатыхъ думъ!
 (Когда страстей волненье
 Уснетъ, и свѣтлый умъ,
 Летая въ поднебесной,
 Земныхъ свободенъ узъ,
 Въ Аоніи прелестной
 Срѣтаетъ хоры музъ!)
 Небесно вдохновенье,
 Зачѣмъ летишь стрѣлой
 И сердца упоенье
 Уносишь за собой?
 До розовой денницы
 Въ отрадной тишинѣ,
 Парнасскія царицы,
 Подруги будьте мнѣ!
 Пускай веселы тѣни
 Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
 Оставля тайны сѣни
 Стигійскихъ береговъ
 Иль области эфирны,
 Воздушною толпою
 Слетятъ на голосъ лирный
 Бесѣдовать со мной!
 И мертвые съ живыми
 Вступили въ хоръ единъ...
 Что вижу? Ты предъ ними,
 Парнасскій исполинъ ¹⁾,
 Пѣвецъ героевъ, славы,
 Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
 Нашъ лебедь величавый,
 Плынешь по небесамъ!
 Въ толпѣ и музъ, и грацій ²⁾,
 То съ лирой, то съ трубой
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
 Сливаетъ голосъ свой;
 Онъ громокъ, быстръ и силепъ,
 Какъ Суна средь степей,
 И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазиі небесной
 Давно любимый сынъ,
 То повѣстью прелестной
 Плѣняетъ Карамзинъ,
 То мудраго Платона
 Описываетъ намъ,
 И ужинъ Агатона,
 И наслажденья храмъ,

¹⁾ Ломоносовъ.

²⁾ Державинъ.

То древною Русь и нравы
 Владиміра времятъ,
 И въ колыбели славы
 Рожденіе славянъ.
 За ними сильѣтъ прекрасной,
 Воспитанникъ харитъ,
 На дитрѣ сладкогласной
 О Душенькѣ бренчить ¹⁾;
 Мелецкаго съ собою
 Улыбкою зоветъ,
 И съ нимъ, рука съ рукою,
 Гимнъ радости поетъ!
 Съ Эротами играя,
 Философъ и пійтъ,
 Близъ Федра и Пильпая
 Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
 Бесѣдуя съ звѣрями,
 Какъ счастливый дитя,
 Парнасскими цвѣтами
 Скрылъ истину шута.
 За нимъ въ часы свободы
 Поютъ среди пѣвцовъ
 Два баловня природы,
 Хемницеръ и Крыловъ.
 Наставники-пійты,
 О, Фебовы жрецы!
 Вамъ, вамъ плетутъ хариты
 Безсмертныя вѣнцы!
 Я вами здѣсь вкушаю
 Восторги Піеридъ,
 И въ радости взываю:
 О, музъ, я пійтъ!

А вы, смиренной хаты,
 О, лары и пенаты,
 Отъ зависти людской
 Мое сокройте счастье,
 Сердечно сладострастье,
 И нѣгу, и покой!
 Фортуна, прочь съ дарами
 Блистательныхъ суетъ!
 Спокойными очами
 Смотрю на твой полетъ:
 Я въ пристань отъ ненастья
 Челнокъ мой проводилъ,
 И васъ, любимцы счастья,
 Навѣки позабылъ.
 Но вы, любимцы славы,
 Наперсники забавы,
 Любви и важныхъ музъ,
 Безпечные счастливыцы,
 Философы-лѣнивцы,

¹⁾ Богдановичъ.

Враги придворныхъ узъ,
 Друзья мои сердечны,
 Придите въ часть безпечный
 Мой домикъ навѣстить,
 Пospорить и попить!
 Сложи печалей бремя,
 Жуковскій добрый мой!
 Стрѣлою мчится время,
 Веселіе стрѣлой!
 Позволь же дружбѣ слезы
 И горестъ усладить,
 И счастья блеклы розы
 Эротомъ оживить.
 О, Вяземскій, цвѣтами
 Друзей твоихъ вѣнчай!
 Даръ Вахха передъ нами:
 Вотъ кубокъ, наливай!
 Питомецъ музъ надежный,
 О, Аристипповъ внукъ,
 Ты любишь пѣсни нѣжны
 И рюмокъ звонъ и стукъ!
 Въ часъ нѣги и проклады
 На ужинахъ твоихъ
 Ты любишь томны взгляды
 Прелестницъ записныхъ,
 И всѣ заботы славы,
 Суетъ и шумъ, и блажь
 За быстрый мигъ забавы
 Съ поклонами отдашь!
 О, дай же ты мнѣ руку,
 Товарищъ въ лѣни мой,
 И мы потошимъ скуку
 Въ сей чашѣ золотой!
 Пока бѣжить за нами
 Богъ времени сѣдой
 И губить дугъ съ цвѣтами
 Безжалостной косою,
 Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
 Въ путь жизни полетимъ,
 Ущемся сладострастьемъ
 И смерть опередимъ;
 Сорвемъ цвѣты украдкой
 Подъ лезвеемъ косы
 И лѣнью жизни краткой
 Продлимъ, продлимъ часы!
 Когда же Парки тощи
 Нить жизни допрядутъ,
 И насъ въ обитель нощи
 Ко праждѣдамъ снесутъ,
 Товарищи любезны,
 Не сѣуйте о насъ!
 Къ чему рыданья слезны,
 Наемныхъ ликовъ гласъ?
 Къ чему сіи куренья

И колокола вой,
 И томны псалмопѣнья
 Надъ хладною доскою?
 Къ чему?.. Но вы толпами
 При мѣсячныхъ лучахъ
 Сберитесь и цвѣтами
 Усѣйте мирный прахъ,
 Иль бросьте на гробницы
 Боговъ домашнихъ ликъ,
 Двѣ чаши, двѣ цѣвницы
 Съ листьями повиликъ!
 И путникъ угадаетъ
 Безъ надписей златыхъ,
 Что прахъ тутъ почиваетъ
 Счастливецъ молодыхъ.

Тѣнь друга.

*Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
 luridaeque extinctos effungit umbra rogos.
 Propertius.*

Я берегъ покидалъ туманный Аль-
 біона.
 Казалось, онъ въ волнахъ свинцо-
 выхъ утопалъ,
 За кораблемъ вилася гальціона,
 И тихій гласъ ея пловцовъ увесе-
 лялъ,
 Вечерній вѣтръ, валовъ пле-
 сканье,
 Однообразный шумъ и трепетъ па-
 русовъ
 И кормчаго на палубѣ взыванье
 Ко стражѣ, дремлющей подъ гово-
 ромъ валовъ,
 Все сладкую задумчивость пи-
 тало.
 Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
 И сквозь туманъ и ночи покры-
 вало
 Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
 Вся мысль моя была въ воспоми-
 наньѣ
 Подъ небомъ сладостнымъ отече-
 ской земли,
 Но вѣтровъ шумъ и моря колы-
 ханье
 На вѣжды томное забвенье навели.
 Мечты смѣнялися мечтами
 И вдругъ... То былъ ли сонъ!..
 Предсталъ товарищъ мнѣ,
 Погибшій въ роковомъ огнѣ

Завидной смертію надъ Плейсскими
струями.

Но видъ нестрашенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселемъ
цвѣло

И все небесное душѣ напоминало.
„Ты-ль это, милый другъ, товарищъ
лучшихъ дней?

„Ты-ль это? — я вскричалъ, — о,
воинъ вѣчно-милой?

„Не я ли надъ твоей безвременной
могилой,

„При страшномъ заревѣ Беллони-
ныхъ огней,

„Не я ли съ вѣрными друзьями
„Мечомъ на деревѣ твой подвигъ
начерталъ

„И тѣнь въ небесную отчизну про-
вождалъ

„Съ мольбой, рыданьемъ и сле-
зами?

„Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй,
милый братъ!

„Или протекшее все было сонъ, ме-
чтанье,

„Все, все, и блѣдный трупъ, мо-
гила и обрядъ,

„Свершенный дружбою въ твое вос-
помянанье?

„О, молви слово мнѣ! Пускай зна-
комый звукъ

„Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
„Пускай рука моя, о, незабвенный
другъ,

„Твою съ любовію сжимаетъ!..“
И я летѣлъ къ нему... Но горній
духъ исчезъ

Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ
небесъ,

Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ
призракъ полуночи,

И сонъ покинулъ очи.

Все спало вокругъ меня подъ кро-
вомъ тишины,

Стихи грозныя казались безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой
луны

Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва свер-
кали волны;

Но сладостный покой бѣжалъ моихъ
очей,

И вся душа за призракомъ ле-
тѣла,

Все гостя горняго остановить хо-
тѣла,

Тебя, о, милый братъ, о, лучший
изъ друзей!

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ
И тихо погрузилось въ волны.

Задумчиво луна съвозъ тонкій паръ
глядитъ

На хляби и брега безмолвны,
И все въ глубокомъ снѣ поморіе
кругомъ.

Лишь изрѣдка рыбарь къ товари-
щамъ взываетъ,

Лишь эхо гласъ его протяжно по-
вторяетъ

Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, вися-
щихъ надъ водой,

Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ со-
бой

Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшія
злакомъ ровъ,

Столбы и ветхій мостъ съ чугу-
нными цѣпами,

Твердыни мшистыя съ гранитными
зубцами

И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо... Мертвый сонъ въ обители
глухой.

Но здѣсь живетъ воспоминанье,
И иутникъ, опершись на камень
гробовой,

Вкушаетъ сладкое мечтанье.

Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плотьъ по
лѣстницѣ крутой,

И вѣтръ колышетъ стебель изсохшія
полюны,

Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя
твердыни

Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый
внукъ,

Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,

Готовилъ сына въ брань и стрѣль
 пернатыхъ пукъ,
 Броню завѣтну, мечъ тяжелый
 Онъ юношѣ вручилъ израненной
 рукой
 И громко восклицалъ, подъявъ дро-
 жащи длани:
 „Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, вла-
 ститель брани,
 „Всегда и всюду твой!

„А ты, мой сынъ, клянись мечомъ
 своихъ отцовъ
 „И Гелы вл�твою кровавой
 „На западныхъ струяхъ быть ужа-
 сомъ враговъ
 „Иль пасть, какъ предки пали,
 съ славой!“
 И пылкой юноша мечъ пращѣдовъ
 лобзаль
 И къ персямъ прижималъ родитель-
 скія длани
 И въ радости, какъ конь, при зву-
 кѣ новой брани,
 Кипѣлъ и трепеталь.

Война, война врагамъ отеческой
 земли!
 Суда на утро возшумѣли,
 Залѣнились моря, и быстры ко-
 рабли
 На крыльяхъ бури полетѣли.
 Въ долинахъ Нейстрии раздался
 браней громъ,
 Туманный Альбионъ изъ края въ
 край пылаеть,
 И Гела день и ночь въ Валгаллу
 провождаетъ
 Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ
 брегамъ,
 Назадъ лети съ добычей бранной!
 Ужъ вѣтъ кроткій вѣтръ во слѣдъ
 твоимъ судамъ.
 Герой, побѣдою избранной!
 Ужъ скалды пиршество готовятъ
 на холмахъ.
 Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ
 медь сверкаетъ.
 И вѣстникъ радости отцамъ про-
 возглашаетъ
 Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, съ ден-
 ницей золотой
 Тебя невѣста ожидаетъ;
 Къ тебѣ, о, юноша, слезами и моль-
 бой
 Боговъ на милость предлагаетъ.
 Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая
 лебедей,
 Вѣлѣютъ корабли, несомые вол-
 нами...
 О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй ти-
 хими устами
 Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ; на нихъ уже ге-
 рой
 Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
 Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣ-
 стою молодой
 И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
 Красавица стоитъ, безмолствуя, въ
 слезахъ,
 Едва на жениха взглянуть украдкой
 смѣетъ,
 Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и
 блѣднѣетъ,
 Какъ мѣсяцъ въ небесахъ...

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сбѣднымъ
 одѣтый мхомъ,
 Помость обрушенный являетъ,
 Повременно сова въ безмолвіи ноч-
 номъ
 Пустыню крикомъ оглашаетъ,
 Тамъ чаши радости стучали по сто-
 ламъ,
 Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями
 ликовали,
 Тамъ скалды пѣли брань, и персты
 ихъ летали
 По пламеннымъ струнамъ.

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ
 пернатыхъ стрѣль,
 И трескъ щитовъ, и громъ уда-
 ровъ,
 Кипящу брань среди опустошен-
 ныхъ сель
 И грады въ заревѣ пожаровъ;
 Тамъ старцы жадный слухъ скло-
 няли къ пѣснѣ сей,
 Сосуды полные въ десницахъ ихъ
 дрожали,

И гордыя сердца съ восторгомъ
вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи
мглою,

Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на
арфѣ золотой,

Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло.
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружи-
ною своей,

Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и бо-
гу брани,

Тамъ дремлютъ притаивъ двѣ тре-
петныя лани

До утреннихъ лучей.

Гдѣ-жъ вы, о, сильные, вы, Гал-
ловъ бичъ и страхъ,

Земель полныхъ исподины,
Роальда спутники, на бранныхъ
челнокахъ

Протекши дальнія пучины?

Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, среди ужа-
совъ природы,

Средь копій, среди мечей?

Погибли сильные! Но странникъ въ
сихъ мѣстахъ

Не тщетно камни вопрошаетъ
И руны тайныя, преданья на ска-
лахъ

Угрюмой древности читаетъ.

Орадай ближнихъ сель, склоняся
на посохъ свой,

Гласить ему: „Смотри, о, сынъ ино-
племенный,

„Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки
драгоценныя,

„Почти ихъ гробъ святой!“

Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣнныя каменъ!
Не Онъ-ли къ лучшему концу
Меня проведъ сквозь бранный пла-
мень?

На полѣ смерти чья рука

Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладь, и неполаду
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатай неизмѣнной!

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
Онъ намъ источникъ чувствъ высо-
кихъ,

Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!

Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!

Когда-жъ узрю спокойный берегъ,
Страну желанную отчизны?

Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,

Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Къ другу.

Скажи, мудрецъ молодой, что проч-
но на земли?

Гдѣ постоянно жизни счастье?

Мы область призраковъ обманчи-
выхъ прошли,

Мы пили чашу сладострастья...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и
пировъ,

Въ винѣ потопленные чаши?

Гдѣ мудрость свѣтская сияющихъ
умовъ?

Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ
въ бурѣ бѣдъ исчезъ,

И мѣсто иоросло крапивою;

Но я узналъ его: я сердца дань
принесъ

На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ
шумъ градской,

И яркій Вesperъ засияетъ

На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ
тиши ночной
Въ душѣ задумчивость питаешь.

Отъ самой юности служитель алта-
рей
Богини нѣги и прохлады,
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ
страстей
Я сердцу въ ней ищу отрады.

Повѣришь-ли? Я здѣсь, на пеплѣ
храминѣ сихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю
И часто въ горести, въ волненьи
чувствъ моихъ,
Потупя взоры, восклицаю:

„Минуты странники, мы ходимъ по
гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,
На крыльяхъ радости летимъ къ
своимъ друзьямъ
И что-жь?.. ихъ урны обнима-
емъ!“

Скажи, давно-ли здѣсь, въ кругу
твоихъ друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подъ лу-
ною:

Нравъ тихій ангела, даръ слова,
тонкій вкусъ,
Люби и очи, и ланиты,
Чело открытое одной изъ важныхъ
музъ
И прелесть дѣвственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщет-
ный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ
среди песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ—увы!—исчезъ, какъ слад-
кая мечта.
Она въ страданіяхъ почила
И, съ міромъ въ страшный часъ
прощаясь навсегда,
На другѣ взоръ остановила.

Но, дружба, можетъ быть, ее за-
была ты?

Веселье слезы осушило,
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило...

Такъ все здѣсь суетно въ обители
суетъ,
Приязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой
сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность
вѣковъ
И Кліи мрачныя скривжали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра
мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится
здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ ле-
таетъ,
Какъ судно безъ руля стремится
по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,

Такъ умъ мой посреди сомнѣній по-
гибалъ,
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ
погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ спросилъ гласъ со-
вѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, какъ солн-
цемъ, озаренъ,
Ногой надежно ступаю
И съ ризы странника свергая прахъ
и тлѣнь,
Въ міръ лучшей духомъ возлетаю.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ какъ войны вдоль
идутъ по полямъ,

Завидя вдалькѣ твои, о, Рейнь,
 волны,
 Мой конь, веселья полный,
 Отъ строя отдѣлясь, стремится къ
 берегамъ,
 На крыльяхъ жажды приле-
 таеть,
 Глокаетъ хладную струю
 И грудь усталую въ бою
 Желанной влагой обновляетъ.

О, радость, я стою при реин-
 скихъ водахъ
 И, жадные съ холмовъ въ окрест-
 ность броса взоры,
 Привѣтствую поля и горы,
 И замки рыцарей въ туманныхъ
 облакахъ,
 И всю страну, обильну славой,
 Воспоминаемъ древнихъ дней,
 Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
 Ты льешься, Рейнь велича-
 вый!

Свидѣтель древности, событій
 всѣхъ временъ,
 О, Рейнь, ты поилъ несчетны ле-
 гіоны,
 Мечомъ писавшіе законы
 Для гордыхъ Германа кочующихъ
 племень;
 Любимецъ счастья, бичъ сво-
 боды,
 Здѣсь Кесарь бился, побѣ-
 ждалъ,
 И конь его переплывалъ
 Твои священны, Рейнь, воды!

Вѣка мелькнули: мѣръ крестомъ
 преображень,
 Любовь и честь въ душахъ суро-
 выхъ пробудились.
 Здѣсь витязи вооружились
 Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь
 прелестныхъ женъ;
 Тутъ совершались ихъ тур-
 ниры,
 Тутъ бились храбрые, и здѣсь
 Не умеръ, мнится, и поднесъ
 Звукъ сладкой трубадуровъ
 лиры.

Такъ, здѣсь, подъ тѣнію смоков-
 ницъ и дубовъ,

При шумѣ сладостномъ нагорныхъ
 водопадовъ,
 Въ тѣни цвѣтущихъ сель и
 градовъ,
 Восторгъ живетъ еще средь избран-
 ныхъ сыновъ.
 Здѣсь все питаетъ вдохно-
 венье:
 Простые нравы праотцовъ,
 Святая къ родинѣ любовь
 И празднои роскоши пре-
 зрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ
 священныхъ водъ,
 Туманной древности и бардамъ со-
 временныхъ,
 Для чувствъ и мыслей дерзно-
 венныхъ
 И силу новую, и крылья придаетъ.
 Свободны, горды, полудики,
 Природы вѣрные жрецы,
 Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
 И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣ-
 тель всѣхъ временъ,
 Ты самъ, до нашихъ дней, спокой-
 ный, величавый,
 Съ паденіемъ народной славы
 Склонилъ чело, увы, позналъ и
 стыдъ, и плѣнь!
 Давно-ли брегъ твой подъ ор-
 лами
 Атиллы новаго стоналъ,
 И ты уныло протекалъ
 Между враждебными полками?

Давно-ли земледѣль вдоль крас-
 ныхъ береговъ,
 Средь виноградниковъ завѣтныхъ и
 священныхъ,
 Полки встрѣчалъ иноплемен-
 ныхъ
 И ненавистный взоръ зарейскихъ
 сыновъ?
 Давно-ль они, кичася, пили
 Вино изъ синихъ хрусталай,
 И кони ихъ среди полей
 И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бро-
 дили?

И часъ судьбы насталь! Мы здѣсь,
 сыны сѣбговъ,

Подъ знаменемъ Москвы, съ свобо-
дой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ
льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія
валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь тво-
ихъ гражданъ,
За честь твердынь и сель, и нивъ
опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство
россиянъ,
Гдѣ ангель мирный, свѣтозар-
ный
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣнемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о, Рейнъ, здѣсь! Ты
видишь блескъ мечей,
Ты слышишь шумъ полковъ и но-
выхъ коней ржанье,
Ура побѣды и званье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ бога-
тырей.
Взвивая къ небу прахъ ле-
тучій,
По трупамъ вражескимъ ле-
тятъ
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха
и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ
за конями,
И ружья длинными рядами,
И стаги древніе средь копій и ме-
чей.
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои,
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стужъ сѣбиръ, и
паль угрюмый лѣсъ,
Костры надъ Рейномъ дымятся и
пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,

И клики воиновъ восходятъ до не-
бесъ.
Тамъ ратникъ ратника объем-
летъ,
Тамъ точить пѣшій штыкъ
стальной,
И конный грозною рукою
Крылатый дротикъ свой колеб-
летъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣт-
лу сталь копыя,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ вы-
сокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловить
окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоми-
наетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣсть
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижи-
маетъ...

Но тамъ готовится, по манію
вождей,
Безкровный жертвенникъ средь ги-
бельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Магкавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алта-
рей!
Его шума пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтаръ сіянемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умоляли, и
въ рядахъ
Благоговѣніе внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили
въ прахъ:
Покутъ Владыкъъ вышней силы
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
Дымятся мирныя кадиль!

И се подвинулись: валить за
строемъ строй,
Какъ море шумное, волнуется все
войско,
И эхо вторить кликъ герой-
ской,

Досель не слышанный, о, Рейнь,
 надъ тобой!
 Твой стонетъ брегъ гостеприм-
 ной,
 И мость подъ воями дрожить,
 И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ,
 Отъ глазъ, въ дали теряясь
 дымной!

Умиращій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente,
 Come acceso baleno
 In notturno sereno,
 Come aura, o fumo, o come stral
 repente,
 Volan le nostre fame: ed ogni onore
 Sembra languido fiore!
 Che più spera, o che s'attende omai?
 Dopo trionfo e palma
 Sol qui restano all'anima
 Lutto e lamenti, e lagrimosi
 lai.
 Che più giova amicizia, a giova
 amore?
 Ah! lagrime! ah! dolore!
 «Torrismondo», tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовить древ-
 ній Римъ?
 Куда текутъ народа шумны
 волны?
 Къ чему сихъ аромать и мирры
 сладкій дымъ,
 Душистыхъ травъ кругомъ кош-
 ницы полны?
 До Капитолія отъ Тибровыхъ ва-
 ловъ,
 Надъ стогами всемірныя сто-
 лицы,
 Къ чему раскинуты средь лавровъ
 и цвѣтовъ
 Безцѣнные ковры и багряницы?
 Къ чему сей шумъ, къ чему тим-
 пановъ звукъ и громъ?
 Веселья онъ, или побѣды вѣст-
 никъ?
 Почто съ хоругвией течеть въ
 молитвы домъ
 Подъ митрою апостоловъ на-
 мѣстникъ?
 Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
 Безцѣнный даръ признательнаго
 Рима?
 Кому триумфъ?... Тебѣ, божествен-
 ный пѣвецъ,
 Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусали-
 ма!

И шумъ веселія достигъ до кельи
 той,
 Гдѣ борется съ кончиною Торк-
 вато,
 Гдѣ надъ Божественной страдальца
 головой
 Духъ смерти носится крылатой.
 Ни слезы дружества, ни иноковъ
 мольбы,
 Ни почестей столь позднія на-
 грады,
 Ничто не укротитъ желѣзные судьбы,
 Не знающей къ великому пощады.
 Полуразрушенный, онъ видитъ гроз-
 ный часъ,
 Съ веселиемъ его благословляетъ
 И, лебедь сладостный, еще въ по-
 слѣдній разъ
 Онъ, съ жизнію прощаясь, вос-
 клицаеть:

„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть
 на пышный Римъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно
 кладбище!
 Да встрѣчу взорами холмы твои и
 дымъ,
 О, древнее квиритовъ пепелище,
 Земля священная героевъ и чудесъ,
 Развалины и прахъ краснорѣ-
 чивый!
 Лазурь и пурпуры безоблачныхъ не-
 бесь,
 Вы, тополи, вы, древнія оливы,
 И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель
 всѣхъ племенъ,
 Засѣянный костями гражданъ все-
 ленной,
 Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ
 унылыхъ стѣнъ
 Безвременной кончинѣ обречен-
 ной!
 Свершилось! Я стою надъ бездной
 роковой
 И не вступаю при плескахъ въ
 Капитолій,
 И лавры славные надъ дряхлой
 головой
 Не усладятъ пѣвца свирѣпой
 доли!
 Отъ самой юности, игралище лю-
 дей,
 Младенцемъ былъ уже изгнан-
 никъ.

Подъ небомъ сладостнымъ Италиі
 Скутается, какъ бѣдный стран-
 никъ,
 Какихъ не испыталъ превратно-
 стей судьбы!
 Гдѣ мой челнокъ волнами не
 носился?
 Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущ-
 ный хлѣбъ
 Слезами скорби не крошился?
 Сорренто, колыбель моихъ несчаст-
 ныхъ дней,
 Гдѣ я въ ночи, какъ трепет-
 ный Асканій,
 Отторженъ былъ судьбой отъ
 матери моей,
 Отъ сладостныхъ объятий и
 лобзаний!
 Ты помнишь, сколько слезъ мла-
 денцемъ пролилъ я!
 Увы, съ тѣхъ поръ добыча злой
 судьбины,
 Всѣ горести узналъ, всю бѣдность
 бытія!
 Фортуною изрытыя пучины
 Разверзлись подо мной, и громъ
 не умолкалъ!
 Изъ веси въ весъ, изъ странъ
 въ страну гонимый,
 Я тщетно на землѣ пристанища
 искалъ!
 Повсюду—персть ея неотразимый,
 Повсюду—молніи, карающи пѣвца!
 Ни въ хижинѣ оратая простого,
 Ни подъ защитою Альфонсова
 дворца,
 Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго
 крова,
 Ни въ дѣбряхъ, ни въ горахъ не
 спасъ главы моей,
 Безславіемъ и славой удручен-
 ной,—
 Главы изгнанника, отъ колыбель-
 ныхъ дней
 Карающей богинѣ обреченной!
 Друзья, но что мою стѣсняетъ
 страшно грудь?
 Что сердце такъ и ноетъ, и
 трепещетъ?
 Откуда я? Какой прошелъ ужас-
 ный путь,
 И что за мной еще во мракѣ бле-
 щетъ?

Феррара, фуриі и зависти змія!...
 Куда, куда, убійцы дарованья!
 Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь
 братья и семья!
 Вотъ слезы ихъ и сладки лобы-
 занья,
 И въ Капитолиі—Виргиліевъ вѣ-
 нець!
 Такъ! Я свершилъ назначенное
 Фебомъ.
 Отъ первой юности его усердный
 жрецъ,
 Подъ молніей, подъ разъярен-
 нымъ небомъ
 Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ
 дней,
 И въ узахъ я душой не измѣ-
 нился.
 Музъ сладостный восторгъ не гасъ
 въ душѣ моей,
 И геній мой въ страданьяхъ
 укрѣпился.
 Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у
 стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
 На берегахъ цвѣтущихъ Іордана!
 Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся
 Кедронъ,
 Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
 Предъ нимъ воскресли вы, герои
 древнихъ дней,
 Въ величїи и въ блескѣ гроз-
 ной славы!
 Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, вла-
 дыка, вождь царей,
 Подъ свистомъ стрѣлъ спокой-
 ный, величавый,
 Тебя, младый Ринальдъ, кипящій,
 какъ Ахиллъ,
 Въ любви, въ войнѣ счастливый
 побѣдитель,
 Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по
 трупамъ вражьихъ силъ,
 Какъ огонь, какъ смерть, какъ
 ангель-истребитель...
 И Тартаръ низложенъ сіяющимъ
 крестомъ!
 О, доблести неслыханной при-
 мѣры!
 О, нашихъ праотцевъ, давно по-
 чившихъ сномъ,
 Триумфъ святой, побѣды чистой
 вѣры!
 Торквато васъ исторгъ изъ про-
 пасти временъ:

Онъ пѣль, и вы не будете
забвенны!
Онъ пѣль, ему вѣнецъ без-
смертя обречень,
Рукою музъ и славы соплетен-
ный...
Но поздно! Я стою надъ бездной
роковой
И не вступлю при плескахъ въ
Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой
головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой
доли!“

Умолкъ. Упылый огонь въ очахъ
его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ
кончиной,
И умирающій, казалось, хотѣлъ
У Парки взять триумфа день еди-
ной.

Онъ взоромъ все искалъ Ка-
питолійскихъ стѣнъ,
Съ усиленъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины из-
нурень,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ еъ западу
текло

И въ заревѣ багрянномъ утопало;
Часъ смерти близился, и мрачное
чело
Въ послѣдній разъ страдальца
просіяло.

Съ улыбкою тихою на западъ онъ
глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ
воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и
отрадой.

„Смотрите,— онъ сказалъ рыдаю-
щимъ друзьямъ,—
Какъ царь свѣтилъ на западѣ
пылаеть!“

Онъ, онъ зоветъ меня къ без-
облачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засяетъ.
Ужъ ангелъ предо мной, вожатый
онныхъ мѣстъ,
Онъ осѣнилъ меня лазурными
крылами...

Приблизьте знакъ любви, сей
тайнственный крестъ,
Молитесь съ надеждой и сле-
зами!
Земное гибнетъ все—и слава, и
вѣнецъ,
Искусствъ и музъ творенья
величавы...
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ
самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небрен-
ной славы,
Тамъ все великое, чѣмъ духъ
питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой
колыбели!
О, братья, о, друзья, не плачьте
надо мной!
Вашъ другъ достигъ давно
желанной цѣли:
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой
укрѣпленъ,
Мучительной кончины не при-
мѣтитъ.
Тамъ, тамъ—о, счастье!—среди
непорочныхъ женъ,
Среди ангеловъ Элеонора встрѣ-
титъ!“

И съ именемъ любви божествен-
ный погасъ.
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи
рыдали.
День тихо догоралъ, и волокола
гласъ
Разнесъ кругомъ постогнавъ вѣсть
печали.
„Погибъ Торевато нашъ! — вос-
кликнулъ съ плачемъ Римъ,—
Погибъ пѣвецъ, достойный
лучшей доли!...“

На утро факеловъ узрѣли мрачный
дымъ,
И трауромъ покрывся Капитолій.

Изреченіе Мельхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнью, сѣдой Мель-
хиседекъ?—
„Рабомъ родился человекъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва-ли сжажетъ,

Зачѣмъ онъ шель долиной чудной
слезъ,

Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ,
исчезъ!“

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ

И. Дмитріевъ.

Сатира: чужой толкъ.

„Что за диковинка? лѣтъ двад-
цать уже прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, намор-
щивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ,
пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ
не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной
указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться
изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ
собратьи равнымъ,
И столько-жъ, какъ они, во пѣсно-
пѣнны славнымъ?
Какъ думаешь?.. Вчера случилось
мнѣ сличать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ... не-
чего читать!
Листочекъ, много три, а люблю, какъ
читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ, какъ будто
бы, летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что
они
Пис. ли ихъ рѣзвась, а не четыре
дни:
То какъ бы намъ не быть еще и
ихъ счастливей?
Когда мы во сто разъ прилежнѣй,
терпѣливѣй, —
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ
забавы прочь!
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ
ночь,
Потѣеть, думаетъ, чертитъ и жжетъ
бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою!
одной!

И подлинно, ужъ весь приложитъ
разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная
ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти
строфъ!
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ
есть стишковъ!
Къ тому-жъ и въ правилахъ: сперва
прочтешь вступленье,
Тутъ—предложеніе, а тамъ и заклю-
ченье —
Точъ въ точъ, какъ говорятъ учены
по церквямъ!
Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты,
вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на
побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ
морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья на-
хожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче и
скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!..
а зѣваю!
И, бросивши ее, другую раскры-
ваю,
На праздникъ, иль на что подобное
тому:
Тутъ найдешь то, чего-бъ нехитро-
му уму
Не выдумать и ввѣкъ: „зари ба-
гряны персты“,
И „райскій кринъ“, и „Фебъ“, и
„небеса отверсты“!
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не
веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не
шевелитъ“.

Такъ дѣдовскихъ временъ съ лю-
безной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ
со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ
пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствию дивился онъ
стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣ-
чать мнѣ должно;
Но, къ счастью,—ежели назвать то
„счастьемъ“ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный
приговоръ, —
Какой-то Аристархъ съ нимъ на-
чалъ разговоръ.

„На это,—онъ сказалъ,—есть мно-
гія причины;
Не обѣщаюся ихъ открыть и поло-
вины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію,
люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ
такъ же мало;
Однако-жъ здѣсь въ Москвѣ тол-
кался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ
ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейбъ
гвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь
подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ
пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нуж-
ный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно
иной
Въ два, въ три дня риему лишь
прибрать едва успѣеть,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не
имѣеть.
Лишь только мысль къ нему счаст-
ливая придетъ,
Вдругъ — било шесть часовъ! уже
кареता ждетъ:
Пора въ театръ, а тамъ на балъ,
а тамъ къ Ліону,
А тутъ и ночь... Когда-жъ заѣхать
къ Аполлону?
На завтра, лишь глаза откроетъ—
ужъ билетъ:

На пробу въ пять часовъ... Куда
же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ
арлекина ролю.
До оды-ль тутъ? тверди!.. скажи два
раза къ Кролю,
Потомъ опять домой: здѣсь холься
да радись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со
днемъ опять простись!
Къ тому-жъ, у древнихъ цѣль была,
у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ
грудь питаю,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ
несвысока;
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ
лишь вѣнка
Изъ лавровъ, иль изъ миртъ, чтобъ
Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я без-
смертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда
перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество
съ князькомъ,
(Который отъ роду не читывалъ
другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣ-
сяцеслова!)
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть ка-
жется святымъ.
Судя-жъ, сколь разные и тѣхъ и
нашихъ виды,
Навѣрно лъзя сказать, не дѣлая
обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ
русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особ-
ливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые приемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и, право, не
солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ сти-
хотворитель,
Котораго трудовъ „Меркурій“ нашъ
и „Зритель“,
И книжный магазинъ, и лавочки
полны,
„Мы съ риемами на свѣтъ, — онъ
мыслилъ,—рождены:

Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ,
согласиться—
На взморѣ въ хижину, какъ Де-
мосеенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что
вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ
лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не учене;
Онъ, не учась, ученъ, какъ при-
детъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ,—отвага, рие-
мы, жаръ“.

И вотъ, какъ нисывалъ поэтъ при-
родный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ при-
ятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ
разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вожда Костюшку
полонилъ,—
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ,
вывелъ: „ода“!

Потомъ въ одинъ присѣсть: „та-
кого дня и года“!

Тутъ какъ?.. „Пою!“ Иль нѣтъ,
ужь это старина!

Не лучше-ль: „Даждь мнѣ, Фебъ!“...
Иль такъ: „Не ты одна
Попала подъ пята, о чалмоносна
Порта!“

Ну что же мнѣ прибратъ къ ней
въ риему, кромѣ „чорта“?
Нѣтъ, нѣтъ! нехорошо; я лучше
поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣ-
жу“.

Пошелъ, и на пути такъ въ мы-
сляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устра-
шаетъ:
Что хочешь, то мели! вотъ штука,
какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ
сравнить?
Съ Румянцевымъ его, иль съ Грей-
гомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не чи-
тывалъ! а съ новымъ —
Неловко что-то все. Да просто на-
пишу:
„Ликуй, герой!.. ликуй, герой,
ты!“—возгласу.

Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надо-
бенъ восторгъ!
Скажу: „Кто завѣсу мнѣ вѣчности
расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ
горня свѣта
И то, и то“... А тамъ?.. известно:
„многи лѣта“!

Брависсимо! и планъ, и мысли, все
ужь есть!
Да здравствуетъ поэтъ! остался
присѣсть
Да только написать, да и печатать
смѣло!“

Бѣжить на свой чердакъ, чертить,—
и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужь его тисненью предають,
И въ одѣ ужь его намъ ваку про-
даютъ.

Вотъ, какъ пиндарилъ онъ и въ
ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать спо-
собны!

Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во
снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкѣй славою Екатери-
нинъ вѣкъ
Хвалою ему сердцецъ другихъ не
восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не оро-
шаетъ,—
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ
не поэтъ!“

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ
мой вквереть,
Какъ дерзостный языкъ безславиль
насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Восприя-
немъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! ото-
мстимъ,
Надуюсь, напремъ, ударимъ, по-
разимъ!

Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ российску гром-
ку лиру!

Сказка: „Причудница“.

Въ Москвѣ, которая и въ древ-
ни времена
Прелестными была обильна и слав-
на—

Не знаю подлинно, при коемъ го-
сударѣ,
А только слышалъ я, что рускіе
бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высокі чер-
даки,

Но, слѣдѹя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной
жить свободѣ,

И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенія
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день свѣтла
воскресенія,
И въ кукольный театръ отъ скуки
завернуть,
И въ рошѣ Марьиной подъ тѣнью
отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрапа
процвѣтала;

Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестную власть щелчки да-
вать супругу,
Имѣла, словомъ, все,—большой те-
совый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную
услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ
содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя
болтали
Такъ точно, какъ она — однакожъ
меньше знали.
Вѣтрапа куколкой всегда разря-
жена

И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными
сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть
льстецами,
Затѣмъ, что всякъ изъ нихъ зави-
довалъ то ей,

То пугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою
благодатю.
Одна Вѣтрапа лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною
даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски,
ни забавы,

Ни самая любовь—вѣдь есть же на
свѣту

Такіе чудны нравы! —
Не трогали мою надменну кра-
соту.

Ей царствующій градъ казался пусть
и скучень,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ-нибудь да былъ пят-
номъ.

„Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ
ужастъ неразлучень;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ
гонитъ вонъ;
Такой-то все молчить и погружаетъ
въ сонъ;

Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, само-
любива“.

Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ
отбилъ:

Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой не-
вѣжѣ
Чась отъ часу сталь рѣже, рѣже;
Осталась, наконецъ, лишь съ гор-
достью одной.
Утѣшно ли кому съ подругой жить
такой,

Надутой, но пустой?
Она лишь пучить въ насъ, а не
питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то
не струшу.
И такъ Вѣтрапа съ ней сначала ну
зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и
тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду раз-
сылать
За крестной матерью; — а та, из-
вольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя
штуки.
О, если бы возсталъ изъ гроба ты
въ сей часъ,
Драгунскій витязъ мой, о ротмистръ
Брамербасъ,
Ты, бывший столько лѣтъ въ мало-
россійскомъ краѣ
Игралицемъ злыхъ вѣдьмъ!.. Я
помню, какъ во снѣ,

Что ты рассказывал еще ребенку,
мнѣ,

Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборота тебя въ драгунскаго

Гуляла на хребтѣ твоёмъ до полу-
почи,

Доколѣ ты уже не выбился изъ
мочи:

Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда
меня?

Съ какой, бывало, ты рассказывалъ
размашкой,

Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ
сапогахъ,

За круглымъ столикомъ, дрожащимъ
съ чайной чашкой!

Какой огонь тогда пылалъ въ тво-
ихъ глазахъ!

Какъ волосы твои, сѣдые съ жел-
тиною,

Въ природной простотѣ взвѣвали
по плечамъ!

Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ
внимаемъ мною!

Въ подобномъ твоему я страхъ былъ
и самъ.

Стоялъ, какъ вкопанный, тебя гла-
зами мѣрилъ,

И что ужъ ты не конь... еще тому
не вѣрилъ!

О, если бы теперь ты, витязь мой,
воскресъ,

Я-бъ смѣлный былъ пѣвецъ неслы-
ханныхъ чудесъ!

Не сталъ бы истину я закрывать
подъ маску...

Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ!—и былъ
идеть за сказку.

Простите! виноватъ! немного от-
ступилъ,

Но, истинно, не я, восторгъ при-
чиной былъ;

Однако я клянусь моимъ пермес-
скимъ богомъ,

Что буду продолжать обыкновен-
нымъ слогомъ,

И такъ дослушайте-жъ. Однажды
вечеркомъ

Сидить, облокотясь, Вѣтрана подъ
окномъ

И, возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ
смуглай ночи,

Грустить и думать: „Прекрасная
луна!

Скажи, не ты ли та счастливая
страна,

Гдѣ матушка моя ликуеть?

Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различныя
чудеса,

Невѣдомо теперь, что дочь ея то-
скуеть,

Что крестница ея оставлена отъ
всѣхъ

И въ жизни никакихъ не чув-
ствуетъ утѣхъ?

Ахъ, если бы она хоть глазки по-
казала!“

И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда
ей предстала.

„Здорово, дитятко! Вѣтранѣ гово-
ритъ:

Какъ поживаешь ты?.. Но что твоей
кажется видъ?

Ты такъ стара! такъ похудѣла!

И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!

Скажи мнѣ, отчего такъ скоро ты
созрѣла?

Откройся“... — „Матушка,—отвѣт-
ствуетъ она,

— Я жизнь мою во скукъ трачу:
Настанетъ день,—тоскую, плачу,
Покроетъ ночь—опять грущу,
И все чего-то я ищущу!“

— „Чего же, свѣтликъ мой? или ты
нездорова?“—

„О, нѣтъ, грѣшно сказать“.— „Иль
домъ вашъ не богатъ?“—

„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ
палатъ“.—

„Иль мужъ обычая лихого?“—

„Напротивъ, врядъ найти другого,
Который бы жену столь горячо лю-
билъ“.—

„Иль онъ не нравится?“— „Нѣтъ,
онъ довольно милъ“.—

„Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ
неспокойна?“—

„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ
достойна“.—

— Чего же, глупенька, тебѣ недо-
стаетъ?—

„Признаться, матушка, мнѣ такъ
наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю, и вижу,

Чтобь какъ-нибудь попасть отсель
 Хотя за тридевять земель;
 Да только, чтобы все въ глазахъ
 моихъ блистало,
 Все новостію поражало
 И рѣдкостью мой умъ и взоръ,
 Гдѣ-бъ разныхъ дивностей со-
 боръ
 Представилъ былъ, какъ небы-
 лицу...
 Бороче: дай свою увидѣть мнѣ сто-
 лицу!"
 Старуха хитрая, кивая головой,
 „Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ
 просьбою такой?
 Желанье дерзко, безразсудно,
 То правда, но его исполнить мнѣ
 нетрудно;
 Зачѣмъ же дурочку отказомъ огор-
 чить!..
 Къ тому-жь, я тѣмъ могу ее и по-
 учить!..
 „Изрядно!—наконецъ сказала,—
 Исполнится, какъ ты желала“.—
 И вдругъ, о чудеса!
 И крестница, и мать взвились подъ
 небеса
 На лучезарной колесницѣ,
 Подобной въ быстротѣ синицѣ,
 И меньше, нежели въ три мига,
 Спустились въ новый міръ, отъ на-
 шего отгнанный,
 Въ которомъ тронъ веснѣ воздвиг-
 нуть неизмѣнный!
 Въ немъ рѣки, какъ хрусталь, какъ
 бархатъ берега,
 Деревья яблочны, кусточки ана-
 насны,
 А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
 Каковъ же феинъ былъ дворець —
 признаться вамъ,
 То врядъ изобразить и Богдановичъ
 самъ.
 Я только то скажу, что всѣ мате-
 риалы
 (А, впрочемъ, выдаю я это вамъ за
 слухъ),
 Изъ воихъ феинъ кумъ, какой-то
 славный духъ,
 Дворецъ сей сгромоздилъ — лишь
 изумрудъ, опалы,
 Порфиръ, лазурь, пиронъ, кри-
 сталль,
 Жемчугъ и лалль.

Всѣ, словомъ, рѣдкости богатя
 природы,
 Какими свадебны набиты русски
 оды;
 А садъ — повѣрите-ль?—не только
 описать
 Иль въ сказкѣ рассказать,
 Но даже и во снѣ его намъ не
 видать.
 Пожалуй, выдумать нетрудно:
 Но все то будетъ мало, скудно,
 Иль много-много что во тѣмъ ку-
 дрявыхъ словъ
 Удастся Царское село себѣ пред-
 ставить,
 Арמידинъ садъ, иль Петергофъ,
 Таеъ лучше этотъ трудъ оставить
 И далѣ продолжать. Вѣтрана, ни-
 коли
 Диковиновъ такихъ не видя на
 земли,
 Со изумленьемъ всѣ предметы ози-
 раеть
 И мыслить, что мечта во снѣ надъ
 ней играетъ;
 Войдя же въ храмины чудесницы
 своей,
 И пуще щурится; то блескъ отъ
 хрусталей,
 Сребристыя луны сражаясь съ
 лучами,
 Которые бъ почлись за солнечные
 нами,
 Какъ ярвой молніей слѣпнуть Вѣ-
 транинъ взоръ;
 То перламутръ хруститъ подъ ней,
 или фарфоръ...
 Ахти! опять понесъ великолѣпный
 вздоръ!
 Но быть ужъ такъ, когда пу-
 стился.
 Итакъ, переступя одинъ, другой
 порогъ,
 Лишь къ третьему пришли, бога-
 тый вдругъ чертогъ
 Не вѣтеркомъ, но самъ собою рас-
 творился!
 „Ну, дочка, поживай и веселися
 здѣсь!
 Всевѣда говорить,—не только дворъ
 мой весъ,
 Но даже и духовъ подземныхъ и
 воздушныхъ
 Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,

Даю во власть твою: сама же я,
мой свѣтъ,

Отправляюся на мало время—
Вѣдь у меня заботъ беремя—
Къ сестрѣ, съ которою не видѣ-
лась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда—въ
Колѣ;

Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе за-
стану“.

Тутъ коврикъ-самолетъ она подо-
стала,
Ступила, свистнула и въ мигъ изъ
глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.

А удивленная Вѣтра,на,
Какъ новая Діана,
Осталась между нимфъ, исполнен-
ныхъ заразы;
Онѣ тотчасъ ее нождъ ручки под-
хватили,
Помчали и за столъ роскошный
посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтра,на кушаетъ, а дѣвушки пре-
красны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты...
мила,

Поджавши руки, вкругъ стола
Поютъ ей ариі веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце ула-
ждать.

Потомъ, она едва задумала вста-
вать,
Вдругъ—дѣвушекъ, стола не
стало,

И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!

Вѣтра,на чувствуетъ пріятну том-
ность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ
слетенномъ нишѣ;

И въ тотъ же мигъ смычекъ не-
видимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за по-
логомъ сидѣлъ;

Смычекъ часъ отъ часу пѣлъ тише,
тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтра,но
уснулъ.

Прошла спокойно ночь; натура
пробудилась;

Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ
воскурилась;

Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ
соловья,

Слианный съ сладостнымъ журча-
ніемъ ручья

И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: „Проснись, проснись, сча-
стливая Вѣтра,на!“

Она проснулась—и спальная—ужъ
садъ,

Жилище райское веселій и про-
хлады!

Повсюду чудеса Вѣтра,на обрѣтала:
Гдѣ только ступить лишь,—тутъ
роза распцѣтала;

Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны
дерева,

Тамъ миртовый кустовъ, тамъ нѣж-
на мурава

Отъ солнечныхъ лучей какъ бар-
хатъ отливаетъ;

Тамъ рѣчка по песку золотому про-
текаетъ;

Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;

Тамъ птички гимнъ поютъ при-
родѣ и веснѣ,

И поугай голубые
Со зохомъ взапуски твердятъ:

„Вѣтра,на! насыщай свой
взглядъ!“

А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,

Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,

И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣ-
товъ.

И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круг-

лый изъ сребра

Съ такою-жъ пицей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;

А подъ Вѣтра,но очутился
Съ подушкой бархатной тронъ,

Чтобы съ него ей кушать
И нѣніе, какимъ гордился-бъ Ам-
фіонъ,

Тѣхъ нимфъ, которыя вчера слу-
жили, слушать.

„По'чести, это рай! Ну, если бы
теперь, —
Вѣтра́на думаетъ, — подырался въ
эту дверь...“
И, слова не скончавъ, въ тримо
она взглянула —
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь
тотъ день,
Пригнаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не-
кстати;
А только объявлю, что въ этой же
палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно
вамъ,
Былъ и вечерній столъ, прилич-
ный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ
превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день то-жъ. „Но что
это за мѣръ?“ —
Вѣтра́на говоритъ, гармоніи вни-
мая
Висящихъ по стѣнамъ золотострун-
ныхъ лиръ: —
„Все этакъ, то тоска возьметъ и
среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни по-
глядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда това-
рища не вижу!
Увы! я пуще жизнь мою вознена-
вижу!
Веселье веселить, когда его дѣ-
лишь“.

Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ ви-
хоръ, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ
дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный
домъ;

И бѣдная Вѣтра́на,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, ле-
титъ —
И гдѣ-жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ муромскихъ
лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!

Вѣтра́на возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дро-
жали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни
луна
Сквозь чернаго ея покрова не
мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листь
шумитъ,
Да изъ душла въ дупло сова пе-
релетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка за-
нываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль
нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежетъ
блѣдный свѣтъ?
Но этотъ часъ воровъ! Итакъ она
рѣшилась,
Не мѣшая идти; итакъ пере-
крестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому
песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь сту-
пить шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній
часъ: „жуку“!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за де-
реьевъ роги;
То слышится „ау“; то вспыхнулъ
огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ
дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій то-
потъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ; я
самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы от-
давалъ;
Недаромъ и Вѣтра́на плачетъ.
Ужъ въ самомъ дѣлѣ это-то
скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пицалью
за плечьми.
„Стой! стой!“ — онъ гаркаетъ, свер-
каючи очьми, —
„Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ
иль неволѣ,

Тамъ кроткія свои бесѣды раство-
ряла
Хвалою воздержности, смиренью,
правотѣ,

То плакала, то въздыхала
О братіи, въ мірской утошеш суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь
сбиралось

Пять, шесть на перечесть;
А иногда случалось
И менѣе того, и то сурокъ, да
кротъ,

Да двѣ, три набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей,
безъ подпоръ:
Какой же ожидать отъ нихъ ли-
сицѣ дани?

Но лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила пе-
руны

На кровожаждующихъ медвѣдей и
волковъ,
На тигровъ, даже и на львовъ!

Что-жь? слушателей тьма сте-
клася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,

Который, несмотря, что онъ по-
роды львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною
скотиной
И въ благочестіе вдался подъ ста-
рость дней.

„Послушаемъ лису!—Левъ молвилъ:
что за диво!“
За словомъ въ слѣдъ указъ;

И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь свазала.
Какую жъ проповѣдь! Изъ вожи
лѣзла вонъ!

Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждующихъ отъ нихъ духъ
бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.

Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко
говорить?

Другъ на друга глядятъ, но го-
ворить не смѣли,
Смекнувъ, что царь лису изволилъ
похвалить.

Какъ новость, иногда и правда
намъ по праву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ
честь и славу!

Царь-левъ, давъ лапу ей, привѣт-
ливо сказалъ:

„Тобой я истину позналъ
И болѣе прежняго гнущаться сталъ
пороковъ;

Чего-жь ты требуешь во мзду
твоихъ уроковъ?

Скажи безъ всякаго зазрѣнья и
стыда:

Я—твой должникъ“. Лиса, глядь,
глядь, туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя
улику:

„Всещедрый царь-отецъ!—
Отвѣтствовала льву съ запинкой,
наконецъ,—
Индѣекъ... малую толику“.

Крыловъ.

Ворона и лисица.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лестъ гнусна, вредна; но только
все не въ прокъ,
И въ сердцѣ лстецъ всегда оты-
щеть уголокъ.

Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусо-
чекъ сыру;
На ель ворона взгромоздися,

Позавтракать-было совѣмъ ужъ со-
бралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту
держала.

На ту бѣду лиса близехонько
бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остано-
вилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ
плѣнилъ.

Плутовка къ дереву на цыпочкахъ
 подходит,
 Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ
 не сводитъ
 И говоритъ такъ сладко, чуть
 дыша:
 „Голубушка, какъ хороша!
 Ну, что за шейка, что за
 глазки!
 Рассказывать, такъ, право,
 сказки!
 Какія перышки! Какой носокъ!
 И, вѣрно, ангельскій бытъ долженъ
 голосокъ!
 Спой, свѣтиль, не стыдись! Что
 ежели, сестрица,
 При красотѣ такой и пѣтъ ты ма-
 стерица,
 Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-
 птица!“
 Вѣщуньяна съ похвалъ вскружилась
 голова,
 Отъ радости въ зобу дыханье
 сперло—
 И на привѣтливъ лисицны слова
 Ворона каркнула во все воронье
 горло:
 Смеръ выпалъ — съ нимъ была плу-
 товка такова.

Дубъ и трость.

Съ тростинкой дубъ однажды въ
 рѣчь вошелъ.
 „По истинѣ, роптать ты въ правѣ
 на природу,—
 Сказалъ онъ, — воробей, и тотъ,
 тебѣ тяжель.
 Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ
 рябью воду,
 Ты зашатаешься, начнешь сла-
 бѣть,
 И такъ нагнешься сиротливо,
 Что жалко на тебя смотрѣть.
 Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кав-
 казомъ, горделиво,
 Не только солнца я препятствую
 лучамъ,
 Но, посмѣваясь и вихрямъ, и гро-
 замъ,
 Стою и твердъ, и прямъ,
 Какъ будто-бъ огражденъ нару-
 шимымъ миромъ:

Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется
 зефиромъ.

Хотя-бъ ужъ ты въ окружности
 росла,
 Густою тѣнью вѣтвей моихъ покры-
 той—

Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ
 защитой;

Но вамъ въ удѣлъ природа от-
 вела

Брега бурливаго золова владѣнья:
 Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о
 васъ радѣнья“.

— „Ты очень жалостливъ“, — са-
 зала трость въ отвѣтъ,—
 „Однако, не крушись: мнѣ столько
 худа нѣтъ.

Не за себя я вихрей опасуюсь:

Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
 Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
 Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ гро-
 зятъ!

То правда, что еще доселѣ ихъ
 свирѣлость

Твою не одолѣла крѣпость,
 И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ
 лица;

Но—подождемъ конца!“

Едва лишь это трость сказала,
 Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сто-
 ронъ,

И съ градомъ, и съ дождемъ, шу-
 мящій аквилонъ.

Дубъ держится—въ землѣ трости-
 ночка припала.

Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы
 онъ,

Взревѣлъ, и вырвалъ съ кор-
 немъ вонъ

Того, кто небесамъ главой своей
 касался

И въ области тѣней пятою упи-
 рался.

Ворона и курица.

Когда Смоленскій князь,
 Противу дерзости искусствомъ веру-
 жась,

Вандаламъ новымъ сѣтъ поста-
 вилъ

И на погибель имъ Москву оста-
 вилъ,

Тогда всё жители, и малый, и больш-
шой,

Часа не тратя, собралися

И вонь изъ стѣнъ московскихъ
поднялися,

Какъ изъ улья пчелиный рой.

Ворона съ кровли тутъ на эту всю
тревогу

Спокойно, чистя носъ, глядитъ.

„А ты что-жь, кумушка, въ
дорогу?—

Ей съ возу курица кричитъ,—

„Вѣдь, говорятъ, что у порогу

Нашъ супостатъ“.

— „Мнѣ что до этого за дѣло?“

Вѣщунья ей въ отвѣтъ,—„я здѣсь
останусь смѣло.

Вотъ ваши сестры какъ хот-
ятъ;

А вѣдь воронъ ни жарять, ни
варять;

Такъ мнѣ съ гостями немудрено
ужиться;

А, можетъ-быть, еще удастся пожи-
виться

Сыркомъ, иль восточкой, иль чѣмъ-
нибудь.

Прощай, хохлаточка, счастливый
путь!“

Ворона подлинно осталась;

Но, вмѣсто всёхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій
сталъ гостей,

Она сама къ нимъ въ супъ по-
палась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ
слѣпъ и глухъ:

За счастьемъ, кажется, ты по пя-
тамъ несешься,

А какъ на дѣлѣ съ нимъ со-
чтешься—

Попался, какъ ворона въ супъ!

Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ

И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,

Гдѣ стоитъ только догадаться—

За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера
ларецъ.

Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза
видался;

Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ
любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики
мудрецъ.

Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:

„ларецъ съ секретомъ...

Такъ!.. онъ и безъ замка;

А я берусь открыть; да, да, увѣ-
ренъ въ этомъ;

Не смѣйтесь такъ исподтишка!

Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ
открою;

Въ механикѣ и я чего-нибудь да
стою“.

Вотъ за ларецъ принялся онъ:

Вертитъ его со всёхъ сторонъ,

И голову свою ломаетъ;

То гвоздикъ, то другой, то скобку
пожимаешь.

Тутъ, глядя на него, иной

Качаетъ головой,

Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ
собой.

Въ ухахъ лишь только отдается:

„Не тутъ, не такъ, не тамъ!“ Мех-
аникъ пуще рвется.

Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ,

усталь,
Отъ ларчика отсталъ,

И какъ открыть его, никакъ не
догадался:

А ларчикъ просто открывался.

Оракулъ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ дере-
вянный богъ,

И сталъ онъ говорить пророчески
отвѣты,

И мудрые давать совѣты.

За то, отъ головы до ногъ,

Обвѣшанъ и серебромъ, и зла-
томъ,

Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ,
Заваленъ жертвами, мольбами за-
глушенъ

И омиамомъ задушенъ.

Въ оракула всё вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ—о чудо, о позоръ!—

Заговорилъ оракулъ вздоръ:
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо;

И кто къ нему за чѣмъ ни подой-
детъ,
Оракуль нашъ что молвить,—то со-
вреть;
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣ-
вался!

А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и сажива-
лись въ немъ

Жрецы вѣщать мірянамъ.

Итакъ,

Пока былъ умный жрецъ, кумиръ
не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ-бол-
ваномъ.

Я слышалъ — правда ль? — будто
встарь

Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный сек-
ретарь.

Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба гла-
зами стала;

А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой
руки:

Лишь стоитъ завести очки.

Очковъ съ полдюжины себѣ она до-
стала;

Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ
на хвостъ нанижетъ,

То ихъ понюхаетъ, то ихъ поли-
жетъ,

Очки не дѣйствуютъ никакъ.

„Тфу, пропасть!— говоритъ она,—
и тотъ дуракъ,

Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ
вракъ:

Все про очки лишь мнѣ нагали;
А проку наволось нѣтъ въ нихъ“.

Мартышка тутъ съ досады и съ
печали

О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то-жъ бываетъ у
людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не
зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ
худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонитъ.

Два голубя.

Два голубя, какъ два родные брата,
жили;

Другъ безъ друга они не ѣли и не
пили;

Гдѣ видишь одного, другой ужъ,
вѣрно, тамъ;

И радость, и печаль—все было по-
поламъ.

Не видѣли они, какъ время проле-
тало;

Бывало грустно имъ, а скучно не
бывало.

Ну, кажется, куда бъ хотѣтъ
Или отъ милой, иль отъ друга?

Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ
изъ нихъ,—летѣтъ,

Увидѣтъ, посмотрѣтъ

Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличитъ, повѣритъ
былъ съ молвой.

„Куда ты?—говоритъ сквозь слезъ
ему другой,—

„Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты раз-
статься?“

Безсовѣстный! когда меня тебѣ не
жалъ,

Такъ вспомни хищныхъ птицъ,
силки, грозы ужасны

И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣтъ въ та-
кую даль:

Ужъ я тебя тогда удерживать не
буду.

Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ,
и малъ;

Да, чу! и воронъ прокричалъ:

Вѣдь это, вѣрно, къ худу!

Останься дома, милый мой!

Ну, намъ, вѣдь, весело съ-тобой!
Куда жъ еще тебѣ летѣтъ, не ра-
зумью;

А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.

Силки да коршуны, да громы только мнѣ

Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я
несчастья;

Чуть тучка лишь надъ головой,—
Я буду говорить: „ахъ, гдѣ-то братецъ мой?“

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ
ли отъ ненастья?“

Растрогала рѣчь эта голубка;
Жаль брата, да летѣть охота велика:

Она и разсуждать, и чувствовать
мѣшаетъ.

„Не плачь, мой милый,— такъ онъ
друга утѣшаетъ,—

Я на три дня съ тобой, не больше,
разлучусь.

Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,

И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,

Подъ крылышко къ дружкѣ назадъ
я ворочусь.

Тогда-то будетъ намъ о чемъ поведать словечко!

Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко,—

Все расскажу: дѣла ль, обычай ли какой,

Иль гдѣ какое видѣлъ диво.

Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,

Какъ будто бѣ самъ леталъ ты по свѣту со мной“.

Тутъ—дѣлать нечего—друзья поцѣловались,

Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ;
вдругъ

въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался;

Кой-какъ уgnѣздила, прижался
къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,

Ни отъ дождя спастись; весь вымокъ и продрогъ.

Утихъ, помалу, громъ. Чуть солнце просіяло,

Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.

Встряхнулся и летитъ—летитъ и видитъ онъ:

Въ заглупшѣ подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.

Спустился—въ сѣти тутъ попалась наша птичка!

Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;

По счастью, сѣть стара: кой-какъ ее прорвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ!

Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:

Отколь ни взялся ястребъ злой,—
Не взвидѣлъ свѣта голубъ мой!

Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машеть.

Ахъ, силы вкороткѣ, совсѣмъ истощены!

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашеть.

Тогда орель, съ небесъ направа своей полеть,

Ударилъ въ ястреба всей силой—
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Межъ тѣмъ, нашъ голубъ милый,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.

Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:

Одна бѣда всегда другую пакликаетъ.

Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ голубка—

Сей возрастъ жалости не знаетъ—
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,

Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,

Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.

Счастливы еще: его тамъ дружба
ожидаеть!

Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лѣкаря и помощь видить
въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе за-
бываетъ.

О вы, которые объѣхатъ свѣтъ
вокругъ

Желаніемъ горите!
Вы эту басенку прочтите
И въ дальній путь такой пускайтесь
не вдругъ:
Что бъ ни сулило вамъ воображенье
ваше:
Но, вѣрьте, той земли не сыщите
вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ
вашъ другъ!

Червонецъ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ
людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ
у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не
испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечъ имъ вмѣсто
славы.

Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу
книгу стало;
Да важно говорить не всякому
пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ
вамъ.

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не-
мало,

Нашель червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;

Однакожь, пятаковъ пригоршни
трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину
даютъ.

„Постой же, — думаетъ мужикъ, —
„дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками отор-
вутъ“.

Тутъ, взявъ песку, дресвы и
мѣлу

И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ
дѣлу,

И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ то-
читъ,

Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ какъ жаръ его
поставить хочетъ.

И подлинно, какъ жаръ, червонецъ
заигралъ;

Да только стало

Въ немъ вѣсу мало,

И цѣну прежнюю червонецъ по-
терялъ.

Безбожники.

Былъ въ древности народъ, къ стыду
земныхъ племень,
Который до того въ сердцахъ оже-
сточился,

Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью зна-
мень,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей,
шума несутся въ поле.

Зачинщики, изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства
болѣ,

Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ,
и безтолковъ;

Что боги, или спятъ, иль правятъ
безразсудно;

Что проучить пора ихъ безъ чи-
новъ;

Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ ка-
менями нетрудно

На небо дошвырнуть въ боговъ,
И заматать Олимпъ стрѣлами.

Смутяся дерзостью безумцевъ и ху-
лами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою
приступилъ,

Чтобы бѣду онъ отвратилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ
мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, не
худо

Явить хотъ небольшое чудо:
Или потопа, или съ трусомъ
громъ,
Или хотъ каменнымъ ударить въ
нихъ дождемъ.

„Пождемъ,—

Юпитеръ рекъ,—а если не сми-
рятся
И въ буйствѣ прекоснать, безсмерт-
ныхъ не боясь,—

Они отъ дѣлъ своихъ казнятся“.

Тутъ съ шумомъ въ воздухъ взви-
лась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ
богоятежныхъ;
Но съ тысячею смертей, и злыхъ и
неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились
главы.

—
Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства
толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ
васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ
часть,
И обратятся все въ громовыя вамъ
стрѣлы.

Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы
ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уняли
звѣри;
Въ адъ распахнулись настезъ
двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ,
по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства
жертвы;

Неумолимая, какъ сѣно, косить
ихъ;

А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ
полумертвы!

Перевернулъ совѣтамъ ихъ
страхъ;

Тѣ-жь звѣри, да не тѣ въ вели-
кихъ столь бѣдахъ:

Не давить волкъ овецъ, и смиренъ,
какъ монахъ;

Миръ курамъ давъ, лиса постигся
въ подземельи:

Имъ и їда на умъ нейдетъ.

Съ голубкой голубъ врозь жи-
ветъ,

Люби въ поминѣ больше нѣтъ:

А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей
сзываетъ левъ.

Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть дер-
жатся въ нихъ души.

Сбредились и въ тишинѣ, царя во-
кругъ обсевъ,

Уставили глаза и приложили
уши.

„О други!“—пачалъ левъ,—по мно-
жеству грѣховъ

Подпали мы подъ сильный гнѣвъ
боговъ;

Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ ви-
новенъ болѣ,

Пускай по доброй волѣ

Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ
угодимъ,

И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва
ихъ.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей
моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ та-
кихъ

Бывали многіе въ исторіи при-
мѣры?..

Итакъ, смиря свой духъ,

Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій
вслухъ,

Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ воль-
но или невольно.

Покаемся, мои друзья!..

Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и
больно—

Неправъ и я!

Овечекъ бѣдненькихъ—за что?—
совсѣмъ безвинно

Дираль безчинно;

А иногда—кто безъ грѣха?—

Случалось, драль и пастуха;

И въ жертву предаюхъ охотно;

Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ
вмѣстѣ перечестъ

Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ
есть,

Того бы въ жертву и принестъ,

И было бы богамъ то болѣ угодно“.

„О царь нашъ, добрый царь! Отъ
лишней доброты,—

Лисица говорить,—въ грѣхъ это
ставишь ты.

Коль робкой совѣсти во всемъ мы
станемъ слушать,

То придетъ съ голоду пропасть намъ,
наконецъ;

Притомъ же, нашъ отецъ,

Повѣрь, что это честь большая
для овецъ,

Когда ты ихъ изволишь кушать.

А что до пастуховъ,—мы всѣ здѣсь
бьемъ челомъ—

Ихъ чаще такъ учить, имъ это по
дѣломъ:

Безвостый этотъ родъ лишь глухой
спѣсью дышитъ,

И нашими себя вездѣ царями пи-
шетъ“.

Окончила лиса; за ней, на тотъ же
ладъ,

Лстецы льву то же говорятъ,

И всякій доказать спѣшить на
перехватъ,

Что даже не въ чемъ льву просить
и отпущенья.

За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки
въ своей чередѣ

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно погрѣ-
шенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ
дѣлъ

Никто и шевелить не смѣлъ;

И всѣ, кто были тутъ богаты

Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ
вышли вонъ

Со всѣхъ сторонъ

Не только нравы, чуть не святы.

Въ свой рядъ смиренный волъ имъ
такъ мычить: „И мы

Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зи-
мой кормы

Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавый натолк-
нулъ:

Ни отъ кого себѣ найти не могли
суды,

Изъ стога у попа я клокъ сѣнца
стянулъ“.

При сихъ словахъ поднялся шумъ
и толки;

Кричатъ медвѣди, тигры, волки:

„Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли,
что боги

За беззаконіе его къ намъ столько
строги!

Его, безчинника, съ рогатой го-
ловой,

Его принестъ богамъ за всѣ его
проказы,

Чтобъ и тѣла намъ спасти, и нравы
отъ заразы!

Такъ, по его грѣхамъ у насъ и
моръ такой!“

Приговорили—

И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ также говорятъ:

Кто помирнѣй, такъ тотъ и вино-
вать.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ
овчарню,

Попалъ на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный
дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забяку,

Псы залились въ хлѣвахъ и рвутъ-
ся вонъ на драку.

Псари кричатъ: „ахти, ребята,
воръ!“

И вмигъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарня стала
адамъ.

Бѣгутъ: иной съ дубемъ,

Иной съ ружьемъ.

„Огня! — кричатъ, — огня!“.. При-
шли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ
уголъ задомъ,

Зубами шелкая и ошестина
 шерсть,
 Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ
 онъ съѣсть;
 Но, видя то, что тутъ не передъ
 стадомъ,
 И что приходитъ, наконецъ,
 Ему разсчестся за овецъ,
 Пустился мой хитрецъ
 Въ переговоры,
 И началъ такъ: „друзья, къ чему
 весь этотъ шумъ?
 Я—вашъ старинный свать и
 кумъ,
 Пришелъ мириться къ вамъ совсѣмъ
 не ради ссоры;
 Забудемъ прошлое, уставимъ общій
 ладъ!
 А я не только впредь не трону
 здѣшнихъ стадъ,
 Но самъ за нихъ съ другими
 грызться радъ,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я“...—„Послушай-ка, сосѣдъ,
 Тутъ ловчій перервалъ въ
 отвѣтъ,—
 Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
 И волчью вашу я давно натуру
 знаю;
 А потому обычай мой:
 Съ волками иначе не дѣлать
 мировой,
 Какъ снявши шкуру съ нихъ
 долой“.
 И тутъ же выпустилъ на волка
 гончихъ стаю.

Ручей.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно,
 въ тоскѣ,
 Свою бѣду и свой уронъ невозвра-
 тимый:
 Ягненокъ у него любимый
 Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
 Услыша пастуха, ручей журчитъ
 сердито:
 „Рѣка несытая, что, если бѣдно
 твое
 Такъ было, какъ мое,
 Для всѣхъ и ясно, и открыто,
 И всякій видѣлъ бы на тинистомъ
 семь днѣ

Всѣ жертвы, кои ты столь алчно
 поглотила?
 Я, чай бы, со стыда ты землю
 сквозь прорыла,
 И въ темныхъ пропастяхъ себя
 сокрыла.
 Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
 Дала судьба обильныя столь
 воды,
 Я, украшеньемъ ставъ при-
 роды,
 Не сдѣлалъ курицѣ бы зла;
 Какъ осторожно бы вода моя
 текла
 И мимо хижинки, и каждаго
 кусточка!
 Благословляли бы меня лишь
 берега,
 И я бы освѣжалъ долины и
 луга,
 Но съ нихъ бы не унесъ ли-
 сточка.
 Ну, словомъ, дѣлая путемъ мо-
 имъ добро
 Не приключа нигдѣ ни бѣды, ни
 горя,
 Вода моя до самаго бы моря
 Такъ докатилася чиста, какъ
 серебро“.
 Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ
 въ самомъ дѣлѣ.
 И что жъ? Не минуло недѣли,
 Какъ туча ливная надъ ближнею
 горой

Разсѣлась:

Богатствомъ водъ ручей сравнялся
 вдругъ съ рѣкой;
 Но, ахъ! куда въ ручьѣ смирен-
 ность дѣлалась!—
 Ручей изъ береговъ бьетъ мут-
 ною водой,
 Кипитъ, реветъ, крутитъ нечесту
 пѣну въ клубы,
 Столѣтніе валаетъ дубы:
 Лишь трески слышны вдалекѣ;
 И самый тотъ пастухъ, за коего
 рѣкѣ
 Пенялъ недавно онъ такимъ кудря-
 вымъ складомъ,
 Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ
 стадомъ,
 А хижинныя его пропали и
 слѣды.

Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ
оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ноч-
легѣ“.

— „Счастливыи путь, сосѣдъ мой
дорогой!—

Кукушка говоритъ,—а свой ты
правъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ
собой?“

— „Ужъ кинуть, вздоръ ка-
кой!“

— „Такъ вспомни же меня, что
быть тебѣ безъ шубы.“

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и рошчетъ
на людей:

Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни
обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не
живется.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашель жемчужное зерно,
И говоритъ: „куда оно?
Какая вещь пустая!

Не глупо-ль, что его высоко такъ
цѣнять!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ
радъ
Зерну ячменному,—оно не столь хотъ
видно,

Да сытно“.

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ,—то все
у нихъ пустякъ.

Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спу-
скается.
Вотъ, на горѣ другихъ остави до-
жидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько
первый возъ.

Конь добрый на крестцѣ почти его
понесъ,

Катиться возу не давая;

А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый
шагъ:

„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень.

Косо! криво!

Смѣляе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой осель! Добро бы было
въ гору,

Или въ ночную нору,
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ
терпѣнья!

Ужъ воду-бы таскалъ, коль нѣтъ
въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы мах-
немъ!

Не бойсь, минуты не потра-
тимъ,

И возикъ свой мы не свеземъ, а
скатимъ!“

Тутъ, выгнувши хребетъ и пона-
тужа грудь,

Тронулася лошадка съ возомъ въ
путь;

Но только подъ гору она перева-
лилася,

Возъ началъ напирать, телѣга рас-
катилася:

Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ
въ бокъ;

Пустился конь со всѣхъ четырехъ
ногъ

На славу;

По камнямъ, рывинамъ пошли
толчки,

Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ
въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ сла-
бость ту же:

Все кажется въ другомъ ошибкой
намъ;

А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Вороненовъ.

Орель

Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ

И выхватилъ ягненка;

А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.

Взманило это вороненка,

Да только думаетъ онъ такъ: „ужъ
братъ, такъ братъ,

А то и когти что марать!

Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;

Ну, только - ль въ стадѣ что ягнята?

Вотъ я, какъ захочу—

Да налечу,

Такъ царскій подлинно кусочекъ
подхвачу!“

Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,

Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:

Изъ множества ягнятъ, барановъ
и овецъ

Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ,
наконецъ,

Барана, да какого!

Прежирнаго, прематерога,

Который доброму-бъ и волку былъ
въ подъемъ.

Издадьясь, на него спустился,

И въ шерсть ему, что силы есть,
вцѣпился.

Тогда-то онъ узналъ, что добычъ не
по немъ.

Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ

Тулупъ такой былъ прекосматый,

Густой, всклокоченный, хохлатый,

Что изъ него когтей не вытеревилъ
вонъ

Затѣйникъ нашъ крылатый

И вончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ
попалъ въ полонъ.

Съ барана пастухи его чинненько
сняли;

А чтобы онъ не могъ летать,

Ему всѣ крылья окорнали

И дѣтямъ отдали играть.

Нерѣдко у людей то-жъ самое
бываетъ,

Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ:

Что сходить съ рукъ ворами, за то
воришекъ бьютъ.

Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,

Да не уменъ,

Такъ худо, ежели и съ добрымъ
сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ
слонъ.

Хоть, кажется, слоновъ и умная
порода,

Однако-же, въ семьѣ не безъ
урода:

Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ,

Да не въ родню былъ простъ;

А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.

Вотъ добрый воевода видитъ:

Вступило отъ овецъ прошеніе въ
приказъ:

„Что волки-де совсѣмъ сдираютъ
кожу съ насъ“.

— „О плуты! — слонъ кричить, —
какое преступленіе!“

Кто грабить даль вамъ позволенъ?
“

А волки говорятъ: „помилуй, нашъ
отецъ!“

Не ты-ль намъ къ зимѣ на тулуны

Позволилъ легонькій оброкъ собрать
съ овецъ?

А что онъ кричать, такъ овцы
глухи:

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры
по шкуркѣ снять,

Да и того имъ жаль отдать“.

— „Ну то-то-жъ! — говоритъ имъ
слонъ, — смотрите!“

Неправды я не потерплю ни въ
комъ:

По шкуркѣ, таеъ и быть, возьмите;

А больше ихъ не троньте волоскомъ“.

Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья
И говорить ему: „послушай-ка, дру-
жище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій масте-
рище:

Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ
пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣ-
нье?“

Тутъ соловей являть свое искусство
сталъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, перели-
вался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалькѣ свирѣлю отда-
вался,
То мелкой дробью вдругъ по рошѣ
разсыпался.

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ
хоры

И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любо-
вался

И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улы-
бался.

Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь
въ землю лбомъ,
„Изрядно, — говорить, — сказать
неложно,

Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще-бъ ты болѣ наострился,
Когда-бы у него немножко по-
учился“.

Услыша судъ такой, мой бѣдный
соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за триде-
вять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ
судей!

Откупщикъ и сапожникъ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ
пышныхъ жилъ,
Бѣлъ сладко, вкусно пилъ:

По всякій день давалъ пиры, бан-
кеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни
пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ
край.

И словомъ, кажется, въ его хоромахъ
рай.

Однимъ лишь откупщикъ стра-
даетъ,

Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто, труситъ разо-
рится:

Да только все ему некрѣпко какъ-
то спится.

А, сверхъ того, хотъ иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ,—такъ но-
вая бѣда:

Богъ далъ ему пѣвца-сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ
въ хижинѣ бѣднякъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ и, на про-
сторѣ

Обшаря стѣны всѣ и полъ, и пото-
локъ,

Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ
ворѣ!

Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣд-
някъ,

Богатымъ легъ, а съ голью всталъ
такою,

Хотъ по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться
худо такъ!

Крестьянинъ тужить и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.

„Нельзя ли, — говорить, — помочь
бѣдѣ моей?“

Тутъ всякій съ мужикомъ тол-
куетъ,

И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „эхъ,
свѣтъ!

Не надобно, было, тебѣ по міру сла-
вить,

Что столько ты богатъ“.

Свять Климычъ говоритъ: „впередь,
мой милый свать,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо
ближе ставить“.

— „Эхъ, братцы, это все не
такъ,

Сосѣдъ толкуетъ Фока,—

„Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать
собакъ;

Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда до-
рогого

Отъ сердца надѣлать,

Чѣмъ ихъ топить“.

И словомъ, отъ родни и отъ дру-
зей любезныхъ

Совѣтовъ тысячу надавано полез-
ныхъ,

Кто сколько могъ,

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не
помогъ.

На свѣтѣ таково-жъ: коль въ нужду
попадешься,

Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ,
и впрямь:

А чуть о помощи на дѣлѣ заик-
нешься,

То лучший другъ—

И нѣмъ, и глухъ.

Котъ и поварь.

Какой-то поварь, грамотей,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ
былъ правилъ

И въ этотъ день по кумѣ тризну
правиль),

А дома стеречи съѣстное отъ мы-
шей

Кота оставилъ.

Но что же, возвратясь, онъ видитъ?
На полу

Обѣдки пирога; а Васька-котъ въ
углу,

Припавъ за укуснымъ бочен-
комъ,

Мурлыча и ворча, трудится надъ
курченкомъ.

„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!—

Тутъ Ваську поварь укоряетъ,—
Не стыдно-ль стѣнъ тебѣ, не толь-
ко что людей?

(А Васька всетаки курченка уби-
раетъ).

Какъ! бывъ честнымъ котомъ
до этихъ поръ,

Бывало, за примѣръ тебя смирен-
ства кажутъ!

А ты... ахти, какой позоръ!

Теперь всѣ сосѣды скажутъ:

Котъ-Васька плутъ! котъ-Вась-
ка воръ!

И Ваську-де, не только что въ
поварню,

Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ ов-
чарню:

Онъ порча, онъ чума, онъ язва
здѣшнихъ мѣстъ!“

(А Васька слушаетъ да ѣстъ).

Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ
теченью,

Не находилъ конца нравоученью.

Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному

Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:

Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по
пустому,

Гдѣ нужно власть употребить.

Огородникъ и философъ.

Весной въ своихъ грядкахъ таеъ
рылся огородникъ,

Какъ будто бы хотѣлъ онъ вы-
рыть кладъ:

Мужикъ ретивый былъ работ-
никъ,

И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ
полсотни грядъ.

Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ
охотникъ

До огородовъ и садовъ,

Великій краснобай, названный другъ
природы,

Недоученный философъ,

Который лишь изъ книгъ болталъ
про огороды;
Однако-жь, за своимъ онъ вздумалъ
самъ ходить,

И тоже огурцы садить;

А между тѣмъ, смѣялся такъ со-
сѣду:

„Сосѣдъ, какъ хочешь ты по-
тѣй,

А я съ работою моею

Далеко отъ тебя уѣду!

И огородъ твой при моемъ

Казаться будетъ пустыремъ.

Да, правду говорить, я и тому ди-
вился,

Что огородишко твой кое-какъ
идеть.

Какъ ты еще не разорился?

Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ
не учился?”

— „И некогда,—сосѣда былъ
отвѣтъ,—

„Прилежность, навѣкъ, руки:

Вотъ всё мои тутъ и науки;

Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ
даетъ“.

— „Невѣжа! возставать противъ
наукъ ты смѣешь!“

— „Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ
такъ криво словъ:

Коль ты что путное затѣешь,

Я перенять всегда готовъ.

А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта-тъ
намъ дожждаться...

Но, баринъ, не пора-ль за дѣло
приниматься?

Ужь я кой-что посѣялъ, поса-
дилъ,

А ты и грядъ еще не взрылъ“.

— „Да, я не взрылъ, за недо-
сугомъ;

Я все читалъ

И вычиталъ,

Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть,
сохой, иль плугомъ;

Но время еще не уйдетъ“.

— „Какъ васъ, а насъ оно не
очень ждетъ“,—

Послѣдній отвѣчалъ—и тутъ же съ
нимъ разстался,

Взявъ заступъ свой;

А философъ пошелъ домой,

Читалъ, выписывалъ, справ-
лялся,

И въ книгахъ рылся, и въ гряд-
дахъ,

Съ утра до вечера въ трудахъ.

Едва съ одной работой сладить,

Чуть на грядкахъ лишь что взой-
детъ:

Въ журналахъ новость онъ най-
детъ—

Все перероетъ, пересадитъ

На новый ладъ и образецъ.

Какой же вылился конецъ?

У огородника взошло все и поспѣло:

Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ
дѣло;

А философъ—

Безъ огурцовъ.

Муза и дорожные.

Въ юлѣ, въ самый зной, въ полу-
денную пору,

Сыпучими песками, въ гору,

Съ поклажей и съ семьей дво-
рянъ,

Четверкою рыдванъ

Тащился.

Кони измучились, и, кучеръ какъ
ни бился,

Пришло хотъ стать. Слѣзаетъ съ
козелъ онъ,

И, лошадей мучитель,

Съ лакеемъ въ два кнута тиранить
съ двухъ сторонъ;

А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колы-
маги вонъ

Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ,
учитель.

Но, зная, рыдванъ былъ плотно
нагруженъ,

Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тя-
нули..!

Случись тутъ мухъ быть. Какъ го-
рю не помочь?

Вступилась: ну жужжать во всю
мушину мочь;

Вокругъ повозки суетится:

То подъ носомъ юлитъ у корен-
ной,

То лобъ укуситъ пристяжной,

То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ
садится;

Или, оставя лошадей,

И вдоль, и поперекъ шныряетъ межъ
людей,—

Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ,
хлопчетъ,

И только плачется на то,

Что ей ни въ чемъ никто

Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ, плетутся
вслѣдъ шажкомъ,

И муха всѣмъ жужжить, что только
лишь опа

О всемъ заботится одна.

Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-
шагъ, понемногу

Встали на ровную дорогу.

„Ну! — муха говоритъ, — теперь
слава Богу!

Садитесь по мѣстамъ, и добрый
всѣмъ вамъ путь;

А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:

Меня насилу крылья но-
сятъ!“

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя при-
плестъ,

И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ со-
всѣмъ не просать.

Квартетъ.

Проказница-мартышка,

Осель,

Козель

Да косоланый Мишка

Затѣяли сыграть квартетъ.

Достали нотъ, баса, альты, двѣ
скрипки,

И сѣли на лужокъ подь липки
Плѣнять своимъ искусствомъ
свѣтъ.

Ударили въ смычки—деруть, а
толку нѣтъ.

„Стой, братцы, стой!“—кричитъ
мартышка,—погодите!

Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не
такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись
противъ альты,

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка на те-
та:

У насъ запляшутъ лѣсъ и
горы!“

Разсѣлись, начали квартетъ;

Онъ всетаки на ладъ нейдетъ.

„Постойте-жъ, я сыскалъ
секретъ,—

Кричитъ осель,—мы, вѣрно, ужъ
поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ“.

Послушались осла: усѣлись чинно
въ рядъ;

А всетаки квартетъ нейдетъ на
ладъ.

Вотъ, пуще прежняго, пошли у
нихъ разборы

И споры,

Кому и какъ сидѣть.

Случилось соловью на шумъ ихъ
прилетѣть,

Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье;

„Пожалуй,—говорятъ,—возьми на
часъ терпѣнье,

Чтобъ квартетъ въ порядокъ нашъ
привести:

И ноты есть у насъ, и инструмен-
ты есть;

Скажи лишь, какъ намъ
сѣсть!“

— „Чтобы музыкантомъ быть, такъ
надобно умѣнье

И уши вашихъ погнѣжь,

Имъ отвѣчаетъ соловей,—

А вы, друзья, какъ ни
садитесь,

Все въ музыканты не годи-
тесь“.

Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,

Бросая по долину тѣнь,

Листы на деревѣ съ зефирами
шептали,

Хвалились густотой, зеленостью
своей,

И вотъ какъ о себѣ зефирамъ
толковали:

„Не правда ли, что мы—краса до-
лины всей?

Что нами дерево такъ пышно и
кудряво,

Раскидисто и величаво?

Что-бъ было въ немъ безъ насъ?

Ну, право,

Хвалить себя мы можемъ безъ
грѣха!

Не мы ль отъ зноя пастуха

И странника въ тѣни прохладной
укрываемъ?

Не мы ль красотью своей

Плнать сюда пастушекъ при-
влекаемъ?

У насъ же раннею и поздною
зарей

Насвистываетъ соловей.

Да вы, зефиры, сами

Почти не разстаетесь съ
нами“.

—„Примолвить можно бы спасибо
тутъ и намъ“,

Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ
земли смиренно.

„Кто смѣетъ говорить столь наг-
ло и надменно?

Вы кто такіе тамъ,

Что дерзко такъ считается съ на-
ми стали?“

Листы, по дереву шума, залепе-
тали.

—„Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ тем-
нотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не
узнаете?

Мы—корни дерева, на коемъ вы
цвѣтете.

Красуйтесь въ добрый часъ!

Да только помните ту разницу
межъ насъ:

Что съ новою весной листъ новый
народится;

А если корень изсушится,—

Не станетъ дерева, ни васъ“.

Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ
продрался,

Что долго думать тутъ? Онъ за
иглу принялся:

По четверти обрѣзалъ рука-
вовъ—

И локти заплоталъ. Кафтанъ опять
готовъ;

Лишь на четверть голѣе руки
стали.

Да что до этого печали?

Однако-же смѣется Тришкѣ
всякъ.

А Тришка говоритъ: „такъ я же
не дуракъ,

И ту бѣду поправлю:

Длиннѣе прежняго я рукава на-
ставлю“.

О, Тришка малый непростой!

Обрѣзалъ фалды онъ и полы.

Наставилъ рукава, и весель Триш-
ка мой,

Хоть носить онъ кафтанъ
такой,

Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я,
иногда,

Иные господа,

Запутавши дѣла, ихъ попра-
вляють;

Посм отришь: въ Тришкиномъ каф-
танѣ щеголяютъ.

Конь и всадникъ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ
нашколилъ,

Что дѣлалъ изъ него все, что
изволилъ,

Не шевеля почти и поводовъ:

Конь слушался его лишь словъ.

„Такихъ коней и взнуздывать на-
прасно—

Хозяинъ нѣкогда сказалъ,—

Ну, право, вздумалъ я пре-
красно!“

И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня
онъ снялъ.

Почувствуя свободу,

Сначала конь прибавилъ толь-
ко ходу

Слегка,

И, вскинувъ голову, потряхивая
гривой,

Онъ выступкой пошелъ игри-
вой,

Какъ будто тѣша сѣдока.

Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа
некрѣпка,

Взялъ скоро волю конь ретивый:

Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся
взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ
болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Черезъ все широко поле.

Напрасно на него несчастный всад-
никъ мой

Дрожащею рукою
Узду накинута покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и
рвался,
И сбросилъ, наконецъ, съ себя его
долю;
А самъ, какъ бурный вихрь,
пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ совсѣхъ махнув-
ши ногъ,

До смерти не убился.
Тутъ въ горести сѣдокъ,
„Мой бѣдный конь!—сказалъ,—я
сталъ виною
Твоей бѣды!

Когда бы я не снялъ съ тебя
узды,—
Управилъ бы, навѣрно, я тобою:
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертию бѣ самъ столь жалкой
не погибъ!“

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дапа.

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай“.
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло“.
— „Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сва-
рена!“
— „Я три тарелки съѣлъ“.—„И,
полно, что за счеты,
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна,
Какъ будто янтарею подернулась
она.

Потѣшь же, миленькій дружо-
чекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стер-
ляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся,
жена!“

Такъ потчевалъ сосѣдь-Демьянъ со-
сѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни
сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился гра-
домъ потъ.

Однако-же еще тарелку онъ бе-
ретъ,
Сбирается съ послѣдней силою
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я
люблю!—

Вскричалъ Демьянъ, — зато ужъ
чванныхъ не терплю.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой
милый!“

Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды
такой,

Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни
ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ
прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не
умѣешь

И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣ будутъ всѣмъ демьяновой
ухи!

Водозабы.

Какой-то древній царь впалъ въ
страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы,
отъ наукъ?

Не расслабляетъ ли сердце и
рукъ

Ученье?

И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства
вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой
украшая тронъ,

Душою всей радѣль своихъ наро-
довъ счастью,

И для того

Не дѣлалъ ничего

Поприхоти, или попристрастью—

То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть сло-
гомъ некудрявымъ,

Но съ толкомъ лишь согласно
здравымъ,

Свое представилъ: „да“ или
„нѣтъ“;

То-есть: ученымъ вонъ изъ царства
убираться,

Или попрежнему въ томъ царствѣ
оставаться?

Однакожь, какъ совѣтъ ни тол-
коваль—

Кто самъ свой голосъ подавалъ,

Кто голосъ подавалъ работы секре-
тарской—

Всякъ только дѣло затемнялъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ
царскій.

Кто говорилъ, что неученье—тъма;

Что не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара постигать вещей небес-
ныхъ,

Когда бы Онъ хотѣлъ,

Чтобъ человекъ не болѣ разумѣлъ

Животныхъ безсловесныхъ,

И что, согласно съ цѣлью сей,

Ученье къ счастью ведетъ людей.

Другіе утверждали,

Что люди отъ наукъ лишь только
хуже стали,

Что все ученье бредъ,

Что отъ него лишь нравамъ
вредъ,

И что за просвѣщенемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства
пали.

Короче: съ обѣихъ сторонъ,

И дѣло выводя, и вздоры,

Бумаги исписали горы,

А о наукахъ споръ остался нерѣ-
шень.

Царь сдѣлалъ болѣе: созвавъ отъ
всюду онъ

Разумниковъ, изъ нихъ установилъ
собранье

И о наукахъ споръ имъ предложилъ
на судъ;

Но способъ былъ и этотъ худъ,

Затѣмъ, что царь имъ далъ боль-
шое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой
разладъ

Для нихъ былъ настоящій кладъ;

И если бы имъ волю дали,

Они бь донинѣ толковали,

Да жалованье брали.

Но такъ какъ царь казною не
шутить,

То онъ, примѣтя то, ихъ скоро
распустилъ.

Межь тѣмъ, часъ-отъ-часу, впадалъ
въ сомнѣнье болѣ.

Вотъ, какъ-то вышелъ онъ, сей
мыслью занять, въ поле,

И видитъ предъ собой

Пустынника съ сѣдою бородой

И съ книгою въ рукахъ большой.

Пустынникъ важный взоръ имѣлъ,
но негрюмный:

Привѣтливость и доброта

Улыбкою его украсили уста,

А на челѣ слѣды глубокой видны
думы.

Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ
въ разговоръ,

И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ

важный споръ:

Науки болѣе ль полезны, или вредны?

„Царь!— старецъ отвѣчалъ, — поз-
воль, чтобы предъ тобой

Открылъ я притчею простою,

Что размышленья мнѣ внушили мно-
голтны“.

И, съ мыслями собравшись, на-
чалъ такъ:

„На берегу, близъ моря,

Жилъ въ Индіи рыбаекъ;

Проведши долгій вѣкъ и бѣдности,
и горя,

Онъ умеръ и троихъ оставилъ
сыновей;

Но дѣти, видя,

Что съ нуждою они кормились отъ
сѣтей,

И, ремесло отцовско ненавидя,

Братъ данъ богатѣ задумали съ
морей

Не рыбой—жемчугами;

И, зная плавать и нырять,

Ту подать доправлять

Пустились сами.

Однакожь былъ успѣхъ различенъ
всѣхъ троицъ!

Одинъ, лѣнивѣ другихъ,
Всегда по берегу скитался,
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мо-
чить своихъ,

И жемчугу того лишь дожидался,
Что выбросить къ нему волной;
А съ лѣнностью такой
Едва-едва питался.

Другой,
Трудовъ нимаю не жалѣя
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырять искать
по дну:

И жилъ, всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокрови-
щамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
Хоть жемчугъ находить близъ бе-
рега и можно,
Но, вѣжется, какихъ сокровищъ
ждать не должно,

Когда бы удалось мнѣ
Достать морское дно на самой глу-
бинѣ?

Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ
несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней само-
цвѣтныхъ,

Которыхъ стоитъ лишь достать—
И взять.

Сей мыслию плѣняясь, безумцемъ
вскорѣ

Въ открытое пустился море.
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глу-
бина,

Въ пучину винулся; но поглощен-
ный ею,

За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.

О царь!—примолвилъ тутъ муд-
рецъ,—

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ
благъ причину,

Но дерзкій умъ находить въ немъ
пучину

И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,

Что часто въ гибель онъ другихъ
влечетъ съ собою*.

Сочинитель и разбойникъ

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судьей,
Въ одинъ и тотъ же часъ: гра-
битель

(Онъ по большимъ дорогамъ раз-
бивалъ

И въ петлю, наконецъ, по-
палъ);

Другой былъ славою покрытый со-
чинитель:

Онъ тонкій разливалъ въ своихъ
твореньяхъ ядъ,

Вселялъ безвѣріе, укоренялъ раз-
вратъ,

Былъ, какъ сирена, сладкогла-
сень,

И, какъ сирена, былъ опасень.

Въ аду обрядъ судебный скорѣ;
Нѣтъ проволочекъ бесполезныхъ:

Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣняхъ

Желѣзныхъ

Повѣшены большихъ чугунныхъ два
котла:

Въ нихъ виноватыхъ расса-
дили.

Дровъ подъ разбойника большой
костеръ взвалили;

Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пла-
мень,

Что трескаться сталь въ сводахъ
адскій камень.

Судъ къ сочинителю, казалось, былъ
нестрогъ:

Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся
огонекъ;

Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе
разгорался.

Вотъ вѣки протекли, огонь не уни-
мался.

Ужъ подъ разбойникомъ давно ко-
стерь погасъ;

Подъ сочинителемъ онъ злѣй съ
часу-на-часъ.

Не видя облегченья,
Писатель, наконецъ, кричитъ среди

мученья,
Что справедливости въ богахъ ни-
мало нѣтъ;

Что славою онъ наполнилъ
свѣтъ

И ежели писалъ немножко
вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ
больно,
Что онъ не думалъ быть разбойника
грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей
красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ
змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася
одна.

„Несчастный!—говоритъ она,—
Ты ль Провидѣнью пеняешь?
И ты ль съ разбойникомъ себя
равняешь?

Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;

А ты... уже твои давно истлѣли
кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило
бѣдъ.

Твоихъ твореній ядъ не только не
слабѣетъ,
Но, разливаясь, вѣкъ-отъ-вѣку лю-
тѣетъ.

Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она
дала),

Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отрав-
лены?—Тобою.

Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія
мечты,

Супружество, начальства, вла-
сти,

Имъ причиталъ въ вину людскія
всѣ напасти,
И связи общества рвался расторг-
нуть?—Ты!

Не ты ли величалъ „безвѣрье“ „про-
свѣщенъемъ“?

Не ты ль въ приманчивый, въ пре-
лестный видъ облекъ

И страсти, и пороки?

И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна

Полна

Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови
ты—виной.

И смѣлъ ты на боговъ хулой во-
оружиться?

А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ
зол!

Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ
и казни мѣра!“

Сказала гнѣвная Мегера—
И крышкою захлопнула котель.

Крестянинъ и змѣя.

Когда почтенъ быть хочешь у
людей,—
Съ разборомъ заводи знакомства и
друзей!

Мужикъ съ змѣею подружился.

Извѣстно, что змѣя умна:

Такъ вкралась къ мужику она,
Что ею только онъ и клялся, и
божился.

Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе прияте-
ли, родня,

Ни къ нему ногой не побываетъ.

„Помилуйте, — мужикъ пе-
няетъ, —

За чтò вы всѣ покинули меня?

Иль угостить жена васъ не умѣ-
ла?

Или хлѣбъ-соль моя вамъ надо-
бла?“

— „Нѣтъ, — кумъ Матвѣй сказаль
ему въ отвѣтъ, —

Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ,¹

И никогда ты насъ [объ этомъ
слова нѣтъ]

Не огорчилъ ничѣмъ, не опеча-
лилъ:

Но чтò за радость, разсуди,

Коль сидя у тебя, того лишь и
гляди,

Чтобы твой другъ кого, подползши,
не ужалилъ?“

Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѡаддей!“—Здорово,
кумъ Егоръ!“

— „Ну, какво, прїатель, пожива-
ешь?“

— „Охъ, кумъ, бѣды моей, что ви-
жу, ты не знаешь!

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до
тла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ
поръ“.

— „Какъ такъ? Плохая, кумъ,
игрушка!“

— „Да такъ! О Рождествѣ была у
насъ пирушка;

Я со свѣчой пошелъ дать корму
лошадямъ:

Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся

самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну, ты какъ?“—„Охъ, Ѡаддей,
худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знать,
Богъ:

Ты видишь—я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю,
право, дивомъ.

Я тожъ о Рождествѣ пошелъ въ
ледникъ за пивомъ,

И тоже черезчуръ, признаться, я
хлебнулъ

Съ друзьями полугару;

А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать
мнѣ пожару,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;

Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ
съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-
человѣка,

И вотъ я съ той поры калѣка“.

— „Пеняйте на себя, друзья!—
Сказалъ имъ свать Степанъ,—

коль молвить правду,

Совсѣмъ не чту за чудо я,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты

на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчою худо,

Да врядъ не хуже-ль и впоть-
махъ“.

Прихожанинъ.

Есть люди: будь лишь имъ прїа-
тель,

То первый ты у нихъ и геній, и
писатель;

Зато уже другой,

Какъ хочешь, сладко пой,

Не только, чтобъ отъ нихъ пох-
валъ себѣ дожидаться,—

Въ немъ красоты они и чувство-
вать боятся.

Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немно-
го досажу,

Но, вмѣсто басни, былъ на это
имъ скажу.

Во храмѣ проповѣдникъ

(Опъ въ краснорѣчїи Платона
былъ наслѣдникъ)

Прихожанъ поучалъ на добрыя
дѣла,

Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ
устъ его текла.

Въ ней правда чистая, казалось,
безъ искусства,

Какъ цѣнью золотой,

Возьменя къ небесамъ всѣ помис-
лы и чувства,

Сей обличала міръ, исполненный
тщетой.

Душъ пастыръ кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ и, до

небесъ

Восхищенный, въ сердечномъ
умиленьѣ

Не чувствовалъ своихъ текущихъ
слезъ.

Когда жъ изъ Божьяго міряне вы-
шли дому,

„Какой прїятный даръ,—

Изъ слушателей тутъ сказаль
одинъ другому,—

Какая сладость, жаръ!

Какъ сильно онъ влечетъ къ доб-
ру сердца народа!

А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая
природа,

Что на тебѣ слезинки не видать?

Иль ты не понималъ?“—„Ну, какъ
не понимать!

Да плакать мнѣ какая стать:

Вѣдь я не здѣшняго прихода“.

Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню
ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ
промышляли;

Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину
держали.

А такъ какъ мужичекъ не любить
тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости
наши.

Въ деревнѣ что за разносоль:
Поставили пустыхъ имъ чашку
щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось,
каши.

Не то бы въ Питерѣ, да не о
томъ ужъ рѣчь:

Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.

Вотъ мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились,

Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй
изъ нихъ,

Увида, что всего немного для тро-
ихъ,

Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ по-
равить

(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ на-
до полукавить).

„Ребята,—говорить, — вы знаете
Ому?”

Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ
лобъ ему“.

— „Какой наборъ?“— „Да такъ!

Есть слухъ—война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань

съ китайцевъ чаемъ“.

Тутъ двое принялись судить и раз-
суждать

(Они же грамотѣ, къ несчастью,
знали:

Газеты и подчасъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.

Пустились мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;

А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,

Да войска разводили, онъ ни-
гу-гу—и щи, и кашу, все
пріѣлъ.

Иному до чего нѣтъ дѣла,

О томъ толкуеть онъ охотнѣе все-
го:

Что будетъ съ Индией, когда и
отчего,

Такъ ясно для него;

А поглядишь—у самого

Деревня между глазъ сгорѣла.

Пестрыя овцы.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не
трудно;

Но это было-бы не правосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ
вѣнецъ,

Чтобъ подданныхъ душить, но имъ
давать расправу;

А видѣтъ пеструю овцу терпѣнья
нѣтъ!

Какъ сбыть ихъ и свою сберечь
на свѣтѣ славу?

И вотъ къ себѣ зоветъ

Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,,

И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ вся-
кій разъ

Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ
лишиться глазъ,

И, какъ такой бѣдѣ помочь, со-
всѣмъ не знаетъ.

„Всесильный левъ!“—сказалъ, на-
супившись, медвѣдь,—

На что тутъ много разго-
воровъ?

Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. Кому о нихъ
жалѣть?“

Лиса, увидѣвши, что левъ нахму-
рилъ брови,

Смиренно говоритъ: „О, царь! нашъ
добрый царь!

Ты, вѣрно, запретишь гнать эту
бѣдну тварь

И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произ-
нести:

Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ-бъ былъ обильный кормъ для
матокъ

И гдѣ бы поскакать, побѣгать для
ягнятковъ;

А такъ какъ въ пастухахъ у насъ
здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ
пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собою пере-
ведется.
А между тѣмъ пускай блажен-
ствуютъ онѣ;
И что-бъ ни сдѣлалось, ты будешь
въ сторонѣ“.

Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу
взяло
И такъ удачно въ ходъ пошло,
что, наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ
овецъ—
И гладкихъ стало мало.
Какіе-жъ у звѣрей пошли на это
толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все
злѣдѣи-волки!

А. Измайловъ.

Коть и крысы.

У одного купца котъ очень раз-
жирѣлъ.
И какъ не разжирѣть? Лишь толь-
ко спалъ, да ѣлъ,
А на мышей и крысъ совсѣмъ и
не глядѣлъ.
За то онѣ его нисколько не боялись:
По милости его, владѣя черда-
комъ,
Неблагодарныя надъ нимъ еще
смѣялись,
И Ваську смирнаго считали дура-
комъ.
Однажды этотъ котъ, покушавши
плотненько,
Пошелъ къ нимъ на чердакъ,
чтобъ отдохнуть маленько;
Свернулся на полу клубкомъ,
И что жъ? проклятыя вѣдь не да-
ли покою!
Такую подняли возню между
собою,
Что ноль отъ нихъ дрожалъ;
Но котъ смиренхонько лежалъ.
Подумали онѣ, что Васька ихъ
боится;
Стучать, шумить, бранить и ко-
шекъ и котовъ,
А онъ не шевелится,
Не слышитъ, кажется, ихъ словъ.
Вдругъ крыса бойкая съ престраш-
ными усами,
Съ предлиннымъ, въ пять верш-
ковъ, хвостомъ,
Кричить:—„Да сдѣлаемъ одинъ
конецъ съ котомъ!

Сѣдимъ-ка мы его: увидите вы
сами,
Что очень вкусенъ онъ;
Смотрите, какъ жиренъ!
Вотъ и обѣдъ готовъ. Чего же
дожидаться?
Ну! ну! за дѣло приниматься!
Которая изъ насъ храбрѣй,
Та носъ ему откусить;
За мной, за мной скорѣй,
Ступайте, кто не труситъ“.
Сказала и летитъ впередъ къ ко-
ту стрѣлой.
За ней всѣ кинулись въ атаку.
Что жъ сдѣлалъ бѣдный Васька
мой?
Вступить рѣшился въ драку:
Вскочивши на ноги, согнулся весь
дугой;
Шерсть поднялась на немъ, онъ
засверкалъ глазами,
И началъ работать когтями и зу-
бами,—
Колонну цѣлую единымъ мигомъ
смялъ.
Смѣшались крысы, побѣжали,
Иныя же просить себѣ пощады
стали;
Но котъ въ сердцахъ никакъ пар-
дона не давалъ,
И въ кучу всѣхъ покладъ.
—
Шути, да только осторожно;
Не то въ бѣду попасться можно.
Иной дѣйствительно смиренъ
И сносить долго оскорбленья;

Но если выведутъ его ужъ изъ
терпѣнья,
То наглецовъ проучить онъ.

Д в а р а к а .

„Все пятится назадъ! Куда какой
дуракъ!
Журиль такъ сына старый ракъ,
Впередъ ступай, впередъ! Не то я
драться стану!“
— Да покажите мнѣ вы, батюшка,
хоть разъ,
Какъ надобно ходить: я перейму
у васъ;
Извольте вы впередъ, а я ужъ не
отстану.

Слугу за пьянство баринъ бьетъ,
Но не уймасть,—
А отчего?—Самъ баринъ пьетъ.

Два крестьянина и облако.

— Смотри-ка, братъ Антонъ!
Сосѣду говорить крестьянинъ Ага-
фонъ,
А самъ весь поблѣднѣлъ и, такъ
какъ листъ, трясется,
Смотри-ка, туча въ намъ несется!“
— Такъ что-жь?—„Какъ что? да
градъ пойдетъ,
И хлѣбъ у насъ побьетъ;
Все пропадетъ,
Озимое и яровое;
Голодный будетъ годъ, а тамъ
гляди и морь!...“
— Пустое, братъ сосѣдъ, пустое!
Какой несешь ты вздоръ!
Не градъ, а дождь пойдетъ: давно
къ дождю вѣдь парить...
Вотъ каплетъ, кажется. Ужъ то-то
хлѣбъ поправитъ!
Мы уберемъ его и много продадимъ,
Да браги наваримъ:
Гулай и пей уже зимою!
Пусть дождь идетъ, я очень радъ.
„Ну посмотри, посылетъ градъ“.
— Нѣтъ, дождь пойдетъ.
„Градъ“.
— Дождь, не спорь же ты со мною.
„Да что и спорить съ дуракомъ?“

Антонъ за это хватъ сосѣда кула-
комъ;
Тотъ въ ухо хватъ его, и драка
началася.
Ни градъ, ни дождь еще неидетъ,
А кровь изъ обоеихъ ужъ льетъ.
Межь-тѣмъ прочистилось, и туча
пронеслася.

Кошки въ погребѣ.

„Ну, Власычъ, что тебѣ скажу;—
Купчиха толстая такъ мужу гово-
рила,—
Сегодня въ погребъ я лишь двери
отворила,

Анъ, погляжу—
Двѣ крысы у меня большія подъ
ногами,
Съ предлинными хвостами.
Я такъ и обмерла!..
Горшковъ со сливками ужъ на боку
нашла.

Житья отъ крысъ не стало!
Что бъ мышеловку намъ купить?“
— Вотъ! деньги по-пусту платить!
Да развѣ въ домѣ кошекъ мало?
Возьми, Кузьминишна, всѣхъ ко-
шекъ и котятъ;
Запри на погребъ ихъ: пускай
тамъ крысы ѣдятъ.
Исполнила жена сожителя велѣнье,
И кошки посланы на погребъ въ
заточенье.
На утро къ узникамъ Кузьминиш-
на идетъ,
И что же въ погребѣ ея взоръ
поражаетъ?
Изъ кринки Машка сливки пьетъ,
А Васька мяса часть сырого уби-
раетъ.
Котята полотки, дичину тормо-
шатъ;
Горшки и кадочки всѣ на боку
лежатъ.
„Ахъ, вы проклятыя!—хозяйка за-
кричала,
Постойте! вотъ я васъ!“
Рука со связкою ключей у ней дро-
жала,
Взмахнула ею,—вмигъ исчезли всѣ
изъ глазъ,

А бѣдная на ледь всей тушею упала,
Да такъ, что съ полчаса не встала.

Вотъ жалобу она хозяину творить!
На кошкекъ требуетъ управы.
Подумавъ, Власичъ ей на это говоритъ:

„И кошки, да и мы не правы.
Оставимъ въ погребѣ ужъ Ваську
одного;

Одинъ онъ столько не наблудить;
А если станешь ты всегда кормить
его,

Тогда и воровать, авось, совсѣмъ
не будетъ“.

Священникъ и крестьянинъ.

Пришелъ къ священнику крестьянинъ
Парамонъ

И, сдѣлавъ передъ нимъ чуть не
земной поклонъ,
Такъ говорилъ ему со вздохомъ и
слезами:

„Помилуй, батюшка, что дѣлать
мнѣ съ чертами?

Изъ дому выживаютъ вонь.“
— Перекрестися, Парамонъ!—

„Да я уже и такъ крестился,
Молитву съ вечера творилъ,
А домовой меня давилъ;
Всю ночь съ проклятымъ про-
возился.

Послушай-ка: лежу вечеръ я на
спинѣ,

Гляжу,—анъ чортъ на мнѣ
Лежитъ, какъ-будто кулъ съ мукою
Иль съ солью, такъ тяжелъ! Ей-ей,
тебѣ не лгу.

И что жъ?ношевелить рукою,
Ни слова вымолвить я не могу ни-
какъ.

Ужъ какъ-то я поворотился,
Такъ онъ съ меня свалился.
Ты въ семинаріи, отецъ Иванъ,
учился,

Пожалуй, одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь-ли зелья мнѣ какова
Иль корешковъ отъ домовова?
А я тебѣ за то пшеницы четве-
рикъ“.

— Я думалъ, Парамонъ, что умный
ты мужикъ,

А вздоръ какой ты мелишь!—
„Неужли, батюшка, мнѣ ты не
вѣришь?

Ну, право, домовой давилъ меня,
давилъ!

Спроси хоть бабушку Пахомовну
Ненилу.

Еще онъ не взлюбилъ
Саврасую мою кобылу.

Пришелъ я утромъ въ хлѣвъ: подъ
яслими лежить

Сердечная въ поту и такъ, какъ
листь, дрожить!

Изъѣздилъ бѣдную! ужъ диво!..“
— Не дивися;

Впередъ не на спину, а на бокъ
спать ложися,

Отъ крови сдѣлалось тебѣ такъ
тяжело;

Какъ навзничъ ты лежалъ, она
остановилась.—

„А какъ кобылу-то подъ ясли за-
несло?

Небось, сама туда забилась?“

— Конечно.— „Отчего?“

— Да оттого,
Что муха укусила...—

„Неправда! а нечиста сила...“
— Да нѣтъ на свѣтѣ домовыхъ.—

„Какъ нѣтъ? Не видывалъ ты ихъ;
А я, хотя впотьмахъ, да видѣлъ
домового:

Какъ уголь черенъ весь! собой
здоровъ, рысокъ!

Плечами же вельми широкъ...“

— Пожалуй, не грѣши и не мели
пустого.—

„Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ
очамъ,

А вѣрь твоимъ рѣчамъ?

Какой ты попъ! да ты совсѣмъ не
христианинъ,

Къ тебѣ я на духъ не пойду!“
И, разсердившись, ушелъ домой

крестьянинъ.

Отецъ Иванъ попалъ въ бѣду:
Везбожникомъ въ селѣ его прозвали;
Иные же ходить и въ церковь
перестали.

И менѣ чѣмъ черезъ годъ
Онъ перешелъ въ другой приходъ.

Упрямыхъ, глухихъ суевѣровъ
Ничѣмъ не можно убѣдить;
Опасно даже имъ и правду гово-
рять.
Довольно есть тому въ исторіи
примѣровъ.

Дуракъ Филатка.

У Толстосумова дуракъ Филатка
былъ.

Не видываль еще я дурака такого.
Глуше барина! И баринъ, какъ
родного,

Филатку дурака любилъ,
Поилъ его виномъ и всюду бралъ
съ собою;

Филатка все въ деревнѣ жилъ.
Вотъ какъ-то господинъ поѣхалъ
съ нимъ водою

Изъ Нижняго въ Казань. Филатъ
тому былъ радъ:

На все зѣваль, всему дивился;
Однако, ничему въ путине научился.
Пріѣхали назадъ.

Чортъ дернулъ ключницу Маланью
О путешествіи спросить у дурака.
„Деревня наша велика,

А не сравняется ни съ Нижнимъ,
ни съ Казанью,—
Филатка говоритъ,—церквей, кре-
стовъ

Тебѣ не сосчитать, не только что
домовъ!“

— Ну, что жъ, тамъ хорошо?— „И
вѣдомо, не худо.

А вотъ на Волгѣ я, скажу, ужъ
видѣлъ чудо!“

— Какое!— „Знаешь-ли? бѣжимъ на
парусахъ,

И дома-то на берегахъ,
Деревья всѣ бѣгутъ. Мы къ бере-
гу пристали;

Они, какъ вкрпанные, стали.
Опять поѣхали, опять бѣгутъ,
бѣгутъ!“

— Прямой, Филатъ, ты шутъ!
Тебѣ казалось такъ, а дома-то
стояли.—

„Э, нѣтъ, Маланьюшка, бѣжали!“
— По-твоему! да ты вѣдь, правда,
безъ ума!—

„Такъ дура ты сама!

Я говорю тебѣ, коль хочешь, по-
божуся:

Бѣжали дома всѣ назадъ“.

— Ну, полно врать, Филатъ!—
„Смотри, Маланья, я съ тобою не
сбѣюся.

Не вѣришь что-ли?“—Нѣтъ.—
„Бѣжали!“

— Какъ не такъ!—
„Повѣрь же, говорю“.—Да развѣ я
взбѣсилась?—

Филатъ, чтобъ убѣдить, покрѣпче
сжалъ кулакъ,

Занесъ, и ключница во всемъ съ
нимъ согласилась.

Я спорить съ умными люблю;
Отъ споровъ съ ними я учуся;
Но спорить съ глупыми боюсь
И имъ всегда охотно уступлю.

Встрѣча двухъ подругъ.

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.

„Ахъ!
Прасковья Марковна! Вы ль это?“

— Я, Анна Дмитревна, вотъ ны-
нѣшнее лѣто

Изъ Твери приплыла.—„Ахъ, Боже
мой! лѣтъ пять

Мы съ вами не видались.
Привелъ же Богъ увидѣться опять!“

(Тутъ три раза онѣ поцѣловались).
„Какъ рада я!.. Но какъ перемѣ-
нились вы!

Ужасно похудѣли!..

— И вы не очень подобрѣли!—
„Конечно, замужемъ?“—Увы!

Четвертый годъ...—„А кто супругъ
вашъ?“—Крючковорецъ,

Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но
страхъ какъ скупъ,

Ревнивъ!..—„А у меня и старъ и
глупъ

И къ этому же стихотворецъ!
— Я взаперти живу, не вижу и
людей;

Взгляну-ль въ окно,—и онъ шумитъ,
кричитъ, ругаетъ...—

„А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи чи-
таетъ!“

— Скажу вамъ; мужъ мой вѣдь
вдовець;
Онъ былъ женатъ, не знаетъ-ль? на
Ленской,—
И уморилъ ее!— „А мой-то моло-
децъ
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ
Смоленской.
Представьте: первая сошла совсѣмъ
съ ума;
Въ чаотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю, право, и сама,
Отъ виршей чувствую тоску та-
кую...“
— Смотрите! вслѣдъ за мной рев-
нивецъ мой бѣжить...
„Ахъ, Боже мой! и со стихами!“
Ревнивецъ прибѣжалъ. „Парашень-
ка, другъ мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, по-
ра домой!
Что жъ стала?“— Не браните:
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ под-
ругою моею;
Пять лѣтъ мы не видались съ
ней,
А вмѣстѣ выросли...— „Какъ радъ
я!.. Извините...
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же часовъ уже шесть...“
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши,
Риемачь сѣдой и сумасшедшій)
Анюта, знаешь ли? Тебѣ я на-
писалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай...— „Батюшка, да посты-
дись народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ по-
говорить.“
— А смѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца,
Ей Богу, нѣтъ такой! Войдемте въ
эту лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей
пять въ прибавку.—
Сказалъ и за воротъ совѣтника
схватилъ;
А тотъ хоть изумился,
Но за руку жену съ собою пота-
щилъ.
Народъ предъ лавкою столпился,

И по гостиному двору прохода
нѣтъ.
Безсовѣстный поэтъ,
Что силы есть, стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ,
Сидѣлецъ головой качаетъ,—
Онъ ничего не примѣчаетъ,
А все читаетъ да читаетъ
И отъ себя ревнивица не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напоследокъ закричалъ:
Ой, караулъ!—и побѣжалъ,
Риемачь за нимъ—кричить: „дер-
жи! держите!
Я притчей не читалъ еще, а вы
бѣжите!“
И оба скрылись изъ глазъ.
„Ну, матушка, такихъ проказъ.
(Прасковья Марковна сказала),
Признаться, я не ожидала.
Мой Петръ Кондратьевичъ ревнивъ,
Взыскателенъ, сварливъ:
Но все сноснаѣй, чѣмъ вашъ мучи-
тель“.
—
Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать друзьямъ свои
стихотворенья;
А бѣдная моя жена—
Пошли ей, Господи, терпѣнья!
Хотя не хочетъ, но должна
Сидѣть и слушать, какъ читаютъ
басни, сказки,—
Молчить голубушка и только шу-
рить глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякій
метроманъ
Жены своей тирапъ.
—
Стрѣлки.
„Что у тебя, братъ, глазъ завя-
заны?“
— За шалость я свою наказанъ.—
„Какъ?“—Отличиться захотѣлъ
И окривѣлъ.—
„Какимъ же образомъ?“—Стрѣ-
лялся,
Да вотъ безъ глаза и остался.—

„Съ кѣмъ?“—Съ Джономъ Портеромъ.—„О, знаю молодца! Не тратить попусту свинца“.— Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю! Я въ десяти шагахъ въ мухъ пулей попадаю. Прицѣлился ему прямехондо я въ лобъ!..—

Хлопъ!..—
„Убилъ его? Онъ повалился?“
— Нѣтъ, милой, нѣтъ:
Вдругъ разорвало пистолеть...
Вотъ грѣхъ какой случился!
А онъ и радъ тому, спустилъ курокъ тотчасъ
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.
Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ три четверти аршина
Былъ пистолеть его! Вѣдь экая машина!

И пистолеть притомъ какой?
Отмѣнный! Въ Англии сто фунтовъ стоитъ пара,
А у меня дрянный такой,
И тотъ взялъ, знаешь ли, у казака Макара,
Который изъ него лѣтъ восемь не стрѣлялъ,
Не чистилъ, въ сырости держалъ;
А вычистить его я самъ не догадался.
Теперь мнѣ пистолеть чудеснѣйшій попался,
Звалъ Джона я опять; но нѣтъ, плутъ отказался,
Не знаю, какъ отмстить. Скажи, братъ, научи,
Что дѣлать мнѣ теперь?—„Что дѣлать?.. Глазъ лѣчи, Да и, пожалуйста, молчи“.

Грибоѣдовъ.

Горе отъ ума.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.
[Фамусовъ застаётъ рано утромъ Молчалина въ обществѣ Софьи].

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья!
что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свель?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки.

Фамусовъ.

Другъ! нельзя ли для прогулокъ

Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—

Съ мужчиной, съ молодымъ! Заняты для дѣвицы!

Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,

Откуда моды въ намъ, и алторы, и музы,

Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавить насъ Творецъ

Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,

И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится голова...

Я отъ испуга духъ перевожу едва.

Изволили вбѣжать вы такъ про-
ворно,—

Смѣшалась я...

Ф А М У С О В Ъ .

Благодарю покорно:

Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я испугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроены самъ:
день цѣлый

Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно
угорѣлый;

По должности, по службѣ хло-
потня,

Тотъ пристааетъ, другой, всѣмъ дѣло
до меня!

Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ,
чтобъ былъ обмануть?

с о ф ѣ я (сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

Ф А М У С О В Ъ .

Вотъ попрекать мнѣ стануть,

Что безъ толку всегда журю!

Не плачь: я дѣло говорю.

Ужь объ твоёмъ ли не радѣли

Объ воспитаньи съ колыбели!

Мать умерла—умѣлъ я принанять

Въ мадамъ Розье вторую мать;

Старушку - золото въ надзоръ къ
тебѣ приставилъ;

Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ
правиль.

Одно не къ чести служить ей:

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ
рублей

Сманить себя другими допустила.

Да не въ мадамѣ сила:

Не надобно иного образца,

Когда въ глазахъ примѣръ
отца.

Смотри ты на меня: не хвастаюсь
сложеньемъ,

Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ
до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я госпо-
динъ...

Монашескимъ извѣстенъ пове-
деньемъ!..

Л И З А .

Осмѣлюсь я, сударь...

Ф А М У С О В Ъ .

Молчать!

Ужасный вѣтъ! Не знаешь, что
начать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери!.. Да сами добряки—

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ и въ домъ,
и по билетамъ,

Чтобъ нашихъ дочерей всему учить,
всему:

И танцамъ, и пѣнью, и нѣжно-
стямъ, и вздохамъ,

Какъ будто въ жены ихъ готовимъ
скоморохамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, су-
дарь, къ чему?

Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ
мое семейство,

Даль чинъ ассессора и взялъ въ се-
кретари;

Въ Москву переведенъ черезъ мое
содѣйство,

И будь не я, коптѣль бы ты въ
Твери.

[Молчалинъ докладываетъ, что онъ
шелъ къ Фамусову съ бумагами].

Ф А М У С О В Ъ .

Да, ихъ недоставало!

Помилуйте, что это вдругъ при-
пало

Усердье къ письменнымъ дѣ-
ламъ?

(Встаетъ).

Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, а наяву

страннѣе:

Искала ты себѣ травы,

На друга набрела скорѣе...

Повыкинъ вздоръ изъ головы!

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

Поди-ка, лягъ, усни опять.

(Молчалину).

Идемъ бумаги разбирать.

М О Л Ч А Л И Н Ъ .

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ

справокъ, а въ иныхъ

Противорѣчья есть, и многое не
дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, сударь, я одного смертель-
но,
Чтобъ множество не накопилось
ихъ;
Дай волю вамъ,—оно бы засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ две-
ряхъ пропускаетъ его впередъ).

Явленіе V.

СОФЬЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ
и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до
смѣха:
Въ глазахъ темно, и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

СОФЬЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ
и судить,
Да батюшка задуматься прину-
дить:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скорь.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-съ не по рассказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со
мною,
А то, помилуй Богъ, какъ ра-
зомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора
долой.

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье свое-
правно!
Бываетъ хуже,—съ рукъ сой-
детъ;
Когда-жъ печальное ничто на умъ
нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло
такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни беспокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго
сужденья
Не жалуете никогда,
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ
этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка
таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами
да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между
нами;
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ позить, чтобъ могъ
давать онъ балы;
Вотъ, напимѣрь, полковникъ
Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ
генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ
страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ
роду.
Мнѣ все равно, что за него, что
въ воду!

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчисть, а
больно не хитерь.
Но будь военный, будь онъ
статскій,
Кто такъ чувствителенъ и веселъ,
и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ
Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ сму-
тить—
Давно прошло, не воротить—
А помнится...

СОФЬЯ.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ—мнѣ за-
бавно:
Дѣлать со всякимъ можно
смѣхъ.

ЛИЗА.

И только, будто бы? Слезами обли-
вался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ ва-
ми разставался.
„Что, сударь, плачете? живите-ка
смѣясь“.
А онъ въ отвѣтъ: „Недаромъ,
Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найдя, воротясь,
И сколько, можетъ быть, утра-
чу!“
Бѣдняжка, будто зналъ, что года
черезъ три...

СОФЬЯ.

Послушай, вольности ты лишней не
бери:
Я очень вѣтрено, быть можетъ, по-
ступила,
И знаю, и винюсь, но гдѣ же из-
мѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью
могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы вос-
питаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каж-
дый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой, но
потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему ка-
залось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять привинулся влюб-
леннымъ,
Взыскательнымъ и огорчен-
нымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счаст-
ливъ—
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на
него...
Ахъ, если любить его кого,
Зачѣмъ ума исеять и ѣздить такъ
далеко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лѣчился, говорятъ, на бислыхъ онъ
водахъ,
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—
то вѣрнѣе!

СОФЬЯ.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди
посмѣшише.
Кого люблю я—не таковъ:
Молчаливъ за другихъ себя забыть
готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво,
несмѣло...
Ночь цѣлую съ еѣмъ можно такъ
провести?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ по-
бѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

ЛИЗА.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

СОФЬЯ.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу
жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго,—итакъ вся ночь
проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня
не сводить.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ
подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ
теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у
ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не сумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дня посѣдѣла.

(Продолжаетъ хохотать).

СОФЬЯ (съ огорченіемъ).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ за-
говарять.

ЛИЗА.

Простите: право, какъ Богъ
святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ ду-
рацкій
Васъ нѣсколько развеселить по-
могъ.

Явленіе VI.

СОФЬЯ, ЛИЗА, СЛУГА, за нимъ чацкѣй.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андреичъ
Чацкѣй.

Явленіе VII.

СОФЬЯ, ЛИЗА, ЧАЦКѢЙ.

ЧАЦКѢЙ.

Чуть свѣтъ—ужь на погахъ и я у
вашихъ ногъ.

(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Го-
ворите!

Что-жь, рады? нѣтъ? Въ лицо
мнѣ посмотрите.

Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!

Какъ будто не прошло недѣли,

Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,

Мы мочи нѣтъ другъ другу на-
доѣли.

Ни на волосъ любви! куда какъ хо-
роши!

А между тѣмъ, не вспомнися,
безъ души,

Я сорокъ пять часовъ, глазъ ми-
гомъ не прищуря,

Версть больше семисотъ пронесса!..
вѣтеръ, буря...

И растерялся весь, и падалъ сколько
разъ—

И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкѣй, я вамъ очень рада.

ЧАЦКѢЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!

Однако, искренно кто-жь радуется
эдакъ?

Мнѣ кажется, что напоследокъ,

Людей и лошадей знобя,

Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если бы вы были за
дверями,

Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,

Какъ поминали васъ мы тутъ.

Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь;

Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека:

Кто промелькнетъ, отворить

дверь,

Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа,

издалека—

Съ вопросомъ я, хотъ будь мо-
рякъ:

р-рякъ:

Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почто-
вой васъ каретъ?

вой васъ каретъ?

ЧАЦКѢЙ.

Положимте, что такъ!

Блаженъ, кто вѣруеть, тепло ему
на свѣтъ!

Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь
опять,

Въ Москвѣ! у васъ! Да какъ же
васъ узнать!

Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ
невинный,

Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ

тутъ и тамъ,

Играемъ и шумимъ по стульямъ и
столамъ?..

А тутъ вашъ батюшка съ мадамой
за пикетомъ;

Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется,
что въ этомъ...

Вы помните? Вздоргнемъ, чуть
скрипнетъ столикъ, дверь...

СОФЬЯ.

Ребачество!

ЧАЦКѢЙ.

Да-съ, а теперь,

Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли
прелестно,

Неподражаемо, и это вамъ извѣст-
но,—

И потому скромны, не смотрите на
свѣтъ.

Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ
дать отвѣтъ,

Безъ думы; полноте смущаться.

СОФЬЯ.

Да хотъ кого смутятъ

Вопросы быстрые и любопытный
взглядъ...

ч а ц к и й.

Помилуйте: не вамъ—чему же удив-
ляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра бу-
детъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ
далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ и тѣ-жь стихи
въ альбомахъ.

с о ф ѣ я.

Гоненье на Москву! что значить
видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жь лучше?

ч а ц к и й.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну, что вашъ батюшка? все Англий-
скаго влоба
Старинный, вѣрный членъ до
гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгаль ли свой
вѣкъ?
А этоть... какъ его?.. онъ турокъ
или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ
журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовуть...
Куда ни сунься: тутъ какъ
тутъ,
Въ столовыхъ и гостинныхъ?..
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ милонъ у нихъ, и съ по-
мощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ владъ?
На лбу написано: театръ и мас-
карадъ;
Домъ зеленю расписанъ въ видѣ
рощи,
Самъ толстъ, его артисты
тощи...
На балѣ, помните, открыли мы
вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ
посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человекъ и шел-
калъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ, чахоточный, родня вашъ,
книгамъ врагъ,

Въ ученый комитетъ который по-
селился

И съ крикомъ требоваль при-
сягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и
не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено
судьбой!
Жить съ ними надоѣсть, и въ комъ
не сыщешь пятенъ?
Когда-жь постраствуешь, воро-
тишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и
пріятенъ.

с о ф ѣ я.

Вотъ васъ бы съ тетушкою
свестъ,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ пере-
честъ.

ч а ц к и й.

А тетушка? Все дѣвухой, Ми-
нервой?
Все фрейлиной Екатерины Пер-
вой?
Воспитаницъ и мосекъ полонъ
домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче, такъ же, какъ
издревле,
Хлопочуть набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ науѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ
штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ—помните, колпакъ
его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ призна-
ки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли
вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ
спасенья!
А Гильоме французъ, подбитый вѣ-
теркомъ, —
Онъ не женатъ еще?

с о ф ѣ я.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напрімѣръ?

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ! можно ли?

ЧАЦКІЙ.

Что-жъ? онъ и кавалеръ,
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ
быть и въ чинѣ,

А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ
каковъ?

На сѣздахъ, на большихъ, по
праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье язы-

ковъ
Французскаго съ нижегород-

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить,
какъ вашъ.

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ не надутый!
Вотъ новости! я пользуюсь ми-

нутаой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ, а развѣ нѣтъ вре-

мени,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ,
кстати?

Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ
тетрадь

Увидить — пристааетъ: пожалуйста
списать.

А впрочемъ, онъ дойдетъ до сте-

пеней извѣстныхъ,—
Вѣдь нынче любятъ безсловес-

ныхъ.

СОФЬЯ (въ сторону).

Не человекъ, змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь,
или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь
сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, мо-
жетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и
незрѣло?

На что же такъ давно? вотъ до-
брое вамъ дѣло:

Звонками только что гремя

И день и ночь по снѣговой пу-

стынѣ,
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то
строгомъ чинѣ!

Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!..

И все-таки я васъ безъ памяти
люблю.

(Минутное молчаніе).

Послушайте, ужель слова мои всѣ
колеи

И клонятся къ чьему-нибудь
вреду?

Но если такъ—умъ съ сердцемъ
не въ ладу;

Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду
какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо — сгорите, если-жъ
нѣтъ?

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

ФАМУСОВЪ И СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ об-

новкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-
ка календарь.

Читай, не такъ, какъ поно-

марь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ,
съ разстановкой.

Постой же. На листѣ червни на
записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковѣ Федоровнѣ въ
домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ
свѣтъ!
Пофилософствуй,—умъ вскру-
жится!
То бережешься, то обѣдъ:
Ѣшь три часа, а въ три дни не
сварится.

Отмѣть-ка: въ тотъ же день...
Нѣтъ, нѣтъ..
Въ четвергъ я званъ на погре-
бенъе.
Охъ, родъ людской! пришло въ
забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ
лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать,
ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто
оставить
Житьемъ похвальнымъ — вотъ
примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный ка-
мергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ
доставить;
Богатъ и на богатой былъ женатъ;
Пережилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался,—всѣ о немъ прискорбно
поминаютъ:

Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и
умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ
одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и
въ субботу,—
Я долженъ у вдовы, у докторши
крестить;
Она не родила, но по расчету,
По моему, должна родить.

Явленіе II.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА, ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ! Про-
симъ,
Садись-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ (случь).

Поди.

(Слуга уходитъ).

Да, разные дѣла на память въ кни-
гу вносимъ;
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Приѣздъ не въ
пору мой?
Ужъ Софѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ
суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашель загадку:
Не веселья!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ
присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софѣ Павловнѣ: быть можетъ,
нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тѣфу, Господи прости! пять ты-
сячъ разъ
Твердить одно и то же!
То Софья Павловна на свѣтъ нѣтъ
пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли
жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,—
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ недаромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ
сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не
блажи,
Имѣнемъ, братъ, не управляй
оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ — прислужи-
ваться тошно!

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ
дядя,

Максимъ Петровичъ: онъ не то на
серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человекъ къ
услугамъ;

Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то
вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ
дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ,—
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны, въ со-
рокъ пудъ...

Раселаяйся—тупеемъ не кивнуть.
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пиля и ѣля
иначе.

А дядя! что твой князь, что
графъ!
Серьезный взглядъ, надменный
навь!

Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось осту-
питься —
Упалъ, да такъ, что чуть затылка
не прошибъ.

Старикъ захохалъ; голосъ хрип-
кой...

Былъ высочайшею пожалованъ улыб-
кой,—

Изволили смѣяться. Какъ же
онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ от-
дать поклонъ —
Упалъ въ другорядъ—ужъ на-
рочно!

А хохотъ пуще. Онъ и въ третій
такъ же точно.
А? какъ по-вашему?.. По-нашему,
смышлень:

Упалъ онъ больно—всталъ здо-
рово.

За то, бывало, въ вистъ кто чаще
приглашенъ?

Кто слышитъ при дворѣ привѣтли-
вое слово?

Максимъ Петровичъ! Кто предъ
всѣми зналъ почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводить кто и пенсіи
даетъ?

Максимъ Петровичъ! Да. Вы, ны-
нѣшніе, нутеа!

ЧАЦКІЙ.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмо-
трѣть

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ ми-
нувшій —

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ тру-
домъ.

Какъ тотъ и славился, чья чаще
гнулась шея;

Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ
брали лбомъ —

Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они
въ пыли,

А тѣмъ, кто выше, лестъ, какъ
кружево, плели.

Прямой былъ вѣкъ покорности
и страха,

Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядюшкѣ объ нашемъ го-
ворю, —

Его не возмутимъ мы праха,—
Но между тѣмъ, кого охота заберегъ,
Хоть въ раболѣнствѣ самомъ
пылеомъ,

Теперь, чтобы смѣшнить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?

А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,

Чай, приговаривалъ: „ахъ, если бы
мнѣ то же!“

Хоть есть охотники поподличать
вездѣ,

Да нынче смѣхъ страшить и дер-
жить стыдъ въ уздѣ...

Недаромъ жалуютъ ихъ снупо госу-
дари!

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбона-
рій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не та-
ковъ!

ФАМУСОВЪ.

Опасный человекъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣ всякій дышитъ—
И не торопится вписаться въ полкъ
шутовъ!

ФАМУСОВЪ.

Что говорить!—и говорить, какъ
пишетъ!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, по-
обѣдать,

Подставить стулъ, поднять пла-
токъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ пропо-
вѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто
живетъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служить дѣлу, а не ли-
цамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ
господамъ

На выстрѣлъ подѣзжать къ
столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я, наконецъ, вамъ отдохъ
дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безо-
падно,—

Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ
придачу,—

Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не
терплю.

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, затенуль я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что-жь? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ (*скороговоркой*).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ
баклуши,

Воротятся, — отъ нихъ порядеа
жди!..

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длитель споры не мое желанье...

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явленіе III.

с л у г а *(входитъ)*.

Полковникъ Скалозубъ.

Ф а м у с о в ъ *(ничего не видитъ и не слышитъ)*.

Тебя ужь укутуть
Подъ судъ—кабъ пить дадутъ!

ч а ц ѣ й.

Пожаловаль къ вамъ кто-то на
домъ.

Ф а м у с о в ъ.

Не слушаю—подъ судъ!

ч а ц ѣ й.

Къ вамъ человѣкъ съ докла-
домъ.

Ф а м у с о в ъ.

Не слушаю — подѣ судъ! подѣ
судъ!

ч а ц ѣ й.

Да обернитесь,—вась зовутъ.

Ф а м у с о в ъ *(оборачивается)*.

А? бунтъ? Ну, такъ и жду со-
дома!

с л у г а.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете
принять?

Ф а м у с о в ъ *(встаетъ)*.

Ослы! сто разъ вамъ повторятъ?
Принять его, позвать, просить, ска-
зать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ-же, то-
ропись!

(Слуга уходитъ).

Пожалуйста, сударь, при немъ остере-
гись:

Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахва-
таль!

Не по лѣтамъ и чинъ завид-
ный—

Не нынче, завтра—генераль!

Пожалуйста, при немъ веди себя
скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ! дур-
но, братъ!

Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ,
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно
втрое:

Вотъ будто женится на Сонюшѣ.
Пустое!

Онъ, можетъ быть, и радъ бы
былъ душой,

Да надобности самъ не вижу я
большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сего-
дня;

Вѣдь Софья молода. А, впрочемъ,
власть Господня.

Пожалуйста, при немъ не спорь ты
вкривь и вкось

И завиральныя идеи эти брось!..
Однако, нѣтъ его! какую бы при-
чину...

А? знать, ко мнѣ пошелъ въ другую
половину!

(Постыпно уходитъ).

Явленіе IV.

ч а ц ѣ й.

Какъ суетится! что за прыть!..
А Софья? Нѣтъ-ли впрямь тутъ же-
ниха какого?

Съ которыхъ поръ меня дичится,
какъ чужого!

Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ
сильно бредитъ.

А, можетъ быть, не только что
отецъ...

Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ!

Явленіе V.

ч а ц ѣ й, Ф а м у с о в ъ, С к а л о з у б ъ.

Ф а м у с о в ъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ
куда-съ,

Прошу покорно, здѣсь теплѣе:
Прозябли вы,—согрѣемъ васъ;

Отдушничекъ отроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУВЪ (*цустымъ басомъ*).

Зачѣмъ же лазить, напริมѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ чест-
ный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ
ни шагу?

Сергѣй Сергѣичъ дорогой!

Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскινήтеся на
покой.

СКАЛОЗУВЪ.

Куда прикажете, лишь только-бы
усѣсться.

(*Садятся всѣ трое; Чацкѣй поодаль*).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не
забыть:

Позвольте намъ своими счастѣся,
Хоть дальними — наслѣдства не
дѣлать.

Не знали вы, — а я подавно, —
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ
братъ, —

Какъ вамъ доводится Настасья Ни-
колаевна?

СКАЛОЗУВЪ.

Не знаю-съ, виновать:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили!

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣ-
тится, ползкомъ;

Сыщу ее на двѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень
рѣдки:

Все больше сестрины, свояченицы
дѣтки;

Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.

Какъ станешь представлять къ кре-
стишку, иль въ мѣстечку,

Ну, какъ не poradѣтъ родному че-
ловѣчку!..

Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ и
говорилъ,

Что вами выгодъ тѣму по службѣ
получилъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отлича-
лись съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ
въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье, у кого есть эдакой
смынокъ!

Имѣеть, кажется, въ петличѣѣ орде-
нонъ?

СКАЛОЗУВЪ.

За третье августа; засѣли мы въ
траншею;

Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на
шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть,
такъ хватъ!

Прекрасный человѣкъ двоюродный
вашъ братъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Но ерѣико набрался какихъ-то но-
выхъ правилъ;

Чинъ слѣдовалъ ему, — онъ службу
вдругъ оставилъ,

Въ деревнѣ книги сталъ чи-
тать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а
послѣ хватъ!..

Вы повели себя исправно:

Давно полковники, а служите не-
давно.

СКАЛОЗУВЪ.

Довольно счастливъ я въ товари-
щакъ моихъ, —

Вакансіи какъ разъ открыты!
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ,
вознесетъ!

СКАЛОЗУВЪ.

Бываетъ, моего счастливіе везетъ.

У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не
далѣ,
Объ нашемъ, хотъ сказать, бригад-
номъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

СКАЛОЗУВЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако, за полкомъ два года пово-
дили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ дру-
гомъ
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУВЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу
найдутся:

Я съ восемьсотъ девятого служу.
Да! чтобъ чины добыть, есть многіе
каналы;
Объ нихъ, какъ истинный философъ,
я сузу—

Мнѣ только бы досталось въ ге-
нералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите, дай Богъ здо-
ровья вамъ

И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать-бы даль-
ше? —

Рѣчь завести объ генеральствѣ?

СКАЛОЗУВЪ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница
есть, дочь...

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ
перевода;

Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что
едва

Гдѣ сыщется столица, какъ
Москва.

СКАЛОЗУВЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная ма-
нера,

На все свои законы есть:

Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ из-
стари ведется,

Что по отцу и сыну честь;

Будь плохенькій, да если набе-
рется

Душъ тысячки двѣ родовыхъ,—
Тотъ и женихъ.

Другой хотъ притче будь, надутый
всякимъ чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ сливи,
А въ семью не включаютъ, на насъ
не подиви.

Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ
дворянствомъ!

Да это ли одно?.. Возьмите вы
хлѣбъ-соль:

Кто хочеть къ вамъ пожаловать—
изволь,

Дверь отперта для званыхъ и
незваныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;
Хотъ честный человекъ, хотъ
нѣтъ —

Для насъ равнехонько — про всѣхъ
готовъ обѣдъ.

Возьмите вы, отъ головы до пя-
токъ,

На всѣхъ московскихъ есть особый
отпечатокъ.

Извольте посмотрѣть на нашу мо-
лодежь,

На юношей, сынковъ, вну-
чать:

Журимъ мы ихъ, а если разбе-
реть —

Въ пятнадцать лѣтъ учителей на-
учать!

А наши старички? Какъ ихъ возъ-
метъ задоръ,

Засудятъ о дѣлахъ: что слово—при-
говоръ!

Вѣдь столбовые все; въ усь никому
не дуютъ

И объ правительствѣ иной разъ
такъ толкуютъ,

Что если-бъ кто подслушалъ ихъ...
бѣда!

Не то, чтобъ новизны вводили —
никогда,

Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А
 придерутся
 Къ тому, къ сему, а чаще ни къ
 чему,
 Поспорятъ, пошумятъ — и... ра-
 зойдутся.

Прямые канцлеры въ отставкѣ по
 уму!

Я вамъ скажу, знать, время не
 приспѣло,

Но что безъ нихъ не обойдется
 дѣло.

А дамы? — сунься кто, попробуй,
 овладѣй;

Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ
 судей;

За картами когда возстанутъ об-
 щимъ бунтомъ—

Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я
 былъ женатъ.

Скомандовать велите передъ фрун-
 томъ!

Присутствовать пошлите ихъ въ
 сенатъ!

Ирина Власьева! Лукерья Але-
 ксѣевна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерія Ан-
 древна!

А дочекъ кто видалъ, всякъ голову
 повѣсил!

Его величество король былъ прус-
 скій здѣсь:

Дивился не путемъ московскимъ
 онъ дѣвицамъ—

Ихъ благонавію, не лицамъ.

И точно, можно ли воспитаннѣе
 быть!

Умѣютъ же себя принарядить

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;

Словечка въ простотѣ не скажутъ,—
 все съ ужимкой;

Французскіе романы вамъ поютъ

И верхнія выводятъ нотки;

Къ военнымъ людямъ такъ и
 льпуть,

А потому что—патріотки!

Рѣшительно скажу: едва

Другая сыщется столица, какъ Мо-
 сква.

СКАЛОЗУВЪ.

По моему сужденію,

Пожаръ способствовалъ ей много къ
 украшенію.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли
 кричатъ!

Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
 Дома и все на новый ладъ!

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предрасудки ста-
 ры.

Порадуйтесь,—не истребятъ
 Ни годы ихъ, ни моды, ни по-
 жары.

ФАМУСОВЪ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ;
 Просилъ я помолчать — не велика
 услуга.

(Скалозубу).

Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чац-
 каго, мнѣ друга;

Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
 Не служить, то-есть въ томъ онъ
 пользы не находитъ;

Но захоти, такъ былъ бы дѣло-
 вой.

Жаль, очень жаль: онъ малый
 съ головой,

И славно пишетъ, переводитъ.
 Нельзя не пожалѣть, что съ эта-
 кимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь
 другомъ?

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ,—всѣ такъ же осу-
 ждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
 Къ свободной жизни ихъ вражда
 непримирима!—

Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ
 газетъ

Временъ Очаковскихъ и покоренья
 Крыма;

Всегда готовы къ журбѣ,
 Поютъ все пѣснь одну и ту же,

Не замѣчая о себѣ,

Что старѣе,—то хуже!

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,

Которыхъ мы должны принять за
образцы?

Не эти ли, грабительствомъ бо-
гаты,

Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли,
въ родствѣ,

Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мо-
товствѣ,

И гдѣ не воскресятъ кліенты ино-
странцы

Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не занима-
ли рты

Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня еще
съ пелень,

Для замысловъ какихъ-то непо-
нятныхъ,

Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знат-
ныхъ,

Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и
драки,

И жизнь, и честь его неразъ спа-
сали; вдругъ

На нихъ онъ вымѣнялъ борзья три
собаки!

Или вонъ тотъ еще, который для
затѣй

На крѣпостной балетъ согналъ на
многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ
дѣтей?

Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ
и въ амурахъ,

Заставилъ всю Мосеву дивиться ихъ
красѣ;

Но должниковъ не согласилъ къ
отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
Распроданы поодиночѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣ-
динъ!

Вотъ уважать кого должны мы на
безлюдья!

Вотъ наши строгіе цѣнители и
судьи!

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ
исканій,—

Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья
въ чинъ,

Въ науки онъ вперить умъ, аячу-
щій познаній;

Или въ душѣ его самъ Богъ возбу-
дитъ жаръ

Къ искусствамъ творческимъ, вы-
сокимъ и прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожар!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ
опаснымъ.

Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ
прежнемъ ихъ быту

Когда-то укрывалъ, расшитый и
красивый,

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счаст-
ливый!

И въ женахъ, дочеряхъ къ мунди-
ру та же страсть.

Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣж-
ности отрекся?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество
не впасть.

Но кто-бъ тогда за всѣми не по-
влекся?

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,

Кричали женщины: „ура!“
И въ воздухъ чепчики бросали!

фамусовъ (*про себя*).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду.
(*Громко*).

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ каби-
нетѣ.

(*Уходитъ*).

Явленіе VI.

СКАЛОЗУВЪ, ЧАЦКІЙ.

СКАЛОЗУВЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы

Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвар-
дейцамъ, къ гвардіонцамъ!..

Ихъ золоту, шитью дивятся, будто
(солнцамъ!)

А въ первой арміи когда отстали?
въ чемъ?

Все такъ прилажено, и тальи всѣ
такъ узки,

И офицеровъ вамъ начтемъ,

Что даже говорят иные по-фран-
цузски.

Явленіе XII.

МОЛЧАЛИНЪ, ЛИЗА.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить, и безъ меня васъ
двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое! (*Хочетъ ее
обнять*).

Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее

По должности, тебя...

ЛИЗА.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

МОЛЧАЛИНЪ.

Есть у меня вещицы три:

Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце
внутри,

Кругомъ все прорѣзъ, позолота;

Подушечка, изъ бисера узоръ

И перламутровый приборъ:

Игольничекъ и ножинки—какъ
мылы!

Жемчужинки, растертыя въ бѣ-
лылы!

Помада есть для губъ и для дру-
гихъ причинъ;

Съ духами скляночки: резѣда и
жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не льщусь на ин-
тересы;

Скажите лучше, почему

Вы съ барышней скромны, а съ
горничной повѣсь?

МОЛЧАЛИНЪ.

Сегодня боленъ я; повязки не сниму.

Приди въ обѣдъ, побудь со
мною,

Я правду всю тебѣ открою!

(*Уходитъ въ боковую дверь*).

Явленіе XIII.

СОФЬЯ И ЛИЗА.

СОФЬЯ.

Была у батюшки—тамъ нѣту ни-
кого.

Сегодня я больна и не пойду обѣ-
дать.

Скажи Молчалину и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня про-
вѣдать.

(*Уходитъ къ себѣ въ комнату*).

Явленіе XIV.

ЛИЗА.

Ну, люди въ здѣшной сторонѣ!

Она къ нему, а онъ ко мнѣ!

А я... одна лишь я любви до смерти
трушу!

А какъ не полюбить буфетчика Пе-
трушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе I.

ЧАЦКІЙ И СОФЬЯ.

[*Чацкій рѣшился узнать, кто дорогъ
Софьѣ*].

ЧАЦКІЙ.

Постойте же! (*Въ сторону*). Разъ
въ жизни притворюсь.

(*Громко*).

Оставимте мы эти пренья.

Передъ Молчалинымъ неправъ я,
виноватъ;

Быть можетъ, онъ не то, что три
года назадъ:

Есть на землѣ такіа превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ,

и умовъ;

Есть люди важные, слыли за ду-
раковъ,

Иной по арміи, иной плохимъ по-
этомъ,
Иной... боюсь назвать... но при-
знаю всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій,
Геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то
чувство, пылкость та,
Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ
цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое биенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ
его дѣламъ
Душою—вы, вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказать лишь
не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, вол-
нуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.
А онъ?.. смолчить и голову по-
вѣсить.
Конечно, смиренъ, — всѣ такіе не-
рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тай-
на скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выду-
мали вы,
Чѣмъ голова его вѣкъ не была на-
бита.
Быть можетъ, качества вашихъ
тѣмъ,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы
во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ
отъ часу умнѣе.
Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ
одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести
утрату,
Какъ человѣку вы, который съ
вами взрость,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ
Отъ сумасшества могу я остеречься;
Пущусь подальше простыть, охоло-
дѣть,
Не думать о любви, но буду я
умѣть

Теряться по свѣту, забыться и раз-
влекаться.

софья (*про себя*).

Вотъ нехотя съ ума свела!

(*Вслухъ*).

Что притворяется?

Молчалинъ давеча могъ безъ руки
остаться,

Я живо въ немъ участие приняла;
А вы, случась на эту пору,

Не позаботились разсчесть,

Что можно доброй быть ко всѣмъ
и безъ разбору;

Но можетъ истина въ догадкахъ
вашихъ есть,

И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ на-

прямикъ,

Такъ невоздержну на языкъ?

Въ презрѣнны къ людямъ такъ
нескрыту,

Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?..
чего! —

Случись кому назвать его—

Градъ колкостей и шутокъ ва-
шихъ грянетъ.

Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ
на это станеть?..

чацкій.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ
тѣхъ,

Которымъ цѣль всей жизни
смѣхъ?

Мнѣ весело, когда смѣшныхъ
встрѣчаю,

А чаще съ ними я скучаю.

софья.

Напрасно это вы относите къ дру-
гимъ:

Молчалинъ вамъ наскучилъ бы
едва ли,

Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

чацкій (*съ жаромъ*).

Зачѣмъ же вы его такъ коротко
узнали?

софья.

Я не старалась. Богъ насъ
свелъ.

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ
приобрѣлъ.

При батюшеѣ три года слу-
жить,

Тотъ часто безъ толку сердить,

А онъ безмолвіемъ его обезоружить,

Отъ доброты души простить;

И, между прочимъ,

Веселостей искать бы могъ—

Ничуть: отъ старичковъ не ступить
за порогъ;

Мы рѣзвимся, хохочемъ,—

Онъ съ ними цѣлый день засадеть,
радъ не радъ,

Играеть...

чацкѣй.

Цѣлый день играетъ!
Молчить, когда его бранять!..

(Въ сторону).

Она его не уважаетъ!

софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого
ума,

Что геній для иныхъ, а для иныхъ
чума,

Который скоръ, блестящъ и скоро
опротивить,

Который свѣтъ ругаетъ наповаль,

Чтобъ свѣтъ объ немъ хогь что-
нибудь сказалъ;

Да эдакой ли умъ семейство осчаст-
ливить?

чацкѣй.

Сатира и мораль смыслъ этого всего?

(Въ сторону).

Она не ставитъ въ грошъ его.

софья.

Чудеснѣйшаго свойства.

Онъ наконецъ: уступчивъ, скро-
мень, тихъ,

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,

И на душѣ проступковъ никакихъ;

Чужихъ и вкривь, и вкось не
рубить,—

Вотъ, я за что его люблю.

чацкѣй (въ сторону).

Шалить! она его не любитъ.
(Вслухъ).

Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображение.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядывъ!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

софья.

Не моего романа.

чацкѣй.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

Явленіе III.

Чацкѣй, потомъ Молчалинъ.

чацкѣй.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ
избранъ ей!

А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ
только мало;

Но чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало?

Услуживъ, скромненькій, въ лицѣ
румянецъ есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и небо-
гать словами...

Какую ворожкой умѣлъ къ ней въ
сердце влѣзть!

(Обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ
вами

Не удалось сказать двухъ словъ.

Ну, образъ жизни вашъ каковъ?

Безъ горя нынче, безъ печали?

молчалинъ.

Попрежнему-съ.

чацкѣй.

А прежде какъ жилали?

молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

чацкѣй.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ
отъ пера?

И положенный часъ приливамъ и
отливамъ?

молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по
архивамъ,
Три награжденья получилъ.

чацкѣй.

Взманили почести и знатность?

молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

чацкѣй.

У васъ?

молчалинъ.

Два-съ:

Умѣренность и аккуратность.

чацкѣй.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ
всѣхъ!

молчалинъ.

Вамъ не дались чины; по службѣ
неуспѣхъ?

чацкѣй.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!..

чацкѣй.

Какое-жъ диво тутъ?

молчалинъ.

Жалѣли васъ...

чацкѣй.

Напрасный трудъ.

молчалинъ.

Татьяна Юрьевна рассказывали что-
то,

Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

чацкѣй.

Ей почему забота?

молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

чацкѣй.

Я съ нею незнакомъ.

молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

чацкѣй.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣ-
чались.

Слыхалъ, что вздорная...

молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ?

Татьяна Юрьевна!.. известная...

Притомъ

Чиновные и должностные

Всѣ ей друзья и всѣ родные.

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хотъ разъ бы
сѣздить вамъ...

чацкѣй.

На что же?..

молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ
не мѣтимъ.

чацкѣй.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только
не за этимъ.

молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила,
проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ
у насъ служить?

И награжденья брать и весело по-
жить?

чацкѣй.

Когда въ дѣлахъ,—я отъ веселій
прячусь;

Когда дурачиться,—дурачусь;

А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ; я не изъ
ихъ числа.

молчалинъ.

Простите. Вирочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Оома Оомичъ... знакомъ онъ вамъ?

чацкѣй.

Ну, что-жь?

молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

чацкѣй.

Хорошъ!

Пустѣйшій человекъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

молчалинъ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставить въ образецъ!

Читали вы?..

чацкѣй.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;

Не сочинитель я...

чацкѣй.

И по всему замѣтно.

молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнести...

чацкѣй.

Зачѣмъ же такъ секретно?

молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть.

чацкѣй.

Помилуйте, мы съ вами не ребята;

Зачѣмъ же мнѣнія чужія только сваты?

молчалинъ.

Вѣдь надобно-жь зависѣть отъ другихъ.

чацкѣй.

Зачѣмъ же надобно?

молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

чацкѣй (почти громко).

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

Явленіе VI.

чацкѣй, паталя дмитріевна, платонъ михайловичъ.

паталя дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

чацкѣй.

Ба!

Другъ старій, мы давно знакомы!
Вотъ судьба!

платонъ михайловичъ.

Здорово, Чацкѣй, братъ!

чацкѣй.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

платонъ михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель... и женатъ.

чацкѣй.

Забуть шумъ лагерный, товарищи и братья?

Спокоеспъ и лѣнивъ?

платонъ михайловичъ.

Нѣтъ, есть-таки занятъ:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

чацкѣй.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?

Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ
всего дороже.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ, женишься,—тогда меня
вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно
и то же.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей пла-
тишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ за-
нятыямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ
и смотрямъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по
утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ
тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ. Ты
оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ
очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Все ревматизмъ и головныя
боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ
теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣ-
томъ рай.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ лю-
бить,
Москву; за что въ глуши онъ дни
свои погубить?

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Да, братъ; теперь не такъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи
нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ
жилетъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, — застегнись ско-
рѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*рав-
нодушно*).

Сейчасъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ
сзади!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Мой ангель, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*глаза
къ небу*).

Ахъ, матушка!

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ корот-
кое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ
концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, —
ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди,
хоть съ тыла!..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*вздыхаетъ*).

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-
то было.

Явление IX.

тѣ же и множество другихъ гостей.
 Между прочимъ загорѣцкій. Муж-
 чины являются, шаркаютъ, отхо-
 дятъ въ сторону, кочуютъ изъ ком-
 наты въ комнату и проч. софья
 отъ себя выходитъ; всѣ ей на-
 встрѣчу.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Eh, bonsoir! vous voilà! Jamais
 trop diligente,
 Vous nous donnez toujours le plaisir
 de l'attente.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

На завтрашній спектакль имѣете
 билетъ?

СОФЬЯ.

Нѣтъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить! напрасно
 бы кто взялся
 Другой вамъ услужить. За то
 Куда я ни кидался?
 Въ контору—все взято,
 Къ директору—онъ мнѣ прия-
 тель—
 Съ зарей въ шестомъ часу, и
 встати-ль?
 Ужъ съ вечера никто достать не
 могъ;
 Къ тому, къ сему, — всѣхъ
 сбиль я съ ногъ.
 И этотъ, наконецъ, похитилъ уже
 силой
 У одного: старикъ онъ хилый,
 Мнѣ другъ, извѣстный домо-
 сѣдъ,—
 Пусть дома просидитъ въ нокоѣ!

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ,
 А за старанье вдвое.

(Являются еще гости. Между тѣмъ,
 Загорѣцкій отходитъ къ мужчи-
 намъ).

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Платонъ Михайлычъ!..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Прочь!

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ
 и ихъ морочь.
 Я правду объ тебѣ поразскажу та-
 кую,

Что хуже всякой лжи. (Чацкому).

Вотъ, братъ, рекомендую!

Какъ эдакихъ людей учтивѣ зо-
 вутъ,

Нѣжнѣ? Человѣкъ онъ свѣт-
 скій,Отъявленный мошенникъ,
 плутъ—

Антонъ Антоничъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись: переносить
 гораздъ!

И въ карты не садись: про-
 дастъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ ма-
 лѣйшей злобы!

ЧАЦКІЙ.

И оскорбляться вамъ смѣшно
 бы...

Окромѣ честности есть множество
 отрадъ:

Ругаютъ здѣсь, а тамъ благода-
 рять.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ, братецъ, нѣтъ! у насъ ру-
 гаютъ

Вездѣ, а всюду принимаютъ.

(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

Явление X.

тѣ же и хлестова.

ХЛЕСТОВА (Софья).

Легко ли въ шестьдесятъ пять
 лѣтъ

Тащиться мнѣ къ тебѣ, племян-
 ница?.. Мученье!

Часъ битый ѣхали съ Покровки—
 силы нѣтъ!

Ночь—свѣта преставленье!

Отъ скуки я взяла съ собой
 Аранку-дѣвку да собачку.

Вели ихъ накормить ужо, дружо-
чекъ мой,

Отъ ужина сошли подачку.

Бнягиня, здравствуйте! (*Съѣла*). Ну,

Софьюшка, мой другъ,

Какая у меня арапка для услугъ!

Курчавая, горбомъ лопатки!

Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!

Да какъ черна! да какъ страш-
на!

Вѣдь создалъ же Господь такое
племя!

Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...

Позвать ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь, ихъ какъ звѣрей выво-
дятъ на показъ.

Я слышала, тамъ... городъ есть
турецкій...

А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

(*Загорѣцкій выставляется впередъ*).

Лунишка онъ, картежникъ,
воръ;

(*Загорѣцкій исчезаетъ*).

Я отъ него было и двери на за-
поръ,

Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ
Прасковѣ

Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ
досталъ;

Купилъ, онъ говоритъ, — чай, въ
карты сплutowалъ;

А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему
здоровья!

чацкій (*со смѣхомъ Платону Ми-
хайловичу*).

Не поздоровится отъ эдакихъ по-
хвалъ!

И Загорѣцкій самъ не выдержалъ,
пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія
какого?

СОФЬЯ.

Вонъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашель смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ
смѣхъ?

Надъ старостью смѣяться
грѣхъ.

Я помню, ты дитѣй съ нимъ часто
танцовала,

Я за уши его дирала, — только мало.

Явленіе XI.

ТЪ ЖЕ И ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ (*зромоласно*).

Ждемъ князь Петръ Ильича,
А князь ужъ здѣсь! — а я забился
тамъ въ портретной.

Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ?
а?

Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ че-
ловѣкъ замѣтный,

Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе
всякихъ трубъ!

Явленіе XII.

ТЪ ЖЕ И СКАЛОЗУБЪ, *потомъ* Мол-
чалинъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!

А мы васъ ждали, ждали, ждали!

(*Подводитъ къ Хлестовой*).

Моя невѣстухка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

ХЛЕСТОВА (*сидя*).

Вы прежде были здѣсь... въ полку...
въ томъ... гренадерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ (*басомъ*).

Въ его высочества, хотите вы ска-
зать,

Ново-землянскомъ мушкатер-
скомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то раз-
личать.

СКАЛОЗУБЪ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики,
петлички.

ФАМУСОВЪ (*Скалозубу*).

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я
посмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами,
князь, прошу!

(*Ею и князя уводитъ съ собою*).

ХЛЕСТОВА (*Софьѣ*).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ
петли!

Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомить, не спросясь, пріятно ли
намъ, нѣтъ ли.

МОЛЧАЛИНЪ (*подаетъ ей карту*).

Я вашу партію составилъ: мосье
Кокъ,

Өма Өомичъ и я.

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой дружокъ! (*Встаетъ*).

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ шпигъ—прелестный шпигъ!
не болѣе наперства!
Я гладила все его: какъ шелковая—
шерства!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной!

(*Уходитъ, за нею Молчалинъ и
многіе другіе*).

Явленіе XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько посто-
роннихъ, которые въ продолженіе
дѣйствія расходятся.

ЧАЦКІЙ.

Ну, гучу разогналь...

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать!

ЧАЦКІЙ.

Чѣмъ васъ я напугалъ?

За то, что онъ смягчилъ разгнѣ-
ванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

СОФЬЯ.

А кончили бы злостью.

ЧАЦКІЙ.

Сказать вамъ, что я думалъ?
Вотъ:

Старушки всѣ народъ сердитый;

Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ
знаменитый

Тутъ былъ, какъ громовой от-
водъ,—

Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно
все уладить?

Тамъ моську во-время погла-
дить,

Тутъ въ пору карточку вотреть;
Въ немъ Загорѣцкій не

умретъ!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свой-
ства,

Но многія забыли—да.

(*Уходитъ*).

Явленіе XIV.

Софья, потомъ Г. Н.

СОФЬЯ (*про себя*).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстрой-
ства!

Унизить радъ, вольнуть,—завист-
ливъ, гордъ и золь!

Г. Н. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

Г. Н.

Какъ его нашли по возвра-
щеньи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

СОФЬЯ (помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако, есть примѣты?

СОФЬЯ (смотря на него пристально).

Мнѣ кажется...

Г. Н.

Какъ можно, въ эти лѣты!

СОФЬЯ.

Какъ быть! (Въ сторону).

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій, любите вы всѣхъ въ шуты
рядить,

Угодно-ль на себѣ примѣрять.
(Уходитъ).

Явленіе XV.

Г. Н., потомъ Г. Д.

Г. Н.

Съ ума сошелъ! Ей кажется...
вотъ на!

Недаромъ, стало быть... съ чего-бъ
взяла она?

Ты слышалъ?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Объ Чацкомъ?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

Съ ума сошелъ.

Г. Д.

Пустое!

Г. Н.

Не я сказала, другіе говорятъ.

Г. Д.

А ты разславить это радъ?

Г. Н.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-ни-
будь да знаетъ.

(Уходитъ).

Явленіе XVI.

Г. Д., потомъ Загорѣцкій.

Г. Д.

Вѣрь болтуну!

Услышать вздоръ, и тотчасъ по-
вторяетъ!

Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышалъ...

Какъ мнѣ не знать? Примѣр-
ный случай вышелъ:

Его въ безумные упрятавъ дядя
плуть...

Схватили, въ желтый домъ, и на
цѣпь посадили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ
комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спу-
стили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не на-
добно газетъ.

Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ,
секретъ!

Явленіе XVII.

Загорѣцкій, потомъ графиня внучка.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная
фамилія..

Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то
былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРЬЦКІЙ.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь
въ комнатѣ былъ.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРЬЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРЬЦКІЙ.

Да онъ сошелъ съ ума!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Представьте! Я замѣтила сама!
И хотъ пари держать,—со мной въ
одно вы слово.

Явленіе XVIII.

Тъ же и графиня бабушка.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Ah, grand'maman! вотъ чудеса!
вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ
бѣдъ?

Послушайте! вотъ прелести, вотъ
мило!..

ГРАФИНЯ БАБУШКА (*испелявиль*).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Время нѣтъ!

(*Указываетъ на Загорьцаго*).

Il vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

Явленіе XXI.

Тъ же и Хлестова, Софья, Молча-
линъ, Платонъ Михайловичъ, На-
талья Дмитриевна, графиня внучка,
княгиня съ дочерьми, Загорьцкій,

Скалозубъ, *потомъ* Фамусовъ и мно-
гіе друіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ про-
ворно!

Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поне-
воль;

А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ (*входя*).

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я от-
крылъ!

Давно дивлюсь я, какъ никто его
не свяжетъ.

Попробуй о властяхъ, и не вѣсть
что наскажетъ!

Чуть низко поклонись, согнись-ка
кто кольцомъ,

Хотъ предъ какимъ ни есть
лицомъ,

Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хо-
хотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ слу-
жить въ архивахъ.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ
деревнѣ.

ЗАГОРЬЦКІЙ.

Безумный по всему.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Але-
ксѣвнѣ:

Покойница съ ума сходила восемь
разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приклю-
ченья!

Въ его лѣта съ ума прыгнулъ!
Чай, пиль не по лѣтамъ?

ЕНЯГИНЯ.

О, вѣрно...

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья.

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянулъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Бутылками-съ—и пребольшими.

ЗАГОРЪЦЕЙ (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!

Учене—вотъ чума, ученость—вотъ
причина,

Что нынче пуше чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ,
и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ,
отъ однихъ,

Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ...
какъ бишь ихъ?

Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ
обученій.

ЕНЯГИНЯ.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій — такъ, кажется,
зовутъ?..

Тамъ упражняются въ расколахъ и
въ безвѣрїи

Профессора! у нихъ учился нашъ
родня

И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку,
въ подмастерья!

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ
меня!

Чиновъ не хочетъ знать! Онъ хи-
микъ, онъ ботаникъ—

Князь Федоръ, мой племянникъ.

СКАЛОЗУВЪ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ,
школъ, гимназій:

Тамъ будутъ лишь учить по-на-
шему: разъ, два!

А книги сохранять такъ, для боль-
шихъ оказій.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли
зло пресѣчь,—

Забрать всѣ книги бы да сжечь.

ЗАГОРЪЦЕЙ (съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А
если-бъ, между нами,

Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни—
смерть моя!

Насмѣшки вѣчныя надъ львами,
надъ орлами!

Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ раз-
строенъ,

Такъ все равно, отъ книгъ ли,
отъ питья-ль,

А Чацкаго мнѣ жаль.

По-христіански, такъ онъ жалости
достоинъ;

Былъ острый человекъ, имѣлъ душъ
сотни три.

Явленіе XXII.

Тъ же всѣ и Чацкій.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Шшъ!

в с т ъ.

Шшъ! (*пятятся отъ него въ
противную сторону*).

х л е с т о в а.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣбегъ драться онъ, потребуесть
къ раздѣлѣ.

ф а м у с о в ъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ
насъ!

(*Опасливо*).

Любезнѣйшій! ты не въ своей
тарелкѣ!
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ.
Ты нездоровъ.

ч а ц к ѣ й.

Да, мочи нѣтъ!.. Мильонъ тер-
заній

Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ
воскличаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустя-
ковъ.

(*Подходитъ къ Софьѣ*).

Душа здѣсь у меня какимъ-то го-
ремъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянь,
самъ не свой.

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

х л е с т о в а.

Москва, вишь, виновата!

ф а м у с о в ъ.

Подальше отъ него! (*Дѣлаетъ знакъ
Софьѣ*).

Гмъ, Софья!—Не глядите!

с о ф ѣ я (*Чацкому*).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

ч а ц к ѣ й.

Въ той комнатѣ незначая
встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая
грудь,

Собралъ вокругъ себя родъ
вѣча,

И сказывалъ, какъ снаряжался
въ путь

Въ Россію, къ варварамъ, со стра-
хомъ и слезами;

Приѣхалъ, и нашель, что ласкамъ
нѣтъ конца,

Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отече-
ствѣ, съ друзьями,—

Своя провинція! Посмотришь, ве-
черкомъ

Онъ чувствуетъ себя здѣсь малень-
кимъ царькомъ!

Такой же толкъ у дамъ, такіе же
наряды...

Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ. И тутъ совсѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:

„Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ
лучше края!“—

Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, пов-
торя

Урокъ, который имъ изъ дѣтства
натвержень.

Куда дѣваться отъ княженъ!

Я одалъ возсылалъ желанья

Смиранныя, однако вслухъ,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый
этотъ духъ

Пустого, рабскаго, слѣпного подра-
жанья;

Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-
нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и при-
мѣромъ

Насъ удержать, какъ крѣпкою
вожжей,

Отъ жалкой тошноты по сторонѣ
чужой.

Пускай меня объявятъ старовѣ-
ромъ,

Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во
сто вратъ

Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ
обмѣнъ на новый ладъ,—

И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой-то
чудный выемъ,

Разсудку вопреки, наперекоръ сти-
хямъ;

Движенья связаны и не краса лицу.
Смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки!..

Какъ платье, волосы, такъ и умы
коротки!..

Ахъ, если рождены мы все перени-
мать,

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣ-
сколько занять

Премудраго у нихъ незнанья ино-
земцевъ!

Воскреснемъ ли когда отъ чуже-
властья модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ на-
родъ

Хотя по языку насъ не считалъ за
нѣмцевъ.

„Какъ европейское поставить въ
параллель

Съ національнымъ — странно
что-то!

Ну, какъ перевести мадамъ,
мадмуазель?

„Ужли — сударыня?“ — забормоталъ
мнѣ кто-то...

Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся
смѣхъ.

„Сударыня! ха! ха! ха! ха! пре-
красно!“

„Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!“

Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,

Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною, — онъ
не новый.

Москва и Петербургъ во всей Рос-
си то,

Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ
счастье

Во всѣхъ княженъ велятъ
участье.

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вы-
чуръ, словъ кудрявыхъ,

Въ чей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей
здравыхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно обя-
влять, —

Глядь...

(Оглядывается; всѣ въ вальсъ кру-
жатся съ величайшимъ усердіемъ.)

Старики разбремся къ карточнымъ
столамъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Съни въ домъ Фамусова.)

Явленіе IV.

ЧАЦКІЙ, РЕПЕТИЛОВЪ *вбѣ-
гаетъ съ крыльца; при самоѣ вхо-
дѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣш-
но оправляется.*

РЕПЕТИЛОВЪ.

Тѣфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой
Создатель!

Дай протереть глаза... Откудова,
пріятель?..

Сердечный другъ! любезный
другъ! mon cher!

Вотъ фарсы мнѣ какъ часто бы-
ли пѣты,

Что пустомеля я, что глупъ, что
суетвѣръ,

Что у меня на все предчувствія,
примѣты.

Сейчасъ... растолковать про-
шу, —

Какъ будто зналъ, куда спѣ-
шу —

Хвать, объ порогъ задѣлъ но-
гою,

И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,

Что Репетиловъ вретъ, что Репе-
тиловъ просто,

А у меня къ тебѣ влеченье, родъ
недуга,

Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,

Что въ мірѣ не найдешь себѣ та-
кого друга,

Такого вѣрнаго, ей-ей;
Пускай лишусь жены, дѣ-
тей,

Оставленъ буду цѣлымъ свѣ-
томъ,

Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня—естественное
 дѣло:
 Съ другими я и такъ и
 сякъ,
 Съ тобою говорю несмѣло;
 Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я
 дуракъ!..

ЧАЦКІЙ.

Вотъ страшное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Ругай меня; я самъ клину свое
 рожденье,
 Когда подумаю, какъ время уби-
 валь.
 Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
 Когда явился ты на балъ,
 Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю
 ночь до бѣла дня
 Въ приличьяхъ скованы, не вы-
 рвемся изъ ига!
 Читалъ ли ты?.. есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? задача для ме-
 ня.

Ты Репетилловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ,—
 Я это имя заслужилъ:
 Людми пустыми дорожилъ,
 Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ
 или баломъ!
 Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ
 жену!
 Игралъ, проигрывалъ, въ опеку
 взять указомъ!
 Танцовщицу держалъ, и не
 одну—
 Трехъ разомъ!
 Пилъ мертвую! не спалъ ночей по
 девяти!
 Все отвергалъ: законы, совѣсть,
 вѣру...

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же
 мѣру.
 Есть отчего въ отчаянье придти.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня; теперь съ людь-
 ми я знаюсь
 Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу
 напролетъ.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что, ночь одна не въ
 счетъ!

За то спроси, гдѣ былъ.

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
 Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ испо-
 вѣдь начать,—
 Изъ шумнаго я засѣданья...
 Пожалуйста, молчи,—я слово даль
 молчать...
 У насъ есть общество, и тайныя
 собранья
 По четвергамъ. Секретнѣйшій
 союзъ...

ЧАЦКІЙ

Ахъ, братецъ, я боюсь!
 Какъ? Въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
 Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ,
 и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя бе-
 ретъ:
 Вслухъ, громко говоримъ,—никто
 не разберетъ.
 Я самъ, какъ схватятся о каме-
 рахъ, присяжныхъ,

О Байропѣ, ну, о матерьяхъ
важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая
губъ;
Мнѣ не подѣ силу, братъ; я чув-
ствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя не-
доставало.
Послушай, миленькій, потѣши меня
хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на
ходу.

Съ какими я тебя сведу
людьми! Ужъ на меня нисколько
не похожи.
Что за люди, топ cher! Сохъ ум-
ной молодежи.

чацкйй.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я
поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой!—
я спать хочу.

репетитловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну,
полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшитель-
ные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни
голосовъ!..

чацкйй.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столь-
ко?

репетитловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

чацкйй.

Шумите вы—и только?

репетитловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и не-
досугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣ-
ло,—
Нельзя же вдругъ...
Что за люди, топ cher! безъ даль-
нихъ я исторій
Скажу тебѣ; во-первыхъ, князь
Григорій,

Чудакъ единственный! насъ со
смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англій-
ская складка
И такъ же онъ сквозь зубы го-
ворить,
И такъ же коротко обстриженъ
для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься
съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ?
О, диво!

Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„А нонъ ла-шьяръ ми, но-но-
но!“

Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боренька—чудесные ре-
бята!
Объ нихъ не знаешь что ска-
зать.
Но если генія прикажете на-
звать,—
Удушьевъ Исполитъ Марке-
лычъ!
Ты сочиненія его

Читалъ ли что-нибудь? хоть
мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пи-
шетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать,
писать!

Въ журналахъ можешь ты однако
отыскать
Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣ-
что.

Объ чемъ бишь Нѣ что!—обо
всемъ,
Все знаетъ; мы его на черный
день пасемъ,
Но голова у насъ, какой въ Россіи
нѣту,
Не надо называть, узнаешь по
портрету:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вер-
нулся алеутомъ

И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человекъ не можетъ
быть не плутомъ!
Когда-жъ объ честности высокой
говорить,

Кавимъ-то демономъ вну-
шаемъ,

Глаза въ крови, лицо горить,
Самъ плачетъ, и мы всѣ ры-
даемъ.

Вотъ люди, есть ли имъ подобные?
Наврядъ.

Ну, между ними я, конечно, за-
урядъ,

Немножко поотсталъ, лѣнивъ,—
подумать ужасъ!

Однако-жь я, когда умишкомъ
понатужусь,

Засяду—часу не сижу,

И какъ-то невзначай вдругъ калам-
буръ рожу.

Другіе у меня мысль эту же под-
цѣпять:

И вшестеромъ, глядь, водевиль-
чикъ слѣпять:

Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его дають...

Братъ, смѣйся, а что любо—
любо!

Способностями Богъ меня не награ-
дилъ,

Даль сердце доброе,—вотъ чѣмъ я
людимъ миль.

Совру—простятъ...

Явленіе XII.

*чацкій за колонною, лиза, молча-
линь потягивается и зѣваетъ, софья
крадется сверху.*

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень! сударь, ледь!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Отъ барышни-съ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ
этихъ жилкахъ

Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на
посылкахъ?

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣсть,
Не нѣжится и не зѣвать бы:
Пригожь и миль—кто не доѣстъ
И не доспить до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поди!

Надежды много впереди, —
Безъ свадьбы время проволо-
чимъ.

ЛИЗА.

Что вы, сударь! да мы кого-жь
Себѣ въ мужья другого про-
чимъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ
дрожь,

И при одной я мысли трушу,
Что Навель Аванасьичъ разъ

Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что...

открыть ли душу?

Я въ Софѣ Павловиѣ не вижу ни-
чего

Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ про-
жить богато.

Любила Чацкаго когда-то,

Меня разлюбить, какъ его.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ
половину

Къ ней то же чувствовать, что
чувствую къ тебѣ;

Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а сви-
жусь — и простыну.

СОФЬЯ (въ сторону).

Какія низости!

чацкій (за колонною).

Подлецъ!

ЛИЗА.

И вамъ не совѣстно?

молчалинъ.

Мнѣ завѣщаль отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ лю-
дямъ безъ изъятія—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я слу-
жить,
Слугѣ его, который чистить
платье,
Швейцару, дворнику, для избѣ-
жанья зла,
Собакаѣ дворника, чтобъ ласкова
была.

лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная
опека!

молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видѣ
Въ угодность дочери такого чело-
вѣка...

лиза.

Который кормить и поить,
А иногда и чиномъ награждать?
Пойдемте же, довольно толковали.

молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной
нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.
(Лиза не дается).

Зачѣмъ она не ты?
(Хочетъ идти, Софья не пускаетъ).

софья почти шопотомъ; вся сцена
вполголоса).

Нейдите далѣе! Наслушалась я
много...
Ужасный человекъ! Себя я, стѣнъ
стыжусь!

молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!

софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь!

молчалинъ.

(Бросается на кровать. Софья от-
талкивается).

Ахъ, вспомните!.. не гнѣвайтесь,
взгляните!..

софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!.. какъ острый ножъ
онѣ...

молчалинъ (ползаетъ у ногъ ея).

Помилуйте...

софья.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу, — я знаю вашъ
отвѣтъ:

Солжете...

молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!..

софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

молчалинъ.

Шутиль, и не сказалъ я ничего
окромѣ!..

софья.

Отстаньте, говорю; сейчасъ
Я крикомъ разбуджу всѣхъ въ
домѣ
И погублю себя и васъ!

(Молчалинъ встаетъ).

Я съ этихъ поръ васъ будто не
знавала.

Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать,—не стойте вы
ихъ;

Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ
не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше
не слыхала!..

молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

софья.

Иначе расскажу
Всю правду батюшкаѣ съ досады.
Вы знаете, что я собой не до-
рожу.
Подите... Стойте!.. будьте
рады,

Что, при свиданіяхъ со мной въ
ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во
правѣ,

Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ,
и въ явѣ.

Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ
кривизны души.

Сама довольна тѣмъ, что ночью все
узнала:

Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ
глазахъ,

Какъ давеча, когда я въ обморокъ
упала,—

Здѣсь Чацкій былъ...

чацкій (*бросается между ними*).

Онъ здѣсь, притворщица!

лиза и софья.

Ахъ! Ахъ!

(*Лиза свѣчку роняетъ съ испугу;
Молчанъ скрывается къ себѣ въ
комнату*).

Явленіе XIII.

тв же, кроль молчалина.

чацкій.

Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно
въ порядкѣ:

Важнѣе давешней причина есть тому.

Вотъ, наконецъ, рѣшеніе за-
гадкѣ!

Вотъ я пожертвованъ кому!

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшен-
ство умѣрилъ!

Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣ-
рилъ!

А милый, для кого забытъ

И прежній другъ, и женскій
страхъ и стыдъ,

За двери прячется, боится быть въ
отвѣтъ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница,
бичъ!—

Молчалины блаженствуютъ на свѣ-
тѣ!

софья (*вся въ слезахъ*).

Не продолжайте; я виню себя кру-
гомъ!..

Но кто-бы думать могъ, чтобъ былъ
онъ такъ коваренъ!

лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда
бѣжить весь домъ!

Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благо-
даренъ!

Явленіе XIV.

чацкій, софья, лиза, фамусовъ,
тогда слугъ со свѣчами.

фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!

Гдѣ домовые? Ба! знакомыи всѣ
лица!

Дочь!.. Софья Павлова!.. Срам-
ница!

Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни
дать, ни взять она,

Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшей по-

ловиной

Чуть врознь— ужъ гдѣ-нибудь
съ мужчиной!

Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ те-
бя прельстилъ?

Сама его безумнымъ называла!

Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота
напала!

Все это заговоръ и въ заговорѣ
былъ

Онъ самъ и гости всѣ. За что я
такъ наказанъ...

чацкій (*Софья*).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще
обязанъ?

фамусовъ.

Братъ, не финти! не дамъ я въ
обманъ!

Хоть подеритесь—не повѣрю.

Ты, Филька! ты прямой чур-
банъ!

Въ швейцары произвелъ лѣнливую
тетерю!

Не знаетъ ни про что, не чувствуетъ
ничего!..

Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?

И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты
не дослышалъ?

Въ работу васъ! на поселенье
васъ!

За грошъ меня продать готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ
проказъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды
и обновы!

Тамъ выучилась ты любовниковъ
сводить!

Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за пти-
цами ходитъ!

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не
оставлю:

Еще дня два терпѣнія возьми,—
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить
тебѣ съ людьми;

Подальше отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ
глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,
За пальцами сидѣть, за святцами
зѣвать.

А васъ, сударь, прошу я тол-
комъ

Туда не жаловать ни прямо, ни
проселкомъ;

И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ
заперта!

Я постараюсь, въ набать я приуда-
рю,

По городу всему надѣлаю хло-
потъ

И оглашу во весь народъ;

Въ сенатъ подамъ, министрамъ,
государю...

*чацкѣй (послѣ нѣкотораго
молчанія).*

Не образумлюсь... Виноватъ!

И слушаю—не понимаю!

Какъ будто все еще мнѣ объяснить
хотятъ...

Растерянъ мыслями... чего-то ожи-
даю...

(Съ жаромъ).

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду
всѣхъ трудовъ?

Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!..
вотъ счастье, думалъ, близко!

Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно
и такъ низко

Былъ расточитель нѣжныхъ
словъ!

А вы! о, Боже мой! кого себѣ из-
брали?

Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли!

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ
смѣхъ,

Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, дви-
женій сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ и ими жилъ, былъ занятъ
безпрерывно!

Сказали бы, что вамъ внезапный
мой прїездъ,

Мой видъ, мои слова, поступки—
все противно:

Я съ вами тотчасъ бы сношенія
пресѣкъ

И передъ тѣмъ, какъ навсегда рас-
статься,

Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный чело-
вѣкъ...

(Настыливо).

Вы помиритеcь съ нимъ по размы-
шленью зрѣломъ:

Себя крушить, и для чего?

Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и целенать, и посылать за
дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ
жениныхъ пажей—

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ
мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ
разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные
къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣнны
счастливымъ.

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю
вамъ.

Другой найдется благонаправный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой, и спала
пелена!

Теперь не худо-бъ было сряду

На дочь и на отца,

И на любовника глупца,

И на весь міръ излить всю желчь
и всю досаду.

Съ еѣмъ былъ? Куда меня закинула
судьба?

Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучите-
лей толпа,

Въ любви предателей, въ враждѣ
неутомимыхъ,

Разказчиковъ неукротимыхъ,

Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ
простяковъ,

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,

Дряхлѣющихъ надъ выдумками,
вздоромъ!

Безумнымъ вы меня прославили
всѣмъ хоромъ,—

Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ
невредимъ,

Кто съ вами день пробить
успѣетъ,

Подышитъ воздухомъ однимъ,

И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше
не ѣздохъ.

Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по
свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству
уголокъ!

Карету мнѣ, карету!

(*Уѣзжаетъ*).

Явленіе XV.

Тъ же, *кромѣ* Чацкаго.

ФАМУСОВЪ (*домое время
стоитъ въ остолбенѣніи*).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ
ума сошелъ?

Скажи серьезно!

Безумный! что онъ тутъ за чепуху
молодъ!

Низпоклонникъ! тесть и про
Москву такъ грозно!

А ты меня рѣшила съ уморить!

Моя судьба еще ли не плачевна!

Ахъ, Боже мой, что станетъ го-
ворить

Княгиня Марья Алексѣвна!

Н а р ѣ ж н ы й.

изъ романа: «Бурсаеъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БУРСА.

Блаженной памяти отецъ мой, дьячокъ Варухъ, Переяславскаго полка, въ селѣ Хлопотахъ, былъ великій мудрецъ въ наукахъ читать, писать и распѣвать на клиросѣ. Онъ такъ былъ громогласенъ, что когда въ часы веселые вздѣзетъ бывало на колокольню и завопитъ, то ревъ его былъ слышнѣе, чѣмъ звонъ главнаго колокола, и это звонарю крайне досадно было.

Какъ у Варуха, кромѣ меня, дѣтей не было, то онъ, презрѣвъ тогдашній обычай, чтобы не заставлятъ учить ничему дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста, принялся за меня по прошествіи шести лѣтъ съ такою ревностью, что въ двѣнадцать я уже читалъ и писалъ не хуже его и пѣлъ на клиросѣ на всѣ восемь гласовъ. Слава моя не мало утѣшала отца; но къ чести его скажу, что онъ симъ не ограничился и захотѣлъ сдѣлать меня, по словамъ его, настоящимъ человѣкомъ.

Онъ имѣлъ друга въ келейникѣ ректора переяславской семинаріи, и посему, запасшись рекомендательнымъ письмомъ отъ богатаго пана, прожи-

вающаго въ Хлопотахъ, къ сей высокой духовной особѣ, отправился со мной въ городъ, отстоящій отъ села верстъ на десять. Лѣто было въ половинѣ и день ясный.

— Неонъ!—сказалъ дорогою Варухъ,—когда ты будешь столько счастливъ, что дозволить тебѣ учиться въ семинаріи, то, смотри, не лѣнись, и Богъ тебѣ поможетъ. Тамъ-то будешь имѣть случай набраться всякой мудрости, о коей нашему брату и подумать страшно. Отличась въ наукахъ, ты можешь надѣяться—велика власть Господня! — надѣяться быть со временемъ въ какомъ-нибудь селѣ діакономъ! Посуди, какая честь, какая веселая жизнь!

Разсуждая такимъ образомъ, добрали мы до города, и я разинулъ ротъ отъ удивленія. Какія церкви, какіе дома, какіе сады и огороды! Проходя улицы, я поминутно дергалъ отца за полу, спрашивая „это что?“ Онъ молча продолжалъ путь, съ великою важностью, какъ будто ничто его не трогало. Это былъ субботній день, и народъ расходился отъ вечерень. Какое множество людей обоихъ половъ! какое великолѣпіе въ нарядахъ!

Подошедъ къ одной церкви, отецъ мой постучался у воротъ маленькаго домика.

— Это жилище хорошаго моего пріятеля, дьячка же, Варула, гдѣ мы переночуемъ и посоветуемся о нашемъ дѣлѣ.

Въ сіе время вышелъ къ намъ низенькій, толстый человѣкъ объ одномъ глазѣ. Онъ тотчасъ узналъ отца моего, оскалилъ зубы, поздоровался, ввелъ насъ въ свѣтелку и усадилъ на лавкѣ.

Когда Варулъ подробно узналъ намѣреніе Варухова относительно меня, то объявилъ, что оно очень не худо само по себѣ, но весьма худо потому, что вручить рекомендательное письмо отцу-ректору очень трудно.

— А келейникъ его высокопреподобія, всечестный Паисій, что такое? — вскричалъ отецъ мой.

— Ты, видно, давно съ нимъ не видался,—отвѣчалъ Варухъ,—теперь и всечестный Паисій, какъ и всѣ другіе, взялся за умъ, и кто приходитъ къ нему съ пустыми руками, для того и ректоръ не видитъ и не слышитъ.

— Подлинно, что худо,—сказалъ Варухъ, понизя голосъ и почесавши въ затылкѣ,—я и не зналъ, что старинный другъ мой такъ перемѣнился; правду, однако, сказать, что и мы, хотя также всечестные люди, а даромъ ни для кого и рта не разинемъ. Любезный другъ Варулъ! ссуди мнѣ рубль денегъ, такъ я поднесу его другу Паисію.

Варулъ, въ свою очередь, задумался и также, почесалъ въ затылкѣ. Наконецъ, глазъ его просвѣтлѣлъ, онъ протянулъ къ отцу моему руку и сказалъ:

— Изволь, другъ Варухъ, ссужу тебя деньгами; но я кое-что выдумалъ и надѣюсь, что тебѣ это будетъ непротивно. Возьми половину сихъ денегъ, ступай къ знакомой тебѣ шинкаркѣ Матридіи и купи добрую мѣру полпѣннику, да другую вишневки; я же побѣгу къ Паисію и приглашу его на ужинъ. На такіе зовы онъ не причудливъ и отказываться не охотникъ. Дорогою искуплю я на другую половину пару куръ, утку и гуся. Тутъ-то поговоримъ мы съ Паисіемъ о нашемъ дѣлѣ и, надѣюсь, не безъ успѣха;

а мы съ тобою будемъ имѣть тотъ барышъ, что и сами поѣдимъ и пошьемъ по-дьячковски.

Не для чего пространно рассказывать о пирушкѣ, происходившей въ домѣ Варула; за полными чарками заключенъ союзъ, цѣлью коего было опредѣленіе дьячковскаго сына Неона въ семинарію. Къ концу сего ночного празднества восторженные друзья, обнимаясь между собою и обнимая меня, поздравляли съ поповскимъ саномъ. На другой день отецъ Варухъ съ своимъ сыномъ представлены ректору, приняты благосклонно, и Неонъ получилъ дозволеніе набираться мудрости въ семинаріи и жить въ тамошней бурсѣ.

Есть многіе сельскіе и иногородные отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и пищу. Чтобы и таковымъ доставить посильные способы къ образованію, то, помощью владовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники — бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса.

Варухъ и Варуль ввели меня торжественно въ сей вертепъ премудрости и отрекомендовали консулу и будущимъ совоителямъ; а чтобъ я милостивѣе былъ принятъ, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ и благословія гривною денегъ, сказалъ:

— Неонъ! не печалься, другъ мой! Я оставлю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не крадь, — тогда ты угоденъ будешь и Богу, и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ. Каждый мѣсяцъ ты меня увидишь, или по крайней мѣрѣ обо мнѣ услышишь. Другъ мой Варуль не оставитъ тебя своею милостію. Прощай.

Обнявъ меня, оба друга удалились. Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами, когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище. Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазаннаго изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали сіе зданіе. Впереди имѣло оно обширный пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ, однако торчало на ономъ съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю, въ коемъ помѣщена и семинарія; лѣвая съ чѣмъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

Осмотрѣвъ сіе плѣнительное мѣсто, я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ

углу на лавкѣ, на своемъ ложѣ. Консуль—это былъ высокій, дородный, смуглый мужчина съ большими черными усами—лежалъ на лавкѣ, на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей, кои всѣ были гораздо возрастнѣе меня, человекъ съ четыре уже усаны для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты были различнымъ образомъ. Иной басыль ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой брячалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человекъ два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ; словомъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, при всемъ томъ одинъ другому не мѣшая.

Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесши съ собою полбарана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консуль сейчасъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ и, похвала напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны, куда и я, по данному знаку, вѣстѣ со всѣми ему послѣдовалъ. Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разсѣкли баранину на куски по числу братіи и начали стряпню. Между тѣмъ консуль, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою, не забывая своихъ собесѣдниковъ; прочіе, позади коихъ былъ и я, разлегшись на травѣ, точили балы, рассказывали сказки и присказки и производили самыя чудныя тѣлодвиженія. Видя, что консуль не дѣлалъ ихъ участниками въ осушиваніи баклагы, я у сосѣда своего спросилъ тому причину.

— Мы еще не имѣемъ на то права,—отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ,—ибо мы всѣ только этимологи, поэты и риторы, и оттого-то не смѣемъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, пить вино, курить табакъ и отрачивать усы. А какъ консуль Далматъ и его товарищи всѣ философы, то они на сіи преимущества имѣютъ всякое законное право.

Не понимая, что значать сіи неслыханныя мною слова, я замолчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть и слушать. Каша носпѣла, и котель поставленъ на лужайкѣ. Консуль съ своими товарищами сѣли около него, а прочіе составили второй кругъ; всякій вытащилъ изъ кармана длинную ложку и началъ упражнять свои челюсти, сколько было силы. Хотя отецъ мой и забылъ снабдить меня ложкою, но консуль приказалъ младшему изъ бурсаковъ дѣлиться со мною своею. Котель опорожненъ; всѣ удалились въ бурсу и легли на лавкахъ. Я также растянулся на своемъ мѣшкѣ и скоро уснулъ крѣпко.

На слѣдующее утро консуль, сопровождаемый своими подчиненными, отправился въ семинарію и представилъ меня префекту. Это былъ преважный протопопъ и составлялъ второе лицо послѣ ректора. Меня отвели въ надлежащій классъ, гдѣ и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менѣе нежели въ часъ прозорливый учитель, католическій монахъ, догадался, что я церковныя книги читалъ столько же проворно и внятно, какъ стихарный дячекъ, а посему дальнѣйшее въ семъ упражненіе признано излишнимъ, а совѣтовали мнѣ всѣми силами налечь на изученіе языковъ латинскаго и польскаго. Передъ полуднемъ раздался на дворѣ

семинарскомъ звонъ колокола; учитель и ученики поднялись съ мѣсть, и первый далъ мнѣ знакъ приблизиться къ нему и протянуть обѣ руки, распрямля ладони. Я исполнилъ, и наставникъ съ улыбкою удовольствія влѣпилъ въ каждую ладонь по полудюжинѣ рѣзкихъ ударовъ деревянною лопаткою. Послѣ сего пропѣта торжественно молитва, и всякій пошелъ домой, а я въ бурсу. Дорогою нагналъ меня одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Касторъ, которому со слезами разсказалъ я о наказаніи, невинно полученномъ отъ учителя.

— Другъ мой,—сказалъ онъ засмѣявшись,—ты еще новъ и неопытенъ. Дюжина добрыхъ ударовъ, тобою полученныхъ, совсѣмъ не есть знакъ учительскаго гнѣва, а, напротивъ, доказательство особеннаго благоволенія. Здѣсь теперь такое заведеніе, чтобы всякаго ученика, вступающаго въ сей храмъ мудрости, приучать къ кротости и терпѣнію. Хотя обыкновеніе сіе почти ни одному новичку не нравится, но къ нему привыкаютъ, а особливо, зная, что количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть скорѣе дьякономъ, или и попомъ.

— Но,—говорилъ я, подумавши,—отецъ мой сказывалъ, что въ семинаріи обучается много дворянскихъ и купеческихъ сыновей, которые никогда не думаютъ быть ни дьяконами, ни попами.

— О,—сказалъ товарищъ,—на такихъ наше начальство не обращаетъ никакого вниманія. Впрочемъ, замѣть, Неонъ,—я по дружбѣ тебѣ это открою,—если ты будешь терпѣливъ, послушенъ и совершенно преданъ волѣ учителя, то испытаніе сіе продлится недолго; въ противномъ случаѣ оно будетъ безконечно, и ты въ тридцать лѣтъ будешь не что другое, какъ сельскій дьячекъ, сколько бы ученъ ни былъ. Обладая же помянутыми мною добродѣтелями, ты скоро получишь выгодное мѣсто.

Разговаривая такимъ образомъ, вступили мы въ бурсу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СПОСОБЫ КЪ СОДЕРЖАНІЮ.

Привыкши у отца никогда желудокъ не доводить до ропота, я крайне запечалился, не видя и слѣда обѣда; но вспомня, что у меня въ карманѣ цѣлая гривна, я тотчасъ сдѣлалъ планъ къ удовлетворенію алчбы и, вышедъ изъ бурсы, опрометью бросился къ площади, граничащей съ семинарією, гдѣ поутру еще мелькомъ замѣтилъ множество торговыхъ съ хлѣбомъ разнаго званія. Я купилъ за цѣлую копѣйку большую булку и принялся насыщать себя съ великимъ удовольствіемъ; еще добрый ломоть оставался въ рукѣ моей, когда вступилъ я въ свою обитель. Не мало испугался я, взглянувъ на консула. Онъ ходилъ по сараю большими шагами и, оборотясь ко мнѣ, спросилъ свирѣпнымъ голосомъ:

— Гдѣ былъ ты, негодница?

Съ трепетомъ показалъ я остатокъ булки и не могъ промолвить ни одного слова, сколько отъ испуга, столько и отъ того, что ротъ былъ полонъ.

— Понимаю!—вскричалъ онъ,—сей бунтовщикъ, никому не сказавшись,

ходить на рынокъ. Ликторы, сейчасъ нарѣжьте два пука крапивы и накажите виновнаго!

Двое изъ бурсаковъ, которыхъ называли риторамн, бросились въ бурьянъ и вмгъ возвратились съ пучками зрѣлой крапивы, двое другихъ кинулись на меня, повалили на полъ и разоблачили, а первые двое начали хлестать весьма исправно. Я кричалъ, какъ отчаянный; но они не прежде выпустили меня изъ рукъ, пока не увидѣли, что крапива измочалилась. Уединясь въ темный уголокъ, я плакалъ неутѣшно. „Если такими средствами,—думалъ я,—приобрѣтается премудрость, столько прославляемая отцомъ моимъ, то пропадай она, негодная. Въ тысячу разъ лучше оставить всю надежду быть когда-либо дьякономъ, чѣмъ безпрестанно пробовать на себѣ дѣйствіе лопатокъ учительскихъ или крапивныхъ прутьевъ отъ какихъ-то ликторовъ“.

Быть можетъ, я и надолго остался бы въ такомъ пасмурномъ положеніи, если бы не разсѣялъ меня вошедшій бурсакъ Касторъ, котораго за веселый нравъ полюбилъ я съ перваго раза.

— Что это значить, Неонъ,—спросилъ пріятель,—что ты и до сихъ поръ печалишься о бездѣлицѣ? Повѣрь, другъ мой, что такія проишествія не заслуживаютъ вниманія.

Вмѣсто отвѣта я показалъ ему спину.

— Да,—продолжалъ онъ съ важностью,—ты изрядно исписанъ, но это пройдетъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ.

Когда я жаловался, что консулъ во зло употребляетъ возрастъ свой, силу и право пить вино, курить табакъ и носить усы, Касторъ сказалъ мнѣ:

— Напрасно такъ думаешь, пріятель, и видно не знаешь нашихъ постановленій. Послушай же: почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами или бѣгунами, которые употребляютъ на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь—простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено!—Если бы консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ и наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожемъ, обращаетъ въ званіе сенатора. За то и консулъ имѣетъ свои выгоды и преимущества. Именно: если кто провинится изъ насъ, но немного, какъ, напримѣръ, сегодня ты, то онъ одинъ своею властью опредѣляетъ мѣру наказанія; въ случаѣ же вины важной, онъ созываетъ сенатъ и съ нимъ вмѣстѣ разсуждаетъ о дѣлѣ и произноситъ кару. Кромѣ одежды и обуви, у насъ все общее и хранится въ каморкѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула. Главный промыселъ нашъ состоитъ въ пѣніи подъ окнами мірянъ церковныхъ пѣсенъ, или—если кто столько смышленъ—въ проворствѣ рукъ. Мы получаемъ мукою, свиннымъ саломъ, птицами, зеленью разнаго рода и отчасти деньгами, которыя обыкновенно переходятъ отъ насъ въ руки шинкар-

ки Мастриди, торгующей вблизи отъ насъ. По симъ осюваніямъ самыми злыми преступленіями почитаются у насъ, если кто изобличенъ будетъ въ утайкѣ хотя одной добытой копѣйки, или попадется въ сѣти въ ручномъ промыслѣ“.

Такъ повѣдалъ Касторъ о законахъ сего малаго Рима, какъ прибѣжалъ целеръ съ объявленіемъ, что каша готова.

— Инъ, пойдемъ, Неонъ, — сказалъ Касторъ, вытаскивалъ изъ кармана ложку.

— Спасибо за ласку, — отвѣчалъ я, — пропадайте вы всѣ и съ кашею; мнѣ ѣсть не хочется!

— Упаси тебя, угодникъ Божій, соименитый тебѣ Неонъ, нейти со мною! Развѣ тебѣ хочется еще разъ быть сѣчену?

— А за что?

— За то, что не хочешь съ нами ѣсть каши; это значило бы противиться уставамъ общества, о чемъ ужасно и помыслить.

Нечего было дѣлать: я участвовалъ въ общей трапезѣ, а послѣ въ купаньѣ и отдыхѣ. Но лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула:

— Ребята, на работу!

Тотчасъ четыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другого. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другого изъ прочей ватаги, и вмигъ къ каждому мѣшеоносцу присоединились по нѣсколько риторовъ, поэтовъ и инфимовъ. Я попалъ подъ команду Сарвила, философа веселаго, но весьма вспыльчиваго, такъ что, кромѣ сенаторовъ, всѣ въ бурсѣ его трепетали. Отряды сіи двинулись въ молчаніи, и младшіе шли впереди, за ними старшіе, а ходъ заключался философомъ. Какъ скоро прошли мы свой пустырь, то раздѣлились на четыре части, и каждая небольшая шайка сія пошла по особой улицѣ. Мы шли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію, повертывая голову направо и налево. По приказанію его, мы остановились подъ окнами одного виднаго дома, и онъ, подзававъ меня, сказалъ:

— Это домъ зажиточнаго купца, поди спроси.

Опрометью устремился я къ воротамъ, отворилъ калитку и вошелъ въ большой дворъ. У самага входа въ домъ стоялъ большой столъ, за коимъ сидѣли: хозяинъ—судя по платью,—жена его и дѣти, и всѣ полдничали. Снявъ бриль, съ робостію подошелъ я къ столу и трепещущимъ голосомъ сказалъ хозяину:

— Тебя приказано спросить.

— О чемъ и кто?

— Философъ Сарвиль, а о чемъ, не знаю.

Купецъ и жена его улыбнулись, а дѣти захохотали.

— Твой философъ, — сказалъ хозяинъ, — повидимому, не весьма разумный человекъ, что посылаетъ спросить у меня, не сказавши о чемъ. Гдѣ этотъ философъ?

— За воротами!

— Такъ поди же ты, спроси, чего онъ отъ меня хочетъ?

Я выбѣжалъ на улицу, и на вопросъ, что сказалъ хозяинъ, отвѣчалъ съ потупленными глазами:

— Онъ сказалъ, что ты, повидимому, не весьма разумный человекъ, когда послалъ меня спросить у него, не сказавши о чемъ.

Философъ заскрипѣлъ зубами.

— Ахъ, ты проклятый!—вскричалъ онъ и такую отвѣсилъ мнѣ пощечину, что у меня глаза ушли подъ лобъ, и я опрокинулся на землю.

— Поди ты, — сказалъ онъ другому бурсаку,—и спроси.

Сей бросился, какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и воззвалъ громогласно; „дозволяется“.

Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ и стали полукругомъ около стола сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила, такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтанули, и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ объялъ меня. Представъ себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мужчину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами. Трещеца всѣмъ тѣломъ, я вообразилъ: что будетъ со мною, если сей ужасный философъ дастъ другую пощечину? Я погибъ не возвратно!—Тутъ не могъ я удержать слезъ и утиралъ ихъ кулаками.

Концертъ конченъ. Сарвилъ, подойдя къ самымъ хозяевамъ, протянулъ руку и проговорилъ рѣчь, которую кончилъ желаніемъ хозяину и хозяйкѣ съ чадами и домочадцами счастья и многолѣтія. Едва замолелъ онъ, какъ вся ватага воскликнула многія лѣта.

Когда все утихло, то ласковый хозяинъ поднесъ философу большую чарку водки и сунулъ въ руку сколько-то денегъ; по приказанію хозяйки, въ нашъ мѣшокъ высыпана мѣрка гороха, впущена часть свинины и оставшіяся отъ полдника большой кусокъ жареной говядины.

Когда философъ низко кланялся хозяевамъ, призывая на домъ ихъ благословеніе Божіе, хозяйка, подзвавъ меня, спросила весьма ласково:

— О чемъ плачешь, мальчикъ?

— О томъ,—отвѣчалъ я, взглянувъ на Сарвила,—что не зналъ, зачѣмъ былъ сюда посланъ.

— Развѣ тебя за это побранили?

— Побили и весьма больно!

— Это нехорошо,—сказала она Сарвилу,—и тебѣ бить такого мальчика даже стыдно.

Послѣ сего она, взявъ со стола небольшой пирогъ, подала мнѣ, сказавъ:

— Поѣшь, голубчикъ, и не плачь.

Мы торжественно отправились на улицу. Въ то мгновеніе, какъ услышалъ я стукъ запертой калитки, къ величайшему удивленію почувствовалъ, что вишу въ воздухѣ на аршинъ отъ земли и верчусь кругомъ; невидимая рука держала меня за пучокъ, и ловкій ударъ поразилъ по макушкѣ. Я поднялъ такой пронзительный вопль, что демонъ, меня истязавшій, оу-

тилъ на землю и поставилъ на ноги. Едва я могъ стоять. Вдругъ слышу голосъ:

— Какой ты безсовѣстный студентъ, что такъ мучишь безвиннаго малаго!

Это былъ голосъ ласковаго купца

— Постой,—продолжалъ онъ,—я сейчасъ иду къ ректору и посмотрю, какъ онъ разсудитъ объ этомъ поступкѣ.

Философъ перемѣнился въ лицѣ и стоялъ неподвижно. Хотя для меня и ужасенъ былъ Сарвилъ, и, конечно, не худо было бы, если бы его порядкомъ пощуняли, но имя ректора было для меня еще ужаснѣе. Посему я отведенъ былъ въ бурсу и отданъ консулу, коему объявлено безчеловѣчїе, оказанное мнѣ моимъ полководцемъ. Консулъ обѣщалъ воздать удовлетвореніе и, по выходѣ добраго купца, легъ на свой войлокъ и закурилъ трубку, не говоря мнѣ ни слова и даже не глядя на меня.

По закатѣ солнечномъ, всѣ четыре ватаги наши почти въ одно время возвратились. Кисы ихъ были довольно наполнены, и когда все осмотрѣно и деньги вручены консулу, то онъ отвелъ въ уголь Сарвила и началъ съ нимъ шептаться. По прошествїи малаго времени, консулъ громко произнесъ:

— Не правда ли, братцы, что для перемѣны въ пищѣ не худо было бы на вечеръ сварить кашу тыквенную.

Всѣ одобрили такое предложеніе. Тогда онъ возгласилъ:

— Неонъ, Памфилъ, Епифанъ и Аверкій залѣзутъ въ ближайшій огородъ и будутъ рвать тамъ тыквы и что попадется, ибо все устроено на потребу человѣка, а риторы, Максимъ и Лукьянъ, станутъ у забора съ мѣшками для принятїя добычи.

Когда смерклось, то будущіе мои товарищи въ семь ночномъ подвигѣ начали приготавливаться, т.-е. скинули халаты и засучили рукава. Хотя для меня крайне было ново и отвратительно такое художество, но что будешь дѣлать. Я приготовился по ихъ примѣру, и всѣ отправились на мѣсто атаки. Риторы, яко старшіе, назначили каждому изъ насъ мѣсто, гдѣ должно перелѣзть плетяной заборъ, и мы мигомъ очутились на огородѣ.

Случись же, что передо мною простирались гряды съ арбузами, дынями и огурцами. Давненько не случалось мнѣ отвѣдывать плодовъ сихъ, и разсчитавъ, что добычи трехъ моихъ сотрудниковъ достаточно будетъ на всю нашу ученую шайку, я, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ забора, сѣвши на грядѣ, началъ насыщаться огурцами, предположивъ, по окончанїи сей первой потребности, сорвать пару хорошихъ арбузовъ и дынь и предаться съ ними бѣгу. Когда огурцы уже болѣе не шли мнѣ въ горло, то я, оторвавъ по преднамѣренїю по нарѣ арбузовъ и дынь, хотѣлъ встать; но не тутъ-то было: нога моя была прикована къ землѣ. Ужасъ объялъ меня, и я испустилъ рѣзкій вопль. Товарищи мои, какъ прахъ, разсѣялись, и изъ борозды, подлѣ самыхъ ногъ моихъ, поднялся преужасный мужчина съ страшными усами. Я оцѣпенѣлъ и сидѣлъ на грядѣ неподвижно.

— Какъ осмѣлился ты,—спросилъ онъ грозно,—молодой мошенникъ, залѣзть въ огородъ сей и дѣлать въ немъ такое опустошенїе? Кто ты?

Придя понемногу въ чувство, я всталъ, поклонился ему въ ноги и разсказалъ всё похождение, случившіяся въ сей несчастный день до настоящей минуты.

— О, проклятые бурсаки!—вскричалъ онъ,—вы для огорода моего гибельнѣе, чѣмъ воробы и грачи для вишневаго саду! Но мнѣ тебя жаль! Ты еще молодъ, можетъ быть, рожденъ съ честными склонностями, а понавшись въ скопище воровъ и мошенниковъ, рано или поздно, непременно сдѣлаешься изряднымъ плутомъ. Хотя я тебя и прощу, но все товарищи приколотятъ тебя до полусмерти. Пстой! я нашелъ средство избавить тебя отъ бѣды; но только дай мнѣ слово никогда не посѣщать моего огорода. Когда захочешь полакомиться арбузомъ, или дынею, приходи явно въ домъ мой—вотъ въ концѣ огорода—и попроси; никогда не откажу. Если же еще коймаю на воровствѣ, то пребольно высѣку, а въ бурсѣ и того болѣе тебѣ достанется. Поди, перелѣзь черезъ заборъ и жди меня, а я сорванные тобою арбузы и дыни передамъ тебѣ. Когда тебя спросятъ о причинѣ произнесеннаго вопля, то скажи, что въ ногѣ сдѣлалась судорога, и ты, не могши встать, боялся быть пойманъ. Ступай съ Богомъ! помни, имя мое Дюмидъ, по прозванію Король.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Когда я подошелъ къ берегу рѣки, то при свѣтѣ разложеннаго огня увидѣлъ полный сенатъ, собранный для моего сужденія. Примѣтивъ меня, всё подняли смѣшанный вопль; но когда я подошелъ къ огню ближе и консулъ усмотрѣлъ мою добычу, то радостно вскрикнулъ и спросилъ:

— Какимъ чудомъ вырвался ты изъ рукъ лукаваго хозяина?

— Я никогда и пойманъ не былъ!

— Отчего же такъ горестно возопилъ, что всё товарищи твои разбѣжались?

— Вольно имъ было разбѣжаться; а я вскрикнулъ отъ внезапной боли въ ногѣ, въ коей оказались судороги. По окончаніи оныхъ, я всталъ съ своею добычею и счастливо переправился черезъ заборъ. Я принесъ бы всякой всячины гораздо больше, но не въ чемъ было, а въ пазухѣ и въ рукахъ никакъ нельзя болѣе.

— Вѣрю,—отвѣчалъ ласково консулъ,—но и сего довольно. Впередъ только будь осторожнѣе и пустяками не пугай товарищей.

Послѣ ужина всё улеглись; но происшествія дня сего были для меня такъ диковинны, что голова кружилась, и я не могъ заснуть гораздо за полночь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Н Е У Д А Ч И.

На другой день явился я въ классѣ. Помня вчерашніе Кастановы разсказы, что здѣсь бьютъ по рукамъ лопатками за излишнее вниманіе и прилежность, я рѣшился избѣжать сей лестной награды и началъ безпрестанно вертѣться на скамейкѣ, толкать товарищей, безъ всякой нужды кашлять,

чихать и дѣлать всякія непотребства. Учитель только смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Когда урочное время прошло, то онъ попрежнему подозвалъ меня къ себѣ, велѣлъ протянуть руки и разнять ладони; послѣ чего влѣпилъ въ каждую по дюжинѣ уже ударовъ лопаткою. По пропѣтіи молитвы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

— Что за диковинная вещь,—говорилъ я со слезами, потирая горящія ладони,—за прилежаніе бьютъ и за лѣность бьютъ! Видно, товарищъ мой Касторъ самъ ничего не знаетъ. Нечего уже у него болѣе и спрашивать, кромѣ развѣ объ уставахъ бурсы!

Точно такъ прошли остальные три дня въ недѣлѣ; но какъ я—сколько малолѣтень ни былъ—догадался, что если уже необходимо должно быть биту, то пусть лучше бьютъ за прилежаніе и успѣхи, нежели за лѣность и невѣжество: „почему знать,—думалъ,—можетъ быть, за это скоро удостоенъ буду въ діаконы!“

На семь основаніи я сдѣлался столько прилеженъ, внимателенъ, рачителенъ ко всему, преподаваемому въ классѣ, что не могъ бы увеличить сихъ качествъ, хотя бы отбили лопатками обѣ руки по самыя локти; но, въ великому моему удивленію и горести, удары каждый день увеличивались, такъ что къ субботѣ ладони мои распухли, какъ подушки. Въ сей роковой день, по окончаніи класснаго ученія, двое сторожей внесли скамейку и поставили по срединѣ комнаты, другіе двое явились съ пучками лозъ. По мановенію наставника, они схватили меня, разложили на скамьѣ и начали оказывать удалство свое.

Нѣтъ! это уже не крапивные удары въ бурсѣ!

Разумѣется, что я вопіялъ, сколько силъ доставало, призывалъ всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей неповинности,—тщетно: удары сыпались градомъ, и вскорѣ я не могъ уже кричать. Истязаніе прекращено; я снятъ со скамьи и, одѣтый, подведенъ къ наставнику; но какъ не могъ держаться на ногахъ, то два сторожа меня поддерживали. По данному знаку всѣ школьники удалились, и тогда учитель взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, произнеся:

— Я тобою весьма доволенъ, Неонъ Хлопотинскій! Ты учился весьма прилежно, велъ себя скромно, и въ теченіе всей седмицы доказалъ примѣрное терпѣніе и послушаніе,—добродѣтели, необходимыя для всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе. Сей день есть послѣдній день твоего испытанія. Продолжай учиться съ возможнымъ раченіемъ, веди себя скромно и честно, повинуйся установленнымъ надъ тобою властямъ, и ты будешь счастливъ. Я уже наказалъ твоему консулу, чтобы онъ имѣлъ особенное за тобою наблюденіе. Вотъ тебѣ злотый*). Употреби его на сродныя лѣтамъ твоимъ лакомства. Я буду имѣть особенное къ счастью твоему вниманіе. Прощай и иди съ миромъ!

Я поцѣловалъ руку сего пастыря, всталъ, вышелъ и въ одинъ мигъ выбѣжалъ за монастырскія ворота. Вертясь на незабвенной скамейкѣ, я

*) 20 копѣекъ серебромъ, польская монета.

думаль, что не скоро въ силахъ буду и ползать, а теперъ сдѣлался столь твердъ на ногахъ и крѣпокъ во всемъ тѣлѣ, что могъ скакать, какъ жеребенокъ. На рынкѣ купилъ я двѣ булки, одну для себя, а другую для Кастора, ибо въ продолженіе цѣлой недѣли онъ болѣе всѣхъ оказывалъ мнѣ доброхотства.

Съ сего самаго времени консулъ Далмать и сенаторы обходились со мною милостивѣе противу прежняго. Ученіе, отдыхъ, пѣніе по дворамъ и подъ окнами—все шло наилучшимъ образомъ. Когда моимъ начальникамъ приходило въ голову полакомиться арбузами или дынями съ огорода нашего сосѣда и я назначаюсь былъ въ числѣ прочихъ рыцарей къ сему завоеванію, то всегда отговаривался неудачею первой попытки, происшедшей отъ судорогъ въ ногахъ. Казалось, они довольны были моими причинами. Однако же, помня благодареніе, оказанное мнѣ Діомидомъ, я жалѣлъ объ убыткахъ, какіе причиняли ему мои товарищи, и рѣшился быть благодарнымъ.

[По окончаніи бурсы Неонъ отправился служить къ двору гетмана].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЕТМАНЪ И ДВОРЬ ЕГО.

Поутру всѣ въ домѣ занялись дѣлами: Ермилъ поѣхалъ на базаръ съ возомъ садовыхъ плодовъ и огородныхъ овощей; Король скрылся, не сказавъ, куда и зачѣмъ; Глафира начала стряпать, а я съ Мукономъ и Неонила съ Анною отправились за разными покупками; въ полдень всѣ собрались вмѣстѣ. Въ привезенный мною шканъ уложены платья; въ небольшомъ ларчикѣ спрятаны деньги и дорогія вещи; въ особенномъ сундучкѣ находились женины снадобья, какъ-то: нитки, шелки, иголки и проч.; словомъ, мы спальню свою убрали такъ, какъ прилично семейнымъ людямъ. Вечернее время проведено въ саду вмѣстѣ съ хозяевами, изъ коихъ каждое лицо, не исключая и четырехлѣтняго сына Муконова, старалось намъ услуживать, сколько было силъ у каждаго. Послѣ ужина Король сказалъ:

— Черезъ два дня, въ наступающее воскресенье, ты увидишь, Неонъ, въ церкви нашего великаго гетмана Никодима. Онъ будетъ во всемъ блестя и великолѣпно, Другъ мой! заклинаю тебя моею неизмѣняемою дружбою, полюби сего державнаго старца, при лицѣ коего служить намъ бреваешься. Такъ! онъ сдѣлалъ мнѣ немало зла, но онъ дѣйствовалъ, какъ оскорбленный отецъ и повелитель. Я охотно его прощаю и сдѣлаю еще болѣе: я стану сражаться подъ его начальствомъ, ибо знаю, что знамена, его осѣняющія, суть знамена моего отечества. Сколько противенъ мнѣ Никодимъ лично, столько священно для меня его званіе—гетмана всей Малороссіи. Неонъ! привяжись къ нему сердцемъ твоимъ и съ его пользами соедини неразрывными узами свои пользы.

Такъ говорилъ Король, и взоры его казались воспламененными. Я приступилъ, было, къ нему съ вопросами, но онъ удалился, сказавъ:

— Чтò ясно, то не требуетъ поясненій.

Не знаю почему, но я охотно согласился съ его мыслями, ибо чувствовалъ, что онѣ не есть цѣль какого-либо честолюбія, или своекорыстія, но побужденіе одной любви къ отечеству, стенающему подъ игомъ иноплемениннмъ.

Насталъ первый день сентября, день воскресный, день новаго лѣта¹⁾, день рожденія гетманова, коему исполнилось тогда шестьдесятъ два года. Сколько причинъ къ торжествамъ всякаго рода! Я одѣлся въ богатое кармазинное платье, подаренное нѣкогда Мемнономъ; Неонилла нарядилась въ золотое парчевое. Она была такъ прелестна въ моихъ даже глазахъ, что, казалось, будто въ первый разъ вижу нимфу Овидіеву. Примѣтная округлость стана дѣлала ее въ глазахъ моихъ драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ. Кроткая, милая Мелитина, если иногда и приходила на мысли, то на одну только минуту, и то въ видѣ какого-то воздушнаго явленія.

Король, отпуская меня съ Неониллою, Ермиломъ и Мукономъ въ церковь, затуманился, и слезы навернулись на глазахъ его. Я не утерпѣлъ спросить, что за причина такой чувствительности.

— Сынъ мой!—сказалъ онъ вполголоса,—позволь назвать тебя симъ именемъ, въ награду моей любви къ тебѣ, Неонъ, ты увидишь гетмана, увидишь человѣка, котораго и я любилъ нѣкогда, какъ отца своего! Я хотѣлъ бы тебѣ сопутствовать, но не долженъ. Сила закона всегда священна для неприступныхъ. Меня выслали изъ Батурина для того, чтобы появленіе мое не огорчало взоровъ гетмана. Довольно дерзости съ моей стороны, что прибылъ въ сей городъ; зачѣмъ же казаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ извѣстно мнѣ, непремѣнно будетъ повелитель?

Пришедъ въ соборную церковь, мы увидѣли чрезмѣрное стеченіе народа. Великолѣпіе блистало со всѣхъ сторонъ. Уставивъ Неониллу среди женщинъ²⁾, я постарался найти себѣ мѣсто поближе къ тому, гдѣ становится глава народа. Оно устлано было богатымъ ковромъ и осѣняемо сверху покровомъ малиноваго бархата съ золотою бахромою и такими же кистями. Вскорѣ суетливость духовенства и народа возвѣстила прибытіе великаго гетмана. Молчаніе распростерлось повсемѣстное. Сначала показалось около полусотни тѣлохранителей, одѣтыхъ въ богатые черкески; они послѣдуемы были важными чиновниками въ блестящемъ убранствѣ, за коими слѣдовалъ державный старецъ. Стопы его были медленны, величіе блистало во взорахъ, возвышенный ростъ и стройная осанка отличали его отъ всѣхъ прочихъ. Шествіе заключалось знатнѣйшими гражданами Батурина и другихъ городовъ Малороссіи. Когда гетманъ проходилъ мимо меня, я почтительно преклонилъ голову и потупилъ глаза въ землю; однако-жъ, сіе положеніе не мѣшало мнѣ примѣтить, что Никодимъ кинулъ на меня благосклонный взоръ и сдѣлалъ легкое трясеніе головою. Во время священнодѣйствія, хотя

¹⁾ Извѣстно, что до 1701 года новое лѣто начиналось 1-го сентября.

²⁾ Въ Малороссіи и до сего времени большею частію сохраняется обычай, чтобы въ церквахъ женщины стояли отъ мужчинъ отдѣльно.

я усердно молился Господу Богу, благодаря Его за всѣ блага, столь нечаянно и незаслуженно на меня излитыя, однако, сіе не мѣшало мнѣ почти безпрестанно смотрѣть на гетмана и ловить каждый изъ его взоровъ. По окончаніи богослуженія онъ вышелъ изъ храма тѣмъ же порядкомъ, какъ и вошелъ. Я вмѣшался въ толпу его провожающихъ и послѣдовалъ за нимъ до крыльца церковнаго. Тутъ подвели ему богато-убраннаго коня; онъ сѣлъ и, окруженный тѣлохранителями, медленно возвращался въ свои палаты при пушечномъ громѣ и колокольномъ звонѣ. О, какъ наружное великолѣпіе и блескъ умножаютъ въ насъ благоговѣніе къ державнымъ особамъ! Какая разница между гетманомъ, окруженнымъ своими тѣлохранителями, сопровождаемымъ знатнѣйшими лицами и безчисленнымъ множествомъ народа, и консуломъ переяславской бурсы посреди своего сената окруженнымъ ликторами и целерами, хотя и послѣдняго власть довольно значительна на своемъ мѣстѣ!

Соединясь съ Неонилою и своими спутниками, я собирался отправиться домой, какъ подошелъ ко мнѣ незнакомецъ и сказалъ откровенно:

— Великій гетманъ Никодимъ обратилъ на тебя высокое вниманіе и желаетъ знать, кто ты, откуда и зачѣмъ прибылъ въ столицу?

Будучи гораздо прежде наученъ Королемъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, я отвѣчалъ непринужденно:

— Имя мое Неонъ, по прозванію Хлопотинскій, по мѣсту рожденія принадлежу я переяславскому полку. Отецъ мой былъ шляхтичъ и умеръ въ походѣ противъ татаръ, матери также я лишился, а пріѣхалъ въ Батуринь посвятить себя на службу отечеству и желалъ бы опредѣлиться въ полкъ гетманскій.

Получа сей отвѣтъ и распрося о мѣстѣ моего жительства, незнакомый удалился, и мы возвратились домой.

На другой день всѣ принялись за работу. Неонила, отобравъ платья своей матери, атласныя, бархатныя и парчевыя, нашла, что они, несмотря на ея беременность, гораздо широки, почему и начала передѣлку по своимъ дѣвическимъ платьямъ. Сидя подлѣ нея, я читалъ вслухъ Патеріеъ, Минеи-четы и другія церковныя книги, ибо достать свѣтскихъ на польскомъ языкѣ нельзя было иначе, какъ покупкою на ярмаркахъ, бывающихъ въ Батуринь два раза въ году, по зимѣ и по лѣту. Король большею частію находился въ саду, гдѣ помогалъ Ермилу и Мукону собирать остатки плодовъ и овощей и училъ обоихъ, какъ сохранять оныя безъ вреда до новыхъ. Такъ прошло время въ продолженіе недѣли, и въ воскресный день я и Неонила, въ сопровожденіи попрежнему Ермила и Мукона, отправились въ церковь. По совѣту Короля, я и жена моя одѣлись гораздо простѣе противу прежняго. Гетманъ также былъ во храмѣ въ одѣяніи, мало отличающемъ его отъ высокыхъ сановниковъ. Онъ замѣтилъ меня и, возвращаясь изъ церкви, сказалъ мимоходомъ одному изъ сопутствовавшихъ войсковыхъ старшинъ: „Представь ко мнѣ сего молодого человѣка во дворцѣ“. Мгновенно четыре тѣлохранителя окружили меня, и я—едва успѣвъ ска-

зять Неониллѣ: ступай домой и жди меня,—долженъ былъ идти съ ними по слѣдамъ гетмана.

Войдя во дворецъ, я могу сказать, что не былъ ослѣпленъ великолѣпнѣемъ онаго. Блескъ и богатство, всюду мною видѣнные, были такъ велики, что я сейчасъ рѣшился ни на что не обращать особеннаго вниманія и тѣмъ предохранить себя отъ неизбѣжнаго замѣшательства и насмѣшекъ.

Гетманъ съ приближеннѣйшими своими удалился во внутренніе покои, а я остался въ огромной комнатѣ, гдѣ множество знатныхъ людей, малороссіянъ, черноморцевъ и поляковъ, въ блестящихъ одеждахъ, взадъ и впередъ разгуливали. Иные были веселы и молили всякій вздоръ; другіе задумчивы и неохотно отвѣчали на дѣлаемые вопросы; третьи попарно, или по три и по четыре человѣка, отойдя въ уголь, шептались между собою, четвертые—казавшіеся совсѣмъ безъ нрава и занятія—похаживали важно по комнатѣ, смотрѣлись въ зеркала, закручивали усы, полуобнажали сабли и явно всѣмъ рассказывали, какихъ трудовъ стоило имъ изученіе искусства биться на поединкахъ, за то и сдѣлались они совершенными наѣздниками. Между тѣмъ, придворные служители набрали большой столъ и устали оный водками, винами и разными кушаньями, какихъ прежде я не видывалъ. Все многолюдство обратилось къ сему привлекательному предмету,—да, правду сказать, и время такое было. Одинъ я, не смѣя даже шевельнуться, и подавно не осмѣливался приблизиться къ цѣли общаго обольщенія, а стоялъ у окна, какъ на горячихъ угольяхъ. Вдругъ входитъ странный человѣкъ, который привлекъ все мое вниманіе. Лѣтами казался немного моложе гетмана. Росту былъ нѣсколько ниже малаго, но за то плотенъ, даже толстоватъ, и одѣтъ великолѣпно. Верхнее платье его было бархатное; правая сторона краснаго цвѣта и вышитая серебромъ. Сапогъ на правой ногѣ былъ черный съ преогромною серебряною шпорой, на лѣвой—красный—съ такою же золотою; парчевый поясъ унизанъ былъ жемчугомъ и камнями.—Едва показался онъ въ комнату, какъ со всѣхъ сторонъ поднялся вопль: „Куфій, Куфій! милости просимъ!“—Куфій поворачивался на всѣ стороны, подавалъ съ благосклоннымъ видомъ руки свои то тому, то другому и, дойдя въ такомъ торжествѣ до стола, опорожнилъ золотой кубокъ водки. Послѣ чего, разгляда ужасные усы, висѣвшіе на цѣлую четверть ниже челюстей, сказалъ:

— Что слышно новаго?

— Кому лучше и скорѣе знать всякую новость, какъ не тебѣ, Куфій?—отвѣчали знатнѣйшіе изъ присутствующихъ.

— То-то и диво,—говорилъ Куфій,—что я сегодня въ немилости. Когда проснулся, то гетманъ былъ уже въ церкви, а теперь онъ такъ пасмуренъ и дикъ, что лишь только я показался, сейчасъ приказано выйти и безъ особеннаго позволенія къ нему не являться.

— Вотъ, подлинно, новости!—вскричали многіе,—бѣдный Куфій!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сей,—Куфій не такъ-то бѣденъ, какъ вы думаете! Берегитесь, чтобъ кому-нибудь изъ васъ не быть въ накладѣ!

— Съ кѣмъ теперь гетманъ?

— Съ однимъ Еварестомъ, полковникомъ Стародубскимъ. Но кто этотъ молодой казакъ, у окна стоящій? Какъ онъ зашелъ сюда? Для чего не пригласите вы и его къ завтраку?

— Это,—сказаль польскій сановникъ,—повидимому, какой-нибудь малороссійскій шляхтичъ, который пріѣхалъ ко двору предложить посильныя услуги, лишь бы его одѣли, дали клячу и кусокъ чернаго хлѣба.

— Все не мѣшаетъ, панъ Казиміръ,—сказаль Куфій.—Пусть онъ и нищій дворянинъ, но какъ скоро Господь Богъ сподобилъ его взобраться въ чертоги своего гетмана, то не долженъ выйти изъ нихъ съ засохшимъ горломъ и пустымъ желудкомъ. Ахъ! сколько нашъ старый простакъ Никодимъ питаетъ польской саранчи, которая за его же хлѣбъ-соль надъ нимъ издѣвается и строить козни!

Съ сими словами онъ налилъ золотой кубокъ какого-то напитка, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Будь веселѣе, молодець: ты въ домѣ честнаго старика Никодима. Выпей и ступай къ столу. Не смотри, пожалуй, на этихъ польскихъ хвастуновъ и подражателей ихъ, безмозглыхъ земляковъ нашихъ.

Едва я протянулъ руку, чтобъ взять кубокъ, какъ быстро вошелъ Еварестъ—имя его узналъ я вскорѣ,—и, приблизясь ко мнѣ, спросилъ.

— Ты тотъ молодой человекъ, которому гетманъ велѣлъ слѣдовать за собою?

— Я!

— Ступай за мною!

Слѣдуя за симъ проводникомъ, я успѣлъ замѣтить, что толпа знатныхъ собесѣдниковъ находилась въ крайнемъ изумленіи. Полныя чарки, бывъ поднесены ко ртамы, остановились въ рукахъ, и, по установленіи снряда сего опять на подносы, каждый шепталъ своему сосѣду во услышаніе всѣхъ. „Возможно ли? Кто этотъ молодой шляхтичъ?“—Въ третьей уже комнатѣ Куфій нагналъ меня, обнялъ и сказалъ весело:

— Добрый знакъ! Пойдемъ вмѣстѣ. Гдѣ допускается пріѣзжій, тамъ искренній другъ и подавно нелишній!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Э С А У Л Ъ.

Прошедъ длинный рядъ комнатъ, одна другой пространнѣе, одна другой великолѣпнѣе, вступили мы въ небольшой покой, въ коемъ находился гетманъ. Я сталъ въ отдаленіи и въ безмолвіи ожидалъ повелѣній. Куфій подошелъ къ нему и съ соучастіемъ сказалъ:

— Ты, мнѣ кажется, Никодимъ, съ недавняго времени или не совсѣмъ здоровъ, или сердитъ. Неужели затѣи поляковъ тебя беспокоятъ? Плюнь на этихъ безтолковыхъ и болѣе надѣйся на свое храброе войско. Божусь, что если до чего дойдетъ, то я самъ—вотъ этою рукою—не одному поляку намну чубъ и растреплю усы. Жаль только, что русскій царь позамедлилъ:

зима на дворѣ, а зимою хорошо только сидѣть въ теплой хатѣ и пить наливки, или заморскія вина.

Гетманъ, осмотрѣвъ меня внимательно, далъ знакъ, и я предсталъ къ нему твердыми шагами.

— Имя твое, молодой человѣкъ?

— Неонъ, по прозванію Хлопотинскій.

— Имя отца твоего и матери?

— Отца моего звали Ипполитомъ. Онъ—урожденный шляхтичъ переяславскаго полка. Находясь въ послѣднемъ походѣ противъ крымскихъ татаръ, онъ умеръ отъ ранъ; мать моя Анфиза, получа о семь свѣдѣніе, послѣдовала за нимъ во гробъ. Оставшись сиротою, я продалъ наслѣдственное имѣніе и, слыша, что ты готовишься къ войнѣ, явился въ Батурино, чтобы умножить собою число храбрыхъ сподвижниковъ за свободу и честь отечества.

— Не правда ли, Еварестъ,—спросилъ гетманъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не правда ли, что сей молодой человѣкъ имѣетъ чрезвычайно сходныя черты въ лицѣ съ двумя извѣстными тебѣ особами? Съ перваго взгляда я пораженъ былъ симъ необыкновеннымъ сходствомъ и покушался думать, что онъ сынъ ихъ, но теперь вижу, что обманулся. Какъ многоразлична природа въ своихъ измѣненіяхъ!—И такъ, ты, Хлопотинскій, желаешь служить подъ знаменами Малороссіи противу ея утѣснителей? Хорошо! Наружность твоя мнѣ нравится, ибо она обѣщаетъ мужество души и крѣпость тѣла. Я принимаю тебя въ число ратниковъ полка моего. Завтра поутру явись къ полковнику Еваресту, яко главному твоему начальнику, и онъ прикажетъ дать тебѣ приличную одежду и вооруженіе.

Послѣ сего онъ кивнулъ головою, я сдѣлалъ почтительный поклонъ и намѣревался выйти, но Куфій, подскочивъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и схвативъ за руку, сказалъ:

— Пойдемъ вмѣстѣ, нашъ завтракъ пропадать не долженъ!

Онъ повелъ меня обратною дорогою, и когда достигли мы прежней комнаты пиршествующихъ, то Куфій вскричалъ:

— Цосторонитесь всѣ! Никодимъ поручилъ мнѣ попотчевать сего молодого шляхтича, яко новаго своего тѣлохранителя, и не будь я Куфій, если онъ въ скоромъ времени не выскочитъ въ люди!

Прочіе собесѣдники, предполагая ласковый пріемъ гетманскій, о чемъ безошибочно заключали изъ ласкъ и привѣтливости нелицемѣрнаго Куфія, стали обходиться со мною вѣжливѣе, чѣмъ за полчаса дотолѣ; однако, ѣда и питье не шли мнѣ на умъ: я нетерпѣливо желалъ рассказать Неониллѣ и Королю о слѣдствіяхъ свиданія моего съ гетманомъ, простился съ добрымъ Куфіемъ и бросился къ жилищу Ермилову.

Всякій догадается, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались меня милая жена и добрый другъ!

— Ну, Неонъ,—сказалъ послѣдній, выслушавъ рассказъ о моемъ пріемѣ у гетмана,—теперь уже отъ тебя зависѣтъ будетъ идти ко храму счастья проложенною дорогою; помни мои наставленія, тебѣ дѣланія и какія впрелѣ

сдѣлаю. Сколько примѣтно, то наступающая зима пройдетъ въ мирѣ. Въ теченіе сего времени приготожь себя исподволь ко всѣхъ непріятностямъ, какія неминуемо встрѣтятъ война на поляхъ брани.

На другой день рано поутру, когда Неонилла покоилась еще сномъ безмятежнымъ, я одѣлся и быстро пошелъ ко двору гетмана. Мнѣ не трудно было найти жилище полковника Евареста, жившаго во дворцѣ, и какъ скоро объявилъ свое имя, то стоявшій у дверей часовой велѣлъ мнѣ войти въ ближайшую комнату, передѣться въ приготовленное платье и вооружиться. Я исполнилъ по сему приказанію, надѣлъ синюю куртку, такія же шаровары и черкеску краснаго цвѣта, препоясался саблею и въ руки взялъ копьѣ. Когда я былъ готовъ, то вошедшій эсаулъ (о званіи его я сейчасть догадался по наставленію Діоміда) велѣлъ слѣдовать за собою. Мы прошли обширнымъ заднимъ дворомъ и очутились на пространномъ лугу, гдѣ увидѣлъ я болѣе тысячи подобныхъ мнѣ рыцарей, гордо сидѣвшихъ на коняхъ и оказывающихъ удалство свое различнымъ образомъ. Мнѣ также подвели коня; я сѣлъ и началъ, подобно другимъ, кружиться, скакать, обращаться назадъ и опять скакать съ быстротою вѣтра. Въ семь занятіи провели мы часа два, и громкій звукъ трубы раздался по лугу. Мы построились всѣ въ ряды, и полковникъ Еварестъ, въ сопровожденіи сотниковъ и эсауловъ, явился передъ нами. Онъ проѣхалъ насквозь ряды и движеніемъ сабли раздѣлилъ на шесть частей, означивъ каждой время должности. Послѣ сего мы спѣшились, и я со многими другими поведенъ ко дворцу. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей разставлены у разныхъ входовъ во дворѣ, другіе у наружныхъ воротъ въ садъ, а я введенъ во внутренніе покои. Устава меня у дверей великолѣпной комнаты, провождающій насъ сотникъ сказалъ:

— Должность твоя, Хлопотинскій, состоитъ: въ эту комнату, непосредственно ведущую во внутренніе покои гетмана, не пропускать никого, кто не покажетъ на бумагѣ слѣпка сей печати, висящей у дверей на золотомъ шнуракѣ. Изъ сего исключаются только полковникъ Еварестъ, Куфій и дневальные войсковоы старшина, сотникъ и эсаулъ, которыхъ безошибочно узнать можешь по золотымъ поясамъ. Здѣсь пробудешь ты четыре часа; послѣ чего я смѣню тебя другимъ, и ты пойдешь, куда хочешь. Завтра—едва лишь разсвѣтетъ, являйся опять на гетманскій лугъ и жди новыхъ приказаній. Вотъ вся твоя должность, пока гетманъ, или Еварестъ, не возложатъ особенной.

Я провелъ у сихъ дверей объявленные мнѣ четыре часа, то стоя на мѣстѣ, то сидя, то похаживая взадъ и впередъ. Многіе важныя чиновники, какъ малороссійскіе, такъ и польскіе, проходили заповѣдныя двери, показавъ нужные отпечатки, которые давали имъ на то право. Предъ окончаніемъ моихъ служебныхъ часовъ Куфій появился, узналъ меня, весело подошелъ и сказалъ:

— Здравствуй, Хлопотинскій! Пріятна ли показалась твоя должность?

— Какъ скоро мое занятіе составляетъ должность,—отвѣчалъ я,—то оно не должно быть скучно, или тягостно!

— Bravo!—вскричалъ Куфій,—за такой отвѣтъ ты достоинъ быть по-

скорѣе эсауломъ! Ахъ, какъ мнѣ хочется дожидаться весны, когда начнутъ рѣзаться храбрые люди. Что касается до меня, то я—несмотря, что слышу недалнимъ человѣкомъ—считаю себя умнѣ многихъ тысячъ такъ называемыхъ умниковъ. Я люблю смотрѣть на сраженія издали. Если нашихъ поколотили, я, по крайней мѣрѣ, остаюсь цѣль; если же мы возьмемъ верхъ, то первый явлюсь на торжественныхъ пиршествахъ,—и наѣмся, и наньюсь исправнѣе тѣхъ, которые вышли изъ сраженія кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ глаза, безъ носу, съ оторванными усами и взъерошенными чубами.

Въ самую сію минуту явился гетманъ. Я распрямился, какъ стрѣла, и преклонилъ къ ногамъ его копье свое. Онъ взглянулъ на меня благосклонно и, обратясь къ моему собесѣднику, сказалъ:

— Куфій! если у насъ дойдетъ до войны съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, то мнѣ совѣтуютъ ввѣрить тебѣ цѣлый полкъ, доказывая, что ты храбрецъ первостатейный.

— Если совѣтники твоего высокоочія,—отвѣчалъ Куфій,—полагаютъ храбрость съ жареными индѣйками, курами и зайцами, то они правы, и я на семь поприщѣ не уступлю и Александру Македонскому; если же въ дражѣ съ чужеземными забіяками, то они солгали, и ты будешь очень простъ, если имъ повѣришь. Нерѣдко приходило мнѣ на умъ осмотрѣть всего себя внимательно, и, воспламенясь жаромъ воинственнымъ, я спрашивалъ: „скажи, любезный другъ Куфій, котораго изъ членовъ, данныхъ тебѣ природою, охотнѣ согласишься лишиться въ сраженіи?“ Послѣ сего щекоталъ у себя ребра, дергалъ за волосы, щипалъ ляшки, кусалъ на рукахъ пальцы и чувствовалъ, что вездѣ больно. Будучи нарочито не глупъ, я тотчасъ смекнулъ, что милосердый Богъ создалъ меня человѣкомъ во всемъ совершеннымъ не для того, чтобы я, по дерзости и безразсудству, дѣлался калѣкою и оборотнемъ.

Гетманъ улыбнулся и, уходя, сказалъ:

— Куда какъ много было бы хорошаго, если-бъ всѣ такъ думали, какъ ты!

— Гораздо болѣе было бы добра,—вскричалъ вслѣдъ ему Куфій,—если-бъ на землѣ не было другихъ жителей, кромѣ хомяковъ, кротовъ, зайцевъ и другихъ имъ подобныхъ, нежели, когда бы населена была одними волками и медвѣдями...

ИЗЪ РОМАНА:

„Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ.“

...День клонился къ окончанію, но веселье въ домѣ гостепріимнаго хозяина ¹⁾ не уменьшалось. Великое множество посѣтителей не было ему въ тягость. Онъ угощалъ мужчинъ, жена его—женщинъ. Панъ Харитонъ водилъ

¹⁾ Харитонъ Завоза, герой повѣсти, съ которымъ судились два Ивана.

гостей по саду, хотя сентябрьскіе вѣтры пообили уже половину древесныхъ листьевъ; по гумну, гдѣ вычислялъ, сколько стога каждый ржи даетъ ему пѣнику—по скотному двору, гдѣ имѣлъ случай похвалиться быками и коровами, козлами и баранами. Его супруга изъ окна показывала пріятельницамъ толпы куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, повѣствуя о нравѣ и привычкахъ каждаго пѣтуха и каждой курицы. Не утѣшно ли это?

Когда всѣ собирались опять въ комнату, гдѣ столъ уставленъ былъ корчагами съ дымящеюся варенухою, и гости, и хозяинъ поставили, гдѣ попало, свои кубки, услышали на дворѣ стукъ колесъ и лошадиный топотъ, и вскорѣ является въ собраніе человѣчекъ низменный, лѣтъ въ пятьдесятъ, но за то довольно пространный въ чревѣ и широкій въ раменахъ. Лысина его свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. Кто же былъ этотъ гость? Писецъ сотенной канцеляріи, панъ Анурій. Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ его, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухою. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда три кубка перелились въ его утробу, то онъ, избоченясь, произнесъ: „Что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавалъ мнѣ сей свертокъ бумагъ, сказалъ: „поѣзжай, дружище, и бумаги сіи отдай самолично пану Харитону“. Изъ сего заключаю, продолжалъ Анурій,—что онѣ благопріятны, ибо въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь“.—„Понимаю, понимаю! сказалъ панъ Харитонъ, и съ улыбкой вышелъ. Едва успѣлъ панъ Анурій управиться съ четвертымъ кубкомъ, какъ панъ Харитонъ явился съ дарами и предложилъ ему новую шляпу изъ лучшей коровьей шерсти, новыя сапоги, налитанные самымъ чистымъ дегтемъ, и глиняную трубку работы перваго гончара въ Полтавѣ. Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое и бросился къ своей одноколѣ для укладки, послѣ чего вошелъ въ собраніе съ большимъ запечатаннымъ сверткомъ бумагъ, учтиво подалъ оный пану Харитону и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. Панъ Харитонъ, просмотрѣвъ бѣгло каждый листъ, сказалъ: „у меня послѣ случившихся тревогъ глаза что-то мутны: потрудись, панъ Анурій, самъ прочесть. Опредѣленіе сотенной канцеляріи не есть тайна“. Панъ Анурій съ важностію взялъ бумаги, вынулъ опредѣленіе, надѣлъ очки и началъ читать: „Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны Зубарь и Хтара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухсотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

Сотенная канцелярія, по долгу своему вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

1. Предположа, что у пана Харитона, при сгорѣнніи голубятни, погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухсотъ, т.-е. двѣсти одинъ, то назнача высшую цѣну за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкою. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно, настоящаго чистаго убытку принесли на пять копѣекъ: прочіе же голуби—частію раз-

летѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть: итакъ они изжарились по доброй волѣ.

2. У пана Ивана старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждый таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ: итакъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключая изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану старшему истиннаго убытка на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ, каковыя деньги въ теченіе трехъ дней и долженъ непременно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ сотенной канцеляріи удержится двадцать восемь рублей девяносто пять копѣекъ; за тѣмъ оставшіяся цѣлый рубль имѣеть быть выданъ пану Ивану старшему съ распискою“.

Кто опишетъ бѣшенство пана Харитона! Онъ ломалъ на рукахъ пальцы, стучалъ въ полъ ногами и страшно поводилъ глазами. Наконецъ, вскочилъ какъ отчаянный, подбѣжалъ къ изумленному писцу, выхватилъ роковое опредѣленіе, изорвалъ въ лоскутки и кинулъ въ глаза послу сотенной канцеляріи. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и ропотъ. Панъ Харитонъ ничему не внималъ,—онъ вопіялъ, оборотаясь къ писцу: „Зачѣмъ же вы развѣзжали на лошадяхъ моихъ? а? Зачѣмъ орали землю моими волами и засѣвали ее моими сѣменами? а? Зачѣмъ пожирали моихъ овецъ и барановъ и изъ шкуръ ихъ дѣлали себѣ шубы? а? Зачѣмъ брали у меня деньги, душегубцы, бездѣльники, разбойники? Зачѣмъ выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотѣли держать мою сторону? а?“

Съ симъ словомъ—въ ужасу всѣхъ гостей и семействъ ихъ, ибо на громоподобный ревъ пана Харитона сбѣжались все жены и дочери собесѣдниковъ—онъ поволокъ пана Анурія за воротъ, вытащилъ на дворъ, схватилъ въ охапку, стукнулъ въ одноколку, подалъ вожжи въ руки сидящему и давъ двѣ добрыя подзатыльщины, схватилъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ, туда же выскоча, кричалъ вслѣдъ писцу: „Скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ сотенной канцеляріи, что они беззаконники и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ полковой канцеляріи!“

Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ злѣйшимъ врагомъ своимъ по дѣлу о сожженной голубятнѣ и истребленной пасѣкѣ, паны Иваны съ торжествомъ ѣхали изъ города въ свою обитель, какъ на срединѣ дороги у стоявшей корчмы увидѣли они одноколку и тотчасъ узнали, кому принадлежитъ она. „Вотъ кстати,—сказалъ Иванъ старшій,—возьмемъ у Анурія принадлежащей намъ рубль и хорошенько его попочтуемъ“.

Вошедъ въ сборную комнату, они и подлинно увидѣли пана Анурія за столомъ сидящаго у суеи въ самомъ пасмурномъ положеніи. „Что такое, панъ Анурій?—вскричалъ Иванъ старшій,—суея у самаго рта и печальный видъ—это что-то не клеется. Жидь! подай-ка еще двѣ суеи, съ чѣмъ хочешь,

только бы съ самыми лучшими душами! Право, ты, панъ Анурий, великій дѣлецъ и весьма проворенъ! Возможно ли только въ такое короткое время управиться съ такою буйною головою, какова у негоднаго Занозы!“— „И подлинно управился!“ сказалъ Анурий съ горькою улыбкою и, наливъ кубокъ, пилъ изъ него съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Паны Иваны диковину сію замѣтили съ удивленіемъ, приступили съ разспросами, и Анурий разсказалъ все подробно. Выслушавъ съ подобающимъ вниманіемъ о семъ приключеніи, отъ существованія Малороссіи неслыханномъ, паны Иваны сердечно обрадовались, и старшій всплескалъ руками. Анурий показалъ весьма недовольный видъ и спросилъ: „Неужели вы, коихъ я считалъ моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а сплнѣ полновѣсные удары дубиною?“— „Никакъ,—отвѣчалъ Иванъ старшій мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебѣ, нашему другу и ходатаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцеляріи дерзкою рукою злобнаго Занозы Мы надѣемся, что сіе злодѣяніе скорѣе его доконаетъ, чѣмъ застрѣленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и наконецъ истребленная пасѣка! Шутка ли только! Пану Анурию, мужу, посѣдѣвшему и оплѣшивѣвшему среди бумаги, чернилъ и перьевъ, надавать подзатылицъ и разъ десять огрѣть орасиною!“— „Ровно двѣнадцать разъ огрѣлъ онъ,—отвѣчалъ надменно панъ Анурий,—а въ тринадцатый замахнулся и хотя сдѣлалъ промахъ, но все его должно счесть за ударъ. Притомъ же, при безчисленномъ множествѣ шляхтичей и шляхтянокъ онъ поносилъ самыми безчестными ругательствами сотника и всю сотенную канцелярію; воловъ меня черезъ всю комнату,— что все равно, какъ черезъ весь домъ,—за воротъ, который достаешь, какъ видите, до затылка,—а потому все равно, какъ бы воловъ за чубъ. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозѣ достанется за сіе богопротивное дѣло съ лихвою, то мнѣ это любо! О, если бы у него было и вдвое имѣнія болѣе, нежели сколько имѣеть, то и его было бы недостаточно заплатить мнѣ за безчестье и увѣче. Нѣтъ! надобно будетъ ему познакомиться съ городскою тюрьмою и отвѣдать, какой вкусъ имѣеть черствый хлѣбъ и прѣсная вода. Вотъ вамъ рука моя, что это сбудется и притомъ скоро.“

НАРОДНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Мерзляковъ.

Пѣсня: „Среди долины ровныя“.

Среди долины ровныя, на гладкой
высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ
могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ
у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжка, какъ
рекрутъ на часахъ.

Взойдетъ-ли красно солнышко: кого
подъ тѣнь принять?
Ударить-ли погодушка: кто будетъ
защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки
близъ него,
Ни кустии зеленые не вьются
вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву
расти!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ
друга жизнь вести!
Есть много серебра, золота: кого
имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ
къмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: по-
клонъ да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: по-
клонъ да пара словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣ-
жить меня;
Всѣ други, всѣ приятели до чернаго
лишь дня!
Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу,
когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой зем-
лѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чу-
жой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька
ко мнѣ,
Не плачется отъ радости старикъ,
глядя на насъ,
Не вьются вкругъ малюточки, ти-
хохонько рѣзвась!
Возьмите же все золото, всѣ поче-
сти назадъ!
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ ми-
лой дайте взглядъ!

**Пѣсня: „Я не думала ни о
чемъ въ свѣтѣ тужить“.**

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ
тужить:
Пришло время, начало сердце кру-
шить.
Съ воздыханья бѣлой груди тя-
жело!
То-ли въ свѣтѣ здѣсь любовью про-
слыло:
Полюбя дружка, отъ горести из-
ныть,

Что по сердцу мнѣ, не смѣть того
любить?
Злые люди всѣ украдкою глядятъ,
Меня, дѣвушку, заочно всѣ бра-
нять...
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ
людскихъ?
Сердце любить, не спросась людей
чужихъ;
Вы уймитесь, злые люди, гово-
рить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со-
мною;
Было время и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по
себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!
Что-жъ мнѣ дѣлать съ горемышной
головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ
тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на
него;
Людамъ нужды нѣтъ до сердца
моего!...
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горячими слезами оболюю,
Вамъ однимъ скажу про горестъ я
свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ
пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше
жить.

**Пѣсня: „Чернобровый, чер-
ноглазый“.**

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью.
Для того-ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того-ли сердце любить,
Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скугѣ
Ретивого сердца!

Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Изуши горючи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими...
Воетъ сыр-боръ за горою,
Мятелица въ полѣ:
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.

Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходитъ-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!
Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодого парня,
Побережъ-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

Ершовъ:

Конекъ-Горбунокъ.

ПОВѢДКА ИВАНА.

...Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ
За кольцомъ на океанъ;
Горбунокъ летитъ, какъ вѣтеръ,
И еще на первый вечеръ
Верстъ сто тысячъ отмахалъ
И нигдѣ не отдыхалъ.

Подѣвжая къ океану,
Говоритъ конекъ Ивану:
„Ну, Иванушка, смотри,
Вотъ минутки черезъ три
Мы приѣдемъ на поляну
Прямо къ морю-окияну;
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо, рыба-китъ.
Десять лѣтъ ужъ онъ страдаетъ,
А доселѣва не знаетъ,
Чѣмъ прощенье получить.
Онъ учнетъ тебя просить,
Чтобъ ты въ солнцевомъ селенѣ
Попросилъ ему прощенье:
Ты исполнить обѣдай,
Да смотри-жъ не забывай!“

Вотъ вѣвзжаютъ на поляну
Прямо къ морю-окияну,
Поперекъ его лежитъ
Чудо-юдо, рыба-китъ.
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты,
На хвостѣ сыр-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,

Мужики на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубровѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо, рыба-китъ
Такъ проѣзжимъ говорить,
Ротъ широкой отворяя,
Тяжко, горько въздыхая:
„Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?“

— „Мы—посланники царицы:
Ѣдемъ оба изъ столицы
(Говоритъ киту конекъ)
Къ солнцу прямо на востокъ,
Во хоромы золотые“.

— „Такъ нельзя-ль, отцы родные,
Вамъ у солнышка спросить:
Долго-ль мнѣ въ опалѣ быть,
И какое повелѣнье

Мнѣ исполнить для прощенья?“

— „Ладно, ладно, рыба-китъ!“

Нашъ Иванъ ему кричитъ.

— „Будь отецъ мой милосердный!

Вишь, какъ мучуся я—бѣдный;
Десять лѣтъ ужъ здѣсь лежу...

Я и самъ тѣ услужу...“

(Китъ Ивана умоляетъ.

Самъ же тяжко въздыхаетъ).

„Ладно, ладно, рыба-киты!“
 Нашъ Иванъ ему кричить.
 Тутъ конекъ подъ нимъ забился
 И по берегу пустился;

Только видно, какъ песокъ
 Бьется вихоремъ у ногъ,
 Будто сдѣлалась погодка.

Бдутъ долго-ли, коротко,
 И увидѣли-ль кого—
 Я не знаю ничего.

Скоро сказка говорится,
 Дѣло мѣшкотно творится,
 Только, братцы, я узналъ,
 Что конекъ туда вбѣжалъ,
 Гдѣ (я слышалъ стороною)
 Небо сходится съ землею,
 Гдѣ крестьянки лень прядутъ,
 Прялки на небо кладутъ.

Тутъ Иванъ на небо вѣхалъ
 Да по небу и поѣхалъ,
 Избоченясь, будто князь,
 Шашку на бокъ, подбодрясь.

„Эко диво, это диво!
 Наше царство хоть красиво
 (Говоритъ коньку Иванъ
 Средь лазоревыхъ полянъ),
 А какъ съ небомъ-то сравнится,
 Такъ подъ стельку не годится.

Вѣдь у насъ земля черна,
 И темна-то, и грязна;
 Здѣсь земля-то голубая,
 А ужъ свѣтлая какая!..
 Посмотри-ка, Горбунокъ,
 Видишь, вонъ, гдѣ на востокъ,
 Словно свѣтится гнилушка...
 Чай, крестьянская избушка?
 Что-то больно высока!“

(Такъ спросилъ Иванъ конька).

— „Это теремъ Царь-Дѣвицы,
 Нашей будущей парицы
 (Горбунокъ ему кричить);
 По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
 А какъ день-деньской приходитъ,
 То сюда и мѣсяцъ входитъ“.

Подвѣзжаютъ къ воротамъ—
 Сто столбовъ по сторонамъ!
 Всѣ столбы тѣ голубые,
 А верхушки золотыя;
 На верхушкахъ три звѣзды;
 Вокругъ терема сады:
 На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
 Въ раззолоченныхъ во клѣткахъ,
 Птицы райскія живутъ,
 Пѣни царскія поютъ.

А вѣдь теремъ съ теремами
 Будто городъ съ деревнями:
 А на теремѣ изъ звѣздъ
 Православный русскій крестъ.

Вотъ конекъ на дворъ вѣзжаетъ;
 Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
 Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
 И такую рѣчь ведетъ:

„Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
 Я—Иванушка Петровичъ...“

Изъ далекихъ я сторонъ
 И привезъ тебѣ поклонъ“.

— „Сядь, Иванушка Петровичъ,
 (Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ),
 И повѣдай мнѣ вину—

Въ нашу свѣтлую страну
 Твоего съ земли прихода:

Изъ какого ты народа,
 Какъ явился въ сей странѣ,
 Все вполнѣ повѣдай мнѣ“.

— „Я съ земли пришелъ землянской,
 Изъ страны вѣдь христіанской
 (Говоритъ ему Иванъ):

Переѣхалъ океанъ
 Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
 Нашей будущей парицы,
 Чтобъ тебя отъ ней спросать,
 Послѣ ей пересказать!

Для чего, дескать, три ночи
 Не показывалъ ты очи,
 И затѣмъ-де три ужъ дня
 Солнце скрылось отъ меня?

— „А какая то парица?“

— „Это, знаешь? Царь-Дѣвица...“

— „Царь-Дѣвица?.. Такъ она
 Что-ль тобой увезена?“

Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
 Тутъ Иванушка Петровичъ
 Говоритъ: „извѣстно, мной!
 Вишь, я—царскій стремянной“.

Тутъ Иванушка поднялся,
 Въ путь-дороженьку собрался...
 Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
 „Эхъ, немножко не забылъ!
 Есть къ тебѣ, родной, прошенье...
 То о китовомъ прошеньѣ...
 Есть, вишь, море; чудо-китъ
 Понережь его лежитъ;
 Всѣ бока его изрыты,
 Частоклы въ ребра биты;
 Онъ, бѣднякъ, меня прошалъ,
 Чтобы я тебѣ сказала:
 Скоро-ль кончится мученье?“

Чѣмъ сыскать ему прощенье?
И за что онъ тутъ лежитъ?“
Мѣсяць ясный говорить:

„Онъ за то несетъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ онъ средь морей
Три десятка кораблей.
Если дасть онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду“.
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свиснулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на океанъ.
Вотъ конекъ бѣжить по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо, рыба-китъ
Таеъ, вздохнувши, говорить:
„Что, отецъ мой? въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?“

Тутъ конекъ, ему кричить:
„Погоди ты, рыба-китъ!“
Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужиковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
„Эй! послушайте, міряне!
Православны христіане!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся вмигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ,
Повернется рыба-китъ...“

Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіане,
Закричали: „быть бѣдамъ!“
И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ, не мѣшкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ не осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай съ войной!

Тутъ конекъ на хвостъ вбѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаеъ
И что мочи есть кричить:
„Чудо-юдо, рыба-китъ!
Оттого твое мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ ты средь морей

Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду“.
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ прыгъ—
И на немъ остановился...

Чудо-китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами...

Тутъ поднялся шумъ такой,
Что проснулся царь морской:
Въ пушки мѣдныя палили,
Въ трубы кованы трубили,
Бѣлый парусъ поднялся,
Флагъ на мачтѣ развился,
Попъ съ причетомъ всѣмъ служеб-
нымъ

Пѣлъ на палубѣ молебны,
А гребцовъ веселый рядъ
Грянулъ пѣсно на подхватъ:
„Какъ по моречку, по морю,
По широкому раздолю,
Въ отдаленѣ отъ земли,
Выбѣгаютъ корабли...“

Волны моря заклубились,
Корабли изъ глазъ сокрылись,
Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричить,
Ротъ широкий отворяя,
Плесомъ волны разбивая:
„Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо ль раковинъ пѣвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчужговъ?
Все достать тебѣ готовъ!“
— „Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчужговъ въ награду
(Говоритъ ему Иванъ):
Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы“.
— „Ладно, ладно (рыба-китъ
Стремянному говоритъ):
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы“.
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.
Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетринный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:

„Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставитъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ.
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните... я васъ!“
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.
Черезъ нѣсколько часовъ
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
„Царь великій! не гнѣвись!
Мы все море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А все перстня не видали.
Только ершъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить твой приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло“.

— „Отыскать его въ минуту
И послать въ мое каюту!“
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.
Осетры тутъ поклонились,
Въ земскій судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ:
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался;
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ;
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря
И того, ерша-гуляку,
Крикуна и забяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.
Идутъ часъ они въ рѣкахъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ.
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы перешли,

Не могли ерша сыскать
И вернулись назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услышали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслышанный въ водѣ...
Въ прудѣ дельфины завернули
И на дно его нырнули.—
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ!
„Смирно! черти-бъ васъ побрали!
Вишь содомъ какой подняли,
Словно, важные бойцы!“
Закричали имъ гонцы.
— „Ну, а вамъ какое дѣло?“
(Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло);
Я шутить вѣдь не люблю,
Разомъ всѣхъ переколю!“
— „Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ, и забяка!
Все бы, дрянъ, тебѣ гулять,
Все бы драться, да кричать!
Дома—нѣтъ, вѣдь не сидится...
Ну, да что съ тобой рядиться?
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ.“
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
„Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку додраться!
Распроклятый тотъ карась
Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всемъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью...“
Долго ершъ еще кричалъ,
Наконецъ, и замолчалъ,
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего не говоря,—
И явились предъ царя.
„Что ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?“
(Китъ со гнѣвомъ закричалъ).
На колѣни ершъ упалъ
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ испрашивалъ прощенья.
„Ну, ужъ Богъ тебя проститъ
(Китъ державный говоритъ):
Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье“.
— „Все исполню, славный китъ!“
(На колѣняхъ ершъ пищать).

— „Ты по всѣмъ морямъ гуляешь, Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь, Царь-Дѣвицы?“—„Какъ не знать? Можемъ разомъ отыскать“.

— „Такъ ступай же поскорѣе Да носи его живѣе“.

Тутъ, отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучокъ—
Пудъ по крайней мѣрѣ во сто.

„Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!“

И давай изъ всѣхъ морей
Ершъ скликать къ себѣ сельдей.

Сельди разомъ собралися,
Сундучокъ тащить взялися,
Только слышно и всего,
Что „у-у“! да „о-о-о“!

Но сколь сильно ни кричали,
Сундука все не подняли.

Ершъ, не тратя много словъ,
Крикнулъ десять осетровъ.

Вотъ десятокъ подплываетъ
И безъ крику поднимаетъ
Крѣпко вязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучокъ.

„Ну, ребяташки, смотрите,
Вы къ царю теперь плывите;

Я пойду теперь ко дну,
Да немножко отдохну:

Что-то сонъ одолеваетъ,
Такъ глаза вотъ и смыкаетъ“.

Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ, гуляка, прямо въ прудъ

(Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины),

Чай, подрагъся съ карасемъ,
Я не вѣдаю о томъ.

Но теперь мы съ нимъ простимся
И къ Ивану возвратимся.

Тихо море-окиянь,
На песокъ сидитъ Иванъ,
Ждетъ кита изъ синя моря
И мурлыкаетъ отъ горя;
Повалившись на песокъ,
Дремлетъ вѣрный горбунокъ.
Время къ вечеру клонилось;
Тихимъ пламенемъ горя,
Вотъ ужъ солнышко спустилось:
Развернулася заря;

А кита—не тутъ-то было.

„Чтобъ-тѣ, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтанъ!
(Говоритъ себѣ Иванъ).

Обѣщался до зарницы
Вынести перстень Царь-Дѣвицы,
А доселѣ не сыскалъ,
Окаянный зубоскалъ!

А ужъ солнышко то сѣло,
И...“ Тутъ море закипѣло:

Появился чудо-китъ
И къ Ивану говоритъ:

„За твое благодѣянье,
Я исполнилъ обѣщанье“.

Съ этимъ словомъ сундучокъ
Брякнулъ крѣпко на песокъ,
Только берегъ закачался.

„Если-жъ нужень буду я,
Позови опять меня;
Твоего благодѣянья
Не забыть мнѣ... До свиданья!“

Тутъ китъ-чудо замолчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ...

Р а с т о п ч и н ъ .

Изъ «Мыслей вслухъ на красномъ крыльцѣ».

Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, избраненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгиевскій и владимирскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милици, въ Тулу для закупки ружей, и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, по выходѣ,

въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ былъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положи локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталь думать вслухъ тако:

„Господи помилуй! Да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французъ: „сгинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или восвойся, все равно,—только не будь на Руси..“

„Прости Господи! ужъ ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянъ заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ? Ее же бранять все не на животь, а на смерть. Приѣдетъ французъ съ висѣлицы, всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говорить: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ! А онъ, собака, холопъ,—либо купчишка, либо подъячій, либо попъ-разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пу-стится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

„Боже мой! Да какъ же предки наши жили безъ французскаго языка, а служили вѣрой и правдою государю и отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное!

„Спаси Господи! Чему дѣтей нынче учать! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество когда они закону Божьему не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всею свое названье: Богъ помочь—*Bon jour*; отецъ—*Monsieur*; старуха-мать—*Maman*, холопъ—*Mon ami*; Москва—*Ridicule*; Россія—*Fidonc*. Сущія дѣти, и ду-хомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

„Господи помилуй! Только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по-французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—Парижъ. Родителей не уважаютъ; стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодые сошли съ ума. Все стала каша-кашей. Бѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты, какъ мать наша Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мясного ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти нѣмцами. Охъ, тяжело! дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дурь! Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный.

„Прости Господи! Все по-французски, все на ихъ манерь: пора уняться.

Чего лучше быть русскимъ? Не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ вверхъ, — есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вѣдь, что за люди къ намъ ѣздить, и кому дѣтей своихъ мы вѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговариваль, а, впрочемъ, хоть иконы обдери: ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобы умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрамка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

„Владыко мой! Да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? Все есть, иль быть можетъ. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ полтора ста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцевъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества—Пожарскій и Мининъ, Мосевы—Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ергомень, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ. Всѣ они знали и знаютъ французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго.

„Царь небесный! малоэтого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите—шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой; миллионы посыпались, всѣ вооружились; и отъ Ледянаго моря до Чернаго отъ сердца и души закричали: „всѣ готовы, идемъ и побьемъ!“

„Господи помилуй! да что за народъ эти французы! копѣйки не стоятъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху; ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись—либо философъ, либо римлянинъ, а все норовитъ въ карманъ; трусливъ, какъ заяцъ, шалостливъ, какъ кошка: хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они—плутишки, а на войнѣ—разбойники,—два лишь правила у нихъ есть: „все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать“. Хоть немного по шерсти поглядятъ, то и бунтъ. Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили:

законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемакина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, тонить, мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ и почали грабить и душиить нѣмцевъ и венгерцевъ, итальянцевъ и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: „послѣ спасибо скажете“. А тамъ явился Бонапартъ: ушелъ изъ Египета, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ сенатъ взашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а, наконецъ, кричать: „шабашъ, республика!“ давай Бонапарта короновать, а ему то и стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно, и равно всѣмъ, то-есть: плакать и кряхтѣть: а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголь, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція—пожаръ, французы—головешки, а Бонапартъ—кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть: Италию разграбилъ, двухъ королей на острова¹ отправилъ, цесарцевъ обдулъ, пруссаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все—мало! весь мѣръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ,—а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу, и стали бубноваго короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ,—сталъ покашливать; подъ Эйлау—по другой,—и свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

„Слава тебѣ, російское побѣдоносное христіанское воинство! Честь государю нашему и матушкѣ-Россіи! Слава вамъ, герои російскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Дохтуровъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчная память, юноша храбрый Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнутъ неразъ, раздѣлять печаль тяжелую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, царство русское! Всемирный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришелъ, какъ свирѣпый левъ, хотѣлъ все пожрать, теперь бѣжитъ, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютаго: тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе, вы одни молодцы. Побѣда передъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами“.

За симъ Сила Андреевичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатались изъ нихъ на землю и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали, пролитыми въ теченіе двухъ вѣковъ на мѣстѣ семь сынами отече-

ства: потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спасскія ворота домой.— Миръ съ тобой, Сила Андреевичъ! многія тебѣ лѣта здравствовать!

И з ъ А ф и ш ѣ 1812-го г о д а .

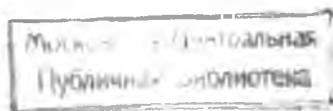
Слава Богу! Все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить,— и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердный государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты—христіанское воинство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, а они рады съ вами и жить, и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти предъ вами, а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего! нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного—пьяницъ да дураковъ: они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши врасплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ: а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить фельдмаршалство, нищимъ—золотыя горы, народу—свободу; а всѣхъ ловить за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ не былъ,—за хохоль, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ,—тому честь, слава и награда: а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хоть пяти пядей будь во лбу: мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку-Москву: а кому-жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я—вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православный христіанинъ. Вотъ моя и молитва: „Господи, Царю Небесный! продли дни благочестиваго, земнаго царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христіанскаго воинства; продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, и симъ знаменіемъ побѣдиши“.

Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатю; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію: теперь мы равны съ непріателемъ числомъ войскъ. Черезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единого закона, единого царя, защищаютъ церковь Божію, дома, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріатели.

же дерутся за хлѣбъ, умирають на разбоѣ: если они разъ проиграють баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, нехорошо, и побранить есть за что. Два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны: а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не слушаю и своему брату, русскому; и что за диковина ста челоуѣкамъ прибить косяного француза, или въ парикѣ окурнаго нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ,—ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено, они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это—государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе: возьмите только на три дня хлѣба; идите со крестомъ: возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ высшихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ суду, кто отговариваться станетъ!

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 623404

